Кибербезопасность

Фундаментальные компоненты

Кибербезопасность

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Кикудзиро Исии являлся одним из крупнейших японских дипломатов, состоял японским послом в Париже, занимал пост министра иностранных дел Японии.

"Дипломатические комментарии" Исии затрагивают многие важные вопросы международных отношений XIX–XX веков и, самое интересное, дают представление о роли дипломатии в развитии японского государства.

Книга производства Кузницы книг InterWorld'a.

https://vk.com/bookforge — Следите за новинками!

https://www.facebook.com/pages/Кузница-книг-InterWorlda/816942508355261?ref=aymt_homepage_panel — группа Кузницы книг в Facebook.

- Кикудзиро Исии
  - Предисловие
  - Глава первая
    - 1. Два уязвимых места в естественной линии обороны Японии
    - 2. Исторические линии национальной обороны
  - Глава вторая
    -
    - 1. Скромное начало дипломатии в Эпоху Мейдзи
    - 2. Дипломатия концессий и пересмотр договоров
    - 3. Японо-Китайская война и тройственное вмешательство
    - 4. Германия и тройственное вмешательство
    - 5. Боксерское восстание[59] и Пекинский протокол
    - 6. Англо-германское соглашение и участие Японии
  - Глава третья
    - 1. Характер японского и английского народов
    - 2. Образование англо-японского союза
    - 3. Деятельность барона Эккардштейна
    - 4. Переговоры об англо-японском союзе и маркиз Ито
    - 5. Первый англо-японский договор
    - 6. Второй англо-японский договор
    - 7. Третий англо-японский договор
    - 8. Конец англо-японского союза

- Глава четвёртая
  - 1. Господство русских милитаристов
  - 2. Переговоры, разрыв сношений и начало войны с Россией
  - 3. Портсмутская конференция
  - 4. История Сахалина
- Глава пятая
  - 1. Дипломатия до начала войны
  - 2. Дипломатия по отношению к Китаю
  - 3. Лондонская Декларация
  - 4. Новое русско-японское соглашение
- Глава шестая
  - 1. История специальных интересов Японии
  - 2. Совместная японо-американская декларация
- Глава седьмая
  - 1. Новая Европа и новый мир
  - 2. Прогресс и теперешнее состояние Лиги
  - 3. Ассамблея и Совет Лиги
  - 4. Лига Наций, как высший орган мира
  - 5. Постоянный международный суд
  - 6. Секретариат Лиги
- Глава восьмая
  - 1. Риск войны
  - 2. Ограничение сухопутных воздушных и морских сил
  - 3. Конференция по ограничению морских вооружений
  - 4. Лондонская морская конференция[96]
  - 5. Кодификация морских правил в военное время
- Глава девятая
  - 1. Святая троица международного мира
  - 2. Споры, подлежащие арбитражу
  - 3. Кодификация международного права
  - 4. Обязательность обращения к Постоянному международному суду
- Глава десятая
  - 1. Предложение американского правительства
  - 2. Критика договора против войны
  - 3. «От имени своих народов»
  - 4. Ратификация договора против войны
- Глава одиннадцатая
  - 1. Конституция
  - 2. Внешняя политика Японии

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38
  - 39
  - 40
  - 41
  - 42
  - 43

- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87

- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115

Кикудзиро Исии
Дипломатические комментарии

Предисловие

Кикудзиро Исии[1] является одним из крупнейших японских дипломатов. Он начал свою дипломатическую карьеру еще в 1890 г. Исии был свидетелем японо-китайской войны 1894–1895 гг. Его имя связано с участием Японии в подавлении боксерского восстания в Китае в 1900 г. Он находился на дипломатической службе Японии во время заключения англояпонского союза 1902 г. Его информация способствовала получению Японией после русско-японской войны 1904–1905 гг. по Портсмутскому договору южной половины Сахалина.

Исии состоял японским послом в Париже с 1912 по 1915 г. С 1915 по 1916 г. он занимал пост министра иностранных дел Японии. В 1917 г. был направлен со специальной миссией в США, где 2 ноября 1917 г. было подписано известное соглашение Лансинг — Исии, признавшее «специальные интересы» Японии в Китае. В 1920 г. он снова был назначен послом в Париже и играл значительную роль в Лиге наций. За свои дипломатические заслуги Исии получил сначала титул барона, а затем виконта. В 1927 г. он был назначен членом Тайного совета при императоре. В 1933 г. он возглавлял японскую делегацию на Лондонской экономической конференции.

«Дипломатические комментарии»[2] Исии затрагивают многие важные вопросы международных отношений XIX–XX веков и, самое интересное, дают представление о роли дипломатии в развитии японского государства.

I

Между прочим Исии в своей книге приводит немало ярких примеров, характеризующих провокаторскую роль и вероломство германской дипломатии. В частности Исии убедительно рассказывает, как Германия все время стремилась столкнуть Японию с Россией, поссорить эти страны между собой (Симоносекский договор 1895 г. и вмешательство Германии, Франции и России; подготовка японо-русской войны 1904–1905 гг., война 1914–1918 гг.). Во всех случаях, когда Германии удавалось поссорить или ухудшить отношения между двумя соседними державами на Востоке, в выигрыше оставалась Германия.

Гитлеровское правительство взяло из опыта предшествующей германской дипломатии самые худшие провокационные приемы,

доведя эти приемы до крайних пределов подлости.

Гитлеровскую дипломатию нельзя считать дипломатией в том смысле, в каком привыкли ее понимать цивилизованные государства. Это не дипломатия, а сплошная цепь шантажа и провокаций. Это своего рода дипломатический бандитизм, в корне отрицающий все установленные практикой нормы международных отношений.

Исии свои «Дипломатические комментарии» начинает с изложения древней истории Японии. Он старается представить древнюю историю Японии таким образом, что на коренных жителей Японии — японцев — стали нападать появившиеся с севера айну, и японцы должны были принимать меры для того, чтобы не допустить захвата этим племенем японских островов.

Кроме того, территорией, через которую, по мнению Исии, шло движение против Японии с постоянной угрозой самому существованию Японии, была Корея, отделенная от Японии узким Цусимским проливом.

Чтобы показать наличие «корейской опасности», Исии уделяет много внимания попыткам монгольского нашествия на Японию в XIII веке через Корею. Эти попытки предпринимались дважды — в 1274 и 1279–1281 гг. — и оба раза были отбиты.

Из всего этого Исии хочет извлечь урок для настоящего. Он утверждает, что «две опасности в течение веков постоянно угрожали стране и оказали большое влияние на современную японскую дипломатию. По традиции считается, что эти две опасности угрожают самому существованию империи. Мысль о них проникла до мозга костей японского народа».

Исии больше всего обращает внимание на «опасность» со стороны Кореи. Оборона от этой «опасности» представляется ему важнейшей задачей Японии. Но при его понимании обороны можно сочинить самые грандиозные завоевательные планы.

Осуществляя подобные планы, японский полководец Хидейоси (1536–1598) уже предпринимал поход в Корею, для того чтобы в дальнейшем подчинить себе Китай. Он намеревался также захватить Формозу и Филиппины.

При династии сёгуна Токугава (1600–1867) не только были оставлены завоевательные планы, но были приняты меры для изоляции Японии и ликвидации общения японцев с иностранцами. Конечно, эти меры не были проведены до конца, и полной изоляции никогда не было.

Во всяком случае ни «северная», ни «корейская» опасности за это время Японии не угрожали. Свежий ветер подул на Японию с другой стороны.

США признали необходимым установить торговые сношения

с этим островным государством. В 1853 г. была отправлена из США в Японию эскадра во главе с коммодором Перри. Перри привез письмо от американского президента с предложением установить экономические отношения между США и Японией, но, передав письмо чиновникам сёгуна, Перри не торопил их с ответом и заявил, чпго он приедет за ним через несколько месяцев. И действительно, в начале 1854 г. Перри вновь появился у берегов Японии. В результате происходивших переговоров был подписан первый японо-американский торговый договор, вызвавший во всей Японии взрыв патриотических чувств и недовольство сёгуном за проявленную им слабость в отношении иностранцев. В 1858 г. американцы, а вслед за ними и многие другие подписали с японцами неравноправные договоры, запрещавшие японцам повышать таможенные пошлины и признававшие право иностранцев в Японии судиться у своих консулов, а не в японском суде.

Со стороны России неоднократно делались попытки установить отношения с Японией. В 1792 г. в Японию прибыл русский путешественник Лаксман; в 1804 г. в Японии побывали Резанов и Крузенштерн; в 1811 г, — капитан Головнин. Почти одновременно с американцем Перри в Японию в 1853 г., а затем в 1854 г. приходила эскадра Путятина (в ее состав входил фрегат «Паллада», на котором путешествовал писатель Гончаров). В 1859 г. в Японию приезжал Муравьев-Амурский. В 1861 г. капитан Бирилев захватил остров Цусиму, от которого русским под давлением англичан пришлось отказаться.

В 1862 г. в Японии был убит англичанин Ричардсон. В связи с этим англичане предъявили правительству сёгуна ультиматум, и в 1863 г., ввиду неисполнения предъявленных требований, английский флот бомбардировал Кагосима, где властвовал клан Сацума. В 1864 г. английские, французские, голландские и американские военные корабли обстреляли город Симоносеки, находившийся во власти южного клана Тёсю.

Япония была потрясена этими событиями. Движение против иностранцев росло.

Правительство сёгуна маневрировало во враждебной ему обстановке внутри страны. Оно исполняло заключенные с иностранными державами договоры, но в то же время старалось показать, что готовится к сопротивлению иностранцам и к ликвидации неравноправных договоров. В октябре 1867 г. сёгун даже формально передал власть императору. Но это был со стороны сёгуна маневр, для того чтобы обмануть своих врагов и чтобы получить возможность подготовить свои вооруженные силы. Действительно, воспользовавшись перемирием,

правительство сегуна собрало армию и в январе 1868 г. дало генеральное сражение войскам императора около города Фусими. В этом сражении, продолжавшемся пять дней, войска сёгуна были разбиты. Кончилась власть сёгунов. Наступила «эпоха Мейдзи», эпоха половинчатых буржуазных реформ. Остатки феодальных отношении в Японии сохранились и по сей день, особенно в деревне.

Вопреки мнению Исии, «революция Мейдзи» произошла отнюдь не мирным путем.

II

Из стран Дальнего Востока Япония оказалась в наиболее благоприятном положении и выросла в первоклассную капиталистическую державу, тогда как ее соседи, в том числе Китаи, Индо-Китай, Сиам, Голландская Индия, отстали от нее и явились объектом эксплуатации со стороны других держав.

Тут дело, разумеется, не в особых свойствах японского народа, а в тех исторических условиях, в которых развивалась Япония.

Соседний с Японией Китай с его сотнями миллионов населения, с его естественными богатствами издавна являлся объектом завоевательных стремлений с разных сторон. Япония не была таким лакомым куском для иностранцев и не привлекала их взоров.

Китай перенес монгольское нашествие, Япония отбилась от него. Завоевание Китая мннчжурами явилось одной из причин задерживавших развитие Китая, в то время как Япония была избавлена от этого зла.

Опиумные войны и подавление при помощи иностранцев восстания тайпинов тормозили экономическое и политическое развитие Китая.

Китай в течение многих столетий был раздроблен и не представлял собой единого целого, а потому и не был способен бороться с внешними врагами. Япония всегда была более централизованным государством, разумеется, со всеми оговорками относительно феодального режима и внутренней борьбы.

Надо еще учесть общую мировую обстановку, при которой Япония вступила на путь буржуазного развития. Революция Мейдзи совершилась в 1867–1868 гг. Незадолго перед этим в Европе разразилась Крымская война (1853–1856), в Китае

происходила англо-французская интервенция (1856–1860) США пережили гражданскую войну (1861–1865). Россия имела свои внутренние трудности, связанные, во-первых, с осуществлением в 60-х годах прошлого столетия куцых буржуазных реформ, во-вторых, с польским восстанием 1863 г. и развивавшимся революционным движением. В центре Европы только что закончились войны Пруссии и Австрии против Дании (1864), Пруссии против Австрии (1866), назревали франко-прусская война (1870–1871) и русско-турецкая война (1877–1878).

Осторожная и ловкая дипломатия Японии учитывала создавшуюся обстановку, способствовавшую тому, что эта страна «восходящего солнца» очень быстро превратилась в сильное государство, которое было способно не только отстаивать свои позиции против нападений гигантов капитализма, но оказалось в состоянии вести наступательную политику на азиатском континенте и одерживать победы в войне с Китаем и с царской Россией. «После 1871 года, — писал Ленин, — Германия усилилась раза в 3–4 быстрее, чем Англия и Франция. Япония — раз в 10 быстрее, чем Россия»[3].

III

После революции Мейдзи перед новым правительством встала задача установления отношений с иностранными государствами. Разрешение этой задачи было нелегким делом, потому что революция Мейдзи в известной степени совершилась под лозунгом изоляции Японии от иностранцев и борьбы с неравноправными договорами.

Правительство Мейдзи поняло необходимость преобразовании для усиления экономической и военной мощи Японии. Оно поняло также необходимость избегать несвоевременных конфликтов с иностранными государствами и выиграть время для превращения Японии в сильную державу.

Дипломатия эпохи Мейдзи в силу этого должна была временно терпеть неравноправные договоры, несмотря на враждебное отношение к этим договорам широких кругов Японии.

Исии рассказывает, что министрам иностранных дел Японии приходилось выносить унижения от иностранных дипломатов и являться по их требованию в соответствующие миссии для дачи объяснений. Все это японские дипломаты сносили в интересах накопления сил и старались скрывать быстрый рост военной

мощи своей страны.

С Россией японская дипломатия в это время тоже не хотела ссориться. Договор с Россией 1855 г. устанавливал, что Курильские острова принадлежат России, а Сахалин «остается неразделенным между Россией и Японией, как было до сего времени». В 1875 г вопрос о Сахалине был окончательно урегулирован договором, подписанным в Петербурге японским представителем Конде и представителем русского министерства иностранных дел Стремоуховым. По этому договору Япония получала Курильские острова, а Сахалин признавался целиком принадлежащим России.

В 1871 г. комиссия во главе с Ивакура была отправлена на два года в Европу и Америку для переговоров об отмене неравноправных договоров. Но усилия этой комиссии не дали положительных результатов.

Японская дипломатия стремилась к тому, чтобы прорвать единый фронт иностранных государств и заключить, хотя бы с одним из них, равноправный договор. Первой на это пошла Мексика. 30 ноября 1888 г. японский министр иностранных дел Муцу подписал с ней первый равноправный договор.

Вслед за договором с Мексикой подписала равноправный договор с Японией Англия (в Лондоне 16 июля 1894 г.). После этого были подписаны подобные договоры с рядом других стран. Все эти договоры вступали в силу пять лет спустя после подписания договора с Англией, т. е. 16 июля 1899 г. Таким образом, неравноправность Японии с другими государствами сохранялась до конца XIX в.

IV

Японская дипломатии в эпоху Мейдэи уделяла особое внимание отношениям с Кореей.

Вскоре после революции Мейдэи, свергнувшей господство крупнейших феодалов — сёгунов, был поднят вопрос о военной экспедиции японцев в Корею.

Японское правительство, чтобы отвлечь внимание воинственных феодально-самурайских элементов, настаивавших на экспедиции в Корею, организовало в 1874 г. экспедицию на остров Формозу под предлогом наказания формозских жителей за убийство японских рыбаков с островов Рюкю (в 1872 г. острова Рюкю были присоединены к Японии). Но о Корее оно не забывало.

В 1876 г. Япония заставила корейское правительство подписать неравноправный договор об открытии порта Фузан для торговли с японцами. В 1880 г. были открыты еще два порта. В 1882 г. Японии добилась права на введение своих войск в Сеул для охраны своей дипломатической миссии.

Так как Корея считалась подвластной Китаю, то японская дипломатия сначала делала вид, что она добивается независимости Кореи от Китая. Это требование прикрывало подготовку захвата Кореи Японией.

Японская дипломатия добилась от китайского правительства согласия на вывод китайских войск из Кореи. Со своей стороны Япония соглашалась тоже вывести оттуда свои войска. Соответствующий договор был подписан в Тяньцзине 18 апреля 1885 г. между представителем Японии Ито и представителем Китая Ли Хунчжаном. Обе стороны обязались также не посылать своих офицеров в Корею для инструктирования корейских войск. Таким образом Корея была оторвана от Китая.

На следующем этапе японской дипломатией была поставлена задача полного подчинения Кореи Японией. После государственного переворота, устроенного японскими агентами, и ареста ими корейского императора и корейской императрицы Япония вынудила новое корейское правительство объявить 27 июля войну Китаю и подписать 26 августа 1894 г. союзный договор о совместной обороне против Китая.

1 августа 1894 г. была объявлена японо-китайская война, кончившаяся, вопреки ожиданиям всех иностранных правительств, чрезвычайно успешно для Японии. 17 апреля 1895 г. был подписан в Симоносеки мирный договор, по которому Япония получила Формозу, Пескадорские острова, Ляодунский полуостров в Манчжурии и 200 миллионов таэлей контрибуции. В первой статье Китай признавал «безусловную независимость и автономию Кореи».

V

Германия, Россия и Франция потребовали от Японии отказа от приобретенного ею по Симоносекскому договору 1895 г. Ляодунского полуострова в Манчжурии. Этот нажим на Японию был произведен с ссылкой на необходимость сохранения целостности и независимости Китая.

Особенно резко и грубо, по словам японского дипломата

Хаяси, бывшего тогда помощником министра иностранных дел, выступила Германия. Ее нота вследствие резкости тона была даже возвращена ей для исправления.

Японская дипломатия, оценив международную обстановку и соотношение сил, пришла к заключению, что надо уступить, и 7 октября 1895 г. подчинилась требованию России, Германии и Франции, отказавшись от Ляодунского полуострова. После этого Япония, опасаясь преждевременного конфликта, стала искать соглашения с Россией по вопросу о Корее. Официальное присоединение Кореи к Японии было надолго отложено (до 1910 г.).

8 октября 1895 г. при участии японских дипломатов было организовано убийство корейской императрицы, противодействовавшей планам Японии. Японский посланник в Корее Миура был за это предан суду в Токио, но был оправдан.

14 мая 1896 г. дипломатическими представителями Японии (Комура) и России (Вебер) было подписано соглашение о Корее. Затем 9 июня 1896 г. оно было подтверждено еще в Москве соглашением прибывшего на коронацию Николая II японского генерала Ямагата с русским министром иностранных дел Лобановым. Эти соглашения признавали равные права Японии и России в Корее. Третье соглашение, 25 апреля 1898 г. в Токио между Ниси и Розеном, признавало независимость Кореи, причем обе стороны обязывались не вмешиваться во внутренние дела страны.

VI

Большую роль в дипломатии Японии в конце XIX века и в начале XX века играли ее отношения с Англией и США, особенно, конечно, с Англией.

Англия беспокоилась по поводу движения России на Дальний Восток и имела в этом отношении общность интересов с Японией. Англо-японский союз был заключен в 1902 г., но задолго до этого Япония получала уже солидную помощь со стороны Англии в деле создания ею военно-морского флота. Японские военные корабли строились на верфях Англии. Английские морские офицеры служили в Японии в качестве инструкторов. Японские морские офицеры изучали военно-морское дело в Англии. Эта помощь со стороны Англии говорила о наметившемся сближении между двумя странами. При создавшихся условиях англо-японский союз явился логическим завершением взаимных

тенденций Англии и Японии к сотрудничеству для ограничения роли царской России на Дальнем Востоке.

Исии довольно подробно рассказывает о провокаторской роли, которую играла Германия при заключении англо-японского союза.

Исии убежден, что Германия в то время маневрировала так, чтобы Япония и Англия возможно скорее пришли к заключению союза, без которого Япония не отважилась бы на войну с Россией. Выполняя свой хитроумный план, Германия занялась прощупыванием настроений Англии и Японии и степени их готовности договориться между собой. С этой целью Германия вскоре после подавления боксерского восстания в Китае заключила в 1900 г. с Англией соглашение относительно Дальнего Востока. Это соглашение говорило о нежелании обеих сторон добиваться каких-либо территориальных приобретений в пределах Китая, а в случае подобных намерений со стороны какой-либо другой державы «обе подписавшие стороны оставляют за собой право предпринять необходимые меры в целях защиты своих собственных интересов в Китае».

О заключении этого соглашения решено было довести до сведения заинтересованных держав и особенно Австро-Венгрии, Франции, Италии, Японии, России и США с приглашением их «признать принципы, в нем изложенные».

Но вслед за этим Япония была приглашена прямо присоединиться к соглашению. Таким образом Германия якобы хотела выяснить, в какой мере Англия и Япония готовы сотрудничать между собой на Дальнем Востоке.

29 октября 1900 г. Япония на сделанное ей предложение дала следующий ответ:

«Императорское правительство, получив заверения подписавших договор держав о том, что, присоединяясь к данному договору, оно будет в том же положении, как если бы оно было подписавшим, а не присоединившимся государством, без колебаний официально заявляет, что оно присоединяется к данному соглашению и признает заключенные в нем принципы».

Исии полагает, что, выяснив настроение Англии и Японии и убедившись, что они могут заключить между собой союз относительно дальневосточных дел, Германия решила выйти из указанного тройственного соглашения. Князь Бюлов произнес речь в рейхстаге, в которой сказал, что соглашение Англии, Германии и Японии не распространяется на Манчжурию, так как Манчжурия не входит в состав Китая и не относится к той территории Китая, где указанные державы «имеют влияние» (параграф 1 соглашения).

Этой речью Германия, с одной стороны, как бы заявляла, что она не будет препятствовать усилению положения России в Манчжурии и, следовательно, благословляла и толкала Россию на экспансию на Дальнем Востоке с вытекающими отсюда последствиями неизбежного конфликта с Японией, а с другой стороны, стремилась укрепить Японию англо-японским союзом для того, чтобы увеличить ее готовность начать войну с Россией. Вместе с тем своим толкованием указанного тройственного соглашения сама Германия отходила в сторону и как бы выходила из игры.

VII

Дипломатия Японии, маскируя свои цели, в это время направо и налево давала заверения, что не собирается покушаться на территорию не только Китая, но даже Кореи.

На этот счет Англия не занимала в то время твердой позиции, но зато США уже выступили в 1899 г. при президенте МакКинли с доктриной открытых дверей и равных возможностей в Китае, с чем приходилось считаться Японии.

Исии утверждает, что после присоединения Японии к англогерманскому соглашению советник германского посольства в Лондоне, лично известный императору Вильгельму, барон Эккардштейн, получил указание предпринять ряд шагов для сближения Англии и Японии и заключения союза между ними.

Все это делалось для того, чтобы столкнуть между собой Россию и Японию и принудить их воевать друг с другом.

Эккардштейн повел соответствующие беседы с английскими политическими деятелями и затем рассказал Хаяси, тогда японскому посланнику в Лондоне, о результатах своих бесед и о желании Англии заключить англо-японский союз.

Почва для германского подстрекательства и успеха ее коварной дипломатии была подготовлена. Еще в марте 1898 г. на — одном банкете английский министр колоний Джозеф Чемберлен говорил японскому посланнику в Лондоне Като о готовности Великобритании подписать соглашение с Японией об урегулировании отношений на Дальнем Востоке. Като рекомендовал своему правительству принять предложение Чемберлена. Японской дипломатии удалось вызвать желательную ей инициативу Англии, вместе с тем она не препятствовала активности германских дипломатов в этом направлении.

Из воспоминаний Хаяси видно, что Эккардштейн говорил с ним о тройственном союзе между Англией, Японией и Германией, но что английское правительство в лице министра иностранных дел Лэнсдауна заявило Хаяси, что оно предпочитает сначала договориться с Японией, а потом, может быть, пригласить Германию присоединиться к союзу.

Японская дипломатия запугивала Англию возможностью сближения Японии с Россией.

Маркиз Ито во время переговоров об англо-японском союзе посетил Петербург, но царское правительство разговорами с Ито помогло японской дипломатии пугать Англию, а своей неуступчивостью толкало Японию на сговор с Англией. В конце концов договор об англо-японском союзе был подписан 30 января 1902 г. в Лондоне, с одной стороны, Лэнсдауном, а с другой стороны, Хаяси.

Что касается участия Германии в этом союзе, то оно отпало. Японское правительство предоставило английскому правительству право решить вопрос о приглашении Германии присоединиться к союзу. Но как раз в это время германский канцлер граф Бюлов произнес в рейхстаге речь с нападками на Джозефа Чемберлена и с резкими замечаниями в отношении британской армии.

В итоге дело ограничилось уведомлением Германии о заключенном союзе.

Договор между Англией и Японией признавал интересы Японии и в Корее и в. Китае, а интересы Англии только в Китае. Договор обязывал обе стороны во время войны одного из союзников с третьим государством прийти на помощь друг другу, если еще какое-либо государство будет оказывать военную помощь этому третьему государству. Корея предоставлялась Японии на ее усмотрение. В Китае «сферы влияния» еще только намечались. В союзном договоре все еще говорилось о независимости Кореи и, конечно, Китая.

Заключение англо-японского союза сильно укрепило позиции Японии и сделало ее более твердой и решительной по отношению к России. Участие Германии в переговорах об англо-японском союзе показывало, что Германия не создаст трудностей для Японии в японо-русском конфликте того времени. Настроения в США были тоже благоприятны для Японии. Все это дало ей возможность смело начать в 1904 г. войну против царской России.

VIII

В те времена руководители японской политики находили нужным считаться с мировым общественным мнением и, начиная войну с царской Россией без объявления войны, соблюдали известную осторожность. Это выразилось в том, что они предварительно разорвали дипломатические отношения с Россией. Но чтобы использовать элемент внезапности нападения, они постарались создать у царского правительства впечатление, что войны не будет и разрыв дипломатических отношений представляет собой лишь способ нажима на царское правительство с целью сделать его более уступчивым при решении вопросов, вызывавших тогда споры между этими двумя странами.

6 февраля 1904 г. бывший японский посланник в Петербурге Курино послал царскому правительству ноту, в которой заявлял, что он по поручению своего правительства прекращает переговоры ввиду их бесплодности. Затем в тот же день он направил царскому министру иностранных дел Ламздорфу еще одну ноту, в которой было сказано, что вследствие безрезультатности переговоров он уполномочен разорвать дипломатические сношения с Россией. Вероятно, умышленно в ноте было упомянуто о разрыве дипломатических отношений и об отзыве дипломатических представителей, но ничего не было сказано об отзыве консульских представителей. Имеются сведения, что Курино написал еще личное письмо Ламздорфу, в котором выражал сожаление о том, что вынужден покинуть пределы России, но надеется, что скоро вернется.

Царское правительство пришло к убеждению, что разрыв дипломатических отношений в данном случае не повлечет за собой военных действий со стороны Японии, что это просто маневр, к которому прибегло японское правительство, для того чтобы понудить царское правительство быть более уступчивым, более покладистым в своих отношениях с Японией. Исходя из этого, Ламздорф не нашел ничего лучшего, как послать телеграмму тогдашнему наместнику на Дальнем Востоке адмиралу Алексееву с предупреждением и указанием соблюдать максимальную осторожность и не допускать никаких шагов, которые могли бы быть истолкованы японским правительством как начало военных действий со стороны России.

В это время адмирал Алексеев уже вывел порт-артурскую эскадру в открытое море, полагая, что в открытом море русская эскадра будет находиться в лучшем положении в случае нападения на нее японцев, чем в порту или на рейде вне порта. Получив телеграмму Ламздорфа, Алексеев отдал распоряжение порт-артурской эскадре вернуться назад и стать на рейде,

расположив свои корабли один рядом с другим. Для того чтобы лучше и ярче продемонстрировать свои мирные намерения, адмирал Алексеев устроил даже бал для офицеров эскадры и вызвал большинство из них для этого на берег.

Японцы намеревались внезапно атаковать порт-артурскую эскадру, чтобы ее полностью обезвредить и сделать неспособной мешать сколько-нибудь значительно переброскам японских войск с островов в Корею. 6 февраля японские морские силы вышли в открытое море в составе двух эскадр. Одна, самая большая, направилась к Порт-Артуру, а другая, маленькая, — к берегам Кореи. Вместе с тем японское правительство приняло меры к тому, чтобы целиком изолировать Японию от внешнего мира, и запретило посылку каких бы то ни было телеграмм из Японии за границу. Таким образом, царская миссия и ее морской атташе не имели возможности информировать Петербург о выходе японского военно-морского флота в море.

8 февраля японская эскадра, направленная к Корее, встретила два русских военных корабля — крейсер «Варяг» и канонерскую лодку «Кореец» — и в неравном бою, на глазах американских и английских моряков, потопила их. Тогда же основные силы японского военно-морского флота подошли к Порт-Артуру, атаковали стоявшие на рейде корабли порт-артурской эскадры, потопили значительную часть их, а некоторую часть вывели из строя. После этого русская порт-артурская эскадра оказалась небоеспособной и не могла препятствовать перевозке японских войск с островов на континент, что сыграло большую роль во всем ходе русско-японской войны.

Нельзя обойти молчанием исключительное вероломство, к которому в это время призывал германское правительство начальник германского генерального штаба известный генерал Шлиффен, который предлагал воспользоваться трудностями России на Дальнем Востоке, чтобы напасть на нее с запада. Правительство Вильгельма II не пошло на это, потому что считало себя недостаточно подготовленным к этой войне с Россией, которая должна была бы вызвать также войну с Францией и, возможно, с Англией. Германская армия еще не была достаточно хорошо вооружена, а к выполнению программы военно-морского строительства Германия только недавно приступила.

Между прочим в своей книге «Моя борьба» Гитлер высказывает мысль о том, что Шлиффен был тогда прав, а правительство Вильгельма II совершило ошибку. Он считает вполне естественным, чтобы германское правительство, которое толкало царскую Россию на войну с Японией, воспользовалось этой войной для удара по России через ее западную границу,

несмотря на заверения в дружбе и прочее. Подлая, низкая политика, предлагавшаяся генералом Шлиффеном, разумеется, была по вкусу Гитлеру, для которого, чем гнуснее политика, чем больше в ней лжи и обмана, тем она привлекательнее.

IX

Большой интерес представляют комментарии Исии относительно обстановки, при которой был заключен Портсмутский мирный договор.

США были против экспансии царской России на Дальнем Востоке. Сила Японии не представлялась США значительной. Позиция президента Теодора Рузвельта имела большое влияние на международные отношения.

Прежде всего Теодор Рузвельт считал, что Тихий океан представляет собой большую важность для США, чем Атлантический океан. В письме 17 июня 1905 г. он писал: «Я думаю, что наша будущая история больше будет определяться нашей позицией на Тихом океане в отношении Китая, чем нашей позицией на Атлантическом океане в отношении Европы».

Исходя из того, что победа России в войне в то время считалась более опасной для США, чем победа Японии, Теодор Рузвельт предпринимал шаги для того, чтобы воспрепятствовать Германии и Франции прийти на помощь царской России.

В письме английскому дипломату Сесилю Спринг-Райсу 24 июля 1905 г. Рузвельт сообщает: «Как только настоящая война разразилась, я уведомил Германию и Францию самым вежливым и скромным образом, что в случае какой-либо комбинации против Японии, которая попытается повторить то, что сделали Россия, Германия и Франция в отношении нее в 1894 г., я решительно приму сторону Японии и сделаю все возможное для того, чтобы ей помочь. Мне, конечно, известно, что ваше правительство будет солидарно со мной, и я считал, что будет лучше, если я не буду совещаться с вашим правительством до достижения моих собственных целей».

Можно категорически утверждать, что с самого начала русско-японской войны симпатии Теодора Рузвельта были на стороне Японии. За четыре недели до японского нападения на Порт-Артур японское правительство имело заверение от американского правительства, что оно будет придерживаться политики строгого и даже благоприятного для Японии нейтралитета.

20 февраля 1904 г., т. е. после начала русско-японской войны (8 февраля 1904 г.), правительство США даже обратилось к державам с нотой, в которой добивалось сотрудничества держав относительно сохранения нейтралитета и целостности Китая.

В этом обращении Корея не упоминалась. Было ясно, что США в лице Теодора Рузвельта не возражали против подчинения Кореи контролю Японии.

В 1905 г., когда Россия терпела в войне с Японией одну военную неудачу за другой, а Япония была сильно истощена, начались разговоры о мире. В феврале 1905 г. Витте установил контакт через того же германского дипломата Эккардштейна с японским посланником в Лондоне Хаяси.

Недовольный ослаблением позиции России в Европе, министр иностранных дел Франции Делькассе 5 апреля 1905 г. сообщил японскому посланнику в Париже, что он, Делькассе, готов принять меры к заключению мира между Японией и Россией. Надо полагать, что делал он это с согласия России.

Японское правительство, убедившись, что Россия действительно хочет начать переговоры о мире, обратилось 18 апреля 1905 г. к Рузвельту с заявлением о том, что японское правительство «не имеет намерения закрывать двери для дружеского посредничества, имеющего целью исключительно организацию встречи представителей воюющих стран».

Позиция Рузвельта относительно Японии оставалась дружелюбной. Министр иностранных дел США Хей в своем дневнике 1 января 1905 г. записал, что президент «имеет совершенно твердое убеждение, что мы не можем позволить второй раз лишить Японию плодов ее победы».

Рузвельт еще до начала мирных переговоров в Портсмуте договорился с японским правительством относительно взаимоотношений между США и Японией по важнейшим вопросам, интересовавшим обе стороны. 31 июля 1905 г. состоялось секретное соглашение путем обмена телеграммами между президентом Рузвельтом и японским премьером Кацура при посредстве представителя Рузвельта, военного министра США Тафта (будущего президента). Это соглашение обязывало японское правительство отказаться от каких-либо агрессивных намерений в отношении Филиппин. Со своей стороны президент признавал право Японии посредством военной оккупации установить свой контроль над Кореей с лишением Кореи права вступать в какие-либо международные сношения без согласия Японии. Корея приносилась в жертву.

4 октября 1905 г., уже после подписания Портсмутского договора, японская газета «Кокумин» называла достигнутое

между Рузвельтом и Кацурой соглашение «японо-американским союзом».

Следовательно, Теодор Рузвельт не был беспристрастным посредником. Он был фактически связан с японцами договором почти союзного характера.

X

9 августа 1905 г. открылась японо-русская мирная конференция. Делегатами со стороны Японии были министр иностранных дел Комура и японский посол в Вашингтоне Такахира, со стороны России делегатами были Витте и вновь назначенный послом в Вашингтон Розен.

Заседания конференции происходили не в Портсмуте, а вблизи Портсмута, на острове Киттери.

Переговоры начались с небольших вопросов, по которым русская делегация большей частью делала уступки. В конце концов переговоры уперлись в два неразрешенных вопроса, что грозило срывом переговоров. Обе стороны не могли договориться по вопросу о контрибуции, на которой настаивала японская делегация, и относительно острова Сахалина, который японская делегация хотела получить полностью. К 18 августа выявилось расхождение между обеими сторонами по указанным вопросам. Рузвельт тогда предлагал, чтобы Россия уступила японцам часть Сахалина, а за сохранение другой части заплатила более или менее значительную сумму, которая должна быть определена нейтральной комиссией. 21 августа Рузвельт послал своему послу в Петербурге Майеру телеграмму с распоряжением посетить царя Николая и добиться от него согласия на компромисс, предложенный Рузвельтом. Майер видел царя 23 августа. Царь согласился уступить южную часть Сахалина, но отказался платить денежную компенсацию. На заседании конференции 23 августа Витте предлагал Японии весь Сахалин на условии отказа от денежного вознаграждения. На заседании 25 августа Витте уже предлагал только половину Сахалина, тоже без всякой денежной компенсации. Комура на это не согласился. Журналисты сообщали, что Витте говорил им о согласии заплатить 200–300 миллионов рублей за отказ Японии от половины Сахалина.

По японским источникам, 18 августа Комура на неофициальном совещании с Витте предложил, чтобы за возвращение Японией России Северного Сахалина Россия уплатила Японии 1200 миллионов иен. Витте эта идея

понравилась; он, признавая сумму слишком большой, обещал запросить инструкции. 23 августа Витте на официальном заседании сообщил, что последнее предложение Комуры русским правительством отвергнуто. Витте предложил отдать японцам весь Сахалин при отказе их от требования денежной компенсации[4].

26 августа Витте сообщил японцам, что имеет распоряжение прекратить переговоры, если Комура будет настаивать на денежном вознаграждении. 28 августа должно было быть последнее заседание конференции.

Исии рассказывает о том, что японское правительство готово было отказаться и от Южного Сахалина, так сильно оно желало окончить войну, ибо Япония была истощена.

27 августа японское правительство на совещании со старшими политическими деятелями решило отказаться и от требования уступки Южного Сахалина и от денежного вознаграждения.

В тот же день, т. е. 27 августа, Исии узнал от своих приятелей из одной иностранной миссии в Токио, что царь Николай в беседе с американским послом Майером 23 августа в Петербурге согласился отдать южную часть Сахалина японцам. Исии поспешил сообщить эту новость премьер-министру Кацура, который за отсутствием Комура исполнял обязанности министра иностранных дел. В это время только что закончился завтрак министров после заседания кабинета. Получив от Исии указанную информацию, Кацура сообщил о ней другим членам правительства. Характерно, что морской министр адмирал Ямамото считал необходимым игнорировать информацию Исии. Он боялся, что информация Исии неверна. Он даже говорил, что в случае неправильности этой информации Исии должен будет сделать харакири, а Япония потеряет возможность заключить мир. Все же было решено послать инструкции Комура с тем, чтобы он просил об отложении заседания конференции с 28 на 29 августа. Другая телеграмма отменяла прежние инструкции об отказе от южной части Сахалина. Информация Исии оказалась, по проверке, правильной. Комура получил соответствующие инструкции.

29 августа Витте сделал последнее предложение, по которому Россия уступала Японии южную часть Сахалина и не соглашалась на денежное вознаграждение. На конференции получилась, по описанию свидетелей, следующая картина.

«Абсолютное молчание продолжалось несколько секунд. Витте по обыкновению мял бумагу, которая лежала перед ним. Розен курил папиросу. Японцы имели загадочный вид. Затем

Комура спокойным голосом сказал, что японское правительство, стремясь к восстановлению мира и к успешному окончанию переговоров, согласно на русское предложение о разделении Сахалина на две части без денежного вознаграждения. Витте заявил, что предложение японцев приемлемо и что линия демаркации на Сахалине будет проходить по 50° северной широты».

Из всего этого видно, что дипломатия Витте во время переговоров о мире в 1905 г. не была удачной.

При всех условиях ясно, что при некоторой твердости со стороны Витте и царского правительства Россия не потеряла бы южной части Сахалина. И Витте и Розен в своих воспоминаниях не случайно замалчивают вопрос о Сахалине и переговоры о нем.

Царское правительство, и Витте вместе с ним, старалось изображать результаты мирных переговоров как большой успех, потому что внутреннее положение России в 1905 г. было для царского правительства крайне тяжелым. Революция была тогда на подъеме. Царское правительство должно было скрыть тот факт, что оно пошло на невыгодные условия мира, для того чтобы раздавить революцию. Витте тоже лично был заинтересован в том, чтобы изобразить поражение в Портсмуте как свою победу.

Интересно отметить, что во время мирных переговоров японская делегация для воздействия на общественное мнение США выражала готовность вести переговоры о сдаче в аренду американским капиталистам Южноманчжурской железной дороги. После подписания мирного договора Гарриман ездил в Японию договариваться по этому вопросу, но, конечно, ничего не добился.

Витте пытался повлиять на американских журналистов, опираясь на близкого ему английского журналиста Диллона.

Японское правительство во время войны создавало в своей стране настроение большого подъема по поводу победы Японии и разгрома России, так что Портсмутский мир в первое время вызвал в Японии разочарование и возмущение, но японская дипломатия, зная истинное положение дел, шла своей дорогой.

Для нас Портсмутский договор интересен потому, что в 1925 г. в договоре о восстановлении дипломатических отношений между Советским Союзом и Японией мы признали условия Портсмутского договора, сделав оговорку, что не несем за него никакой политической ответственности.

XI

Исии в своих «Комментариях» говорит, что Япония якобы вернула Китаю Три Восточные провинции, т. е. Манчжурию, находившуюся в сфере влияния России. Она будто бы также возвратила Китаю провинцию Шаньдун, которая была занята Германией.

На самом деле это утверждение Исии не точно. По соглашениям между царской Россией и Японией 1907, 1910 и 1916 гг., Три Восточные провинции Манчжурии, за исключением Ляодунского полуострова, оставались в сфере влияния царской России.

Вопрос о Шаньдуне, включенный в знаменитое 21 требование, предъявленное японским правительством президенту Китая Юань Шикаю 18 января 1915 г., был поставлен среди всех этих требований на первое место. Другие требования касались японских прав в Южной Манчжурии и Внутренней Монголии, в которых Япония получала особые права и преимущества. Китайское правительство обязывалось не уступать и не сдавать в аренду третьей державе какой-либо гавани, бухты или острова вдоль берега Китая. Китайское центральное правительство должно было приглашать влиятельных японцев в качестве советников по политическим, финансовым и военным делам. Полицейские учреждения в важных местах Китая должны были управляться совместно японцами и китайцами и принимать на службу многочисленных японцев, «дабы они могли в то же время помочь в работе по усовершенствованию китайской полицейской службы». 50 % китайского военного вооружения должно было покупаться в Японии. Если в Китае будет создан арсенал, то технические эксперты будут приглашены из Японии и необходимые материалы будут приобретены в Японии. Эти требования были предъявлены либеральным правительством Окума при министре иностранных дел, тоже либерале, Като.

Таков был один из вариантов программы установления японского контроля над Китаем, за которым последовали другие варианты и программа, осуществляемая Японией в Китае с 1931 г., т. е. со времени занятия японскими войсками Манчжурии.

Во время первой мировой войны путем обмена нот между Японией, с одной стороны, и Англией, Россией, Францией и Италией — с другой, в феврале и марте 1917 г. Япония получила заверения со стороны правительств указанных стран, что они поддержат японские притязания по вопросу о передаче ей прав Германии на Шаньдун и на островные германские владения к северу от экватора.

На Вашингтонской конференции 1921–1922 гг. Япония вынуждена была отказаться от прав на Шаньдун; следовательно, Шаньдун был возвращен Китаю не в силу великодушия Японии, а под давлением других держав, главным образом США. В 1927 и 1928 гг. Япония снова пыталась закрепить за собой Шаньдун и посылала туда свои войска.

XII

Судьба Кореи окончательно была решена лишь в 1910 г., но уже первый англо-японский договор о союзе 1902 г. имел оговорку о том, что для охраны своих «специальных интересов» каждая из договаривающихся сторон может принимать такие меры, которые могут явиться необходимыми.

Второй англо-японский союзный договор, от 12 августа 1905 г., прямо говорил о правах Японии в Корее. Статья 3 этого договора гласила: «Так как Япония имеет преобладающие политические, военные и экономические интересы в Корее, то Великобритания признает за Японией право принять такие меры руководства, контроля и покровительства над Кореей, какие она найдет соответствующими и необходимыми».

Признание царской Россией прав Японии на подчинение ею Кореи произошло в результате русско-японской войны. В Портсмутском договоре, в статье 2, сказано: «Российское императорское правительство, признавая за Японией в Корее преобладающие интересы политические, военные и экономические, обязуется не вступаться и не препятствовать тем мерам руководства, покровительства и надзора, кои императорское японское правительство могло бы почесть необходимым принять в Корее».

Таким образом, присоединение Кореи к Японии было предрешено всеми соглашениями, которые имела Япония как с Россией, так и с Англией и США. Но только в 1910 г. Япония признала возможным, выражаясь языком Портсмутского договора, принять меры «руководства, покровительства и надзора», которые она считала необходимым принять в своих интересах. В число этих мер входило подписание договора с императором Кореи 22 августа 1910 г. По этому договору «его величество император Кореи сим уступает его величеству императору Японии совершенно и навсегда свои державные права на всю государственную территорию Кореи». И далее: «Его величество император Японии принимает упомянутую в

предшествующей статье уступку и соглашается на полное присоединение Кореи к Японской империи». Остальные статьи обеспечивали отрекшемуся императору титулы, доходы и т. п. и обещали допущение «лояльных» корейцев к государственной службе в самой Корее, «насколько обстоятельства это позволят».

XIII

Несмотря на помощь, оказанную Японии Англией и США во время русско-японской войны и при заключении Портсмутского мира, в дальнейшем в отношениях между этими странами и Японией понемногу начали обнаруживаться трещины.

Договор 13 февраля 1907 г. между Россией и Японией в несекретной части признавал «независимость и целостность территории Китайской империи и принцип общего равноправия по отношению к торговле и промышленности всех наций в этой империи». Секретный же договор от того же числа говорил о разграничении сфер влияния в Манчжурии между Японией и Россией. Договор США и Японии 30 января 1908 г. (Рут — Такахира) еще высказывался за «сохранение существующего status quo на Тихом океане» и за «защиту принципа равных возможностей для торговли и промышленности в Китае». Русско-японский договор 4 июля 1910 г. уже об этих принципах умалчивал, довольствуясь тем, что в нем имелась ссылка на предыдущий договор, но в секретном договоре снова весьма определенно говорилось о разграничении сфер влияния в Манчжурии.

Наконец, секретный русско-японский договор от 3 июля 1916 г. являлся союзным договором, утверждавшим, что жизненные интересы России и Японии требуют, чтобы Китай не подпал под владычество какой-либо третьей державы, враждебной России или Японии. В этом договоре речь шла уже не о Манчжурии, а о Китае в целом, причем обе стороны обязывались помочь друг другу, если одна из них будет вовлечена в войну. Россия и Япония в этом договоре именовались союзниками.

Само собой разумеется, советское правительство, опубликовавшее русско-японские секретные договоры 1907, 1910 и 1916 гг., не считало себя ими связанным.

Эти договоры показывают, как изменилась ситуация на Дальнем Востоке за 10–15 лет после русско-японской войны.

В отношениях между Японией и Англией произошел

серьезный надлом уже во время переговоров о возобновлении англо-японского союза в 1911 г. К тому времени Англия и США имели договор об урегулировании всех спорных вопросов путем арбитража. Следовательно, Англия и США должны были подвергнуть арбитражу и вопросы, вытекавшие из отношений между Англией и Японией. Поэтому Англия уже не могла оказывать помощь Японии, как это вытекало из первоначального союзного договора между ней и Японией. США, таким образом, вклинились между Японией и Англией и ослабили значение англояпонского союза.

Чтобы выйти из создавшегося положения, японское правительство предложило включить в союзный договор с Англией оговорку, по которой «если та или другая из высоких договаривающихся сторон заключит генеральный договор об арбитраже с третьей державой, то условлено, что никакое положение сего соглашения не должно возлагать на эту договаривающуюся сторону обязательство вступить в войну с державой, с которой будет иметь силу такой договор об арбитраже». Узы, связывавшие Японию с Англией, таким образом были ослаблены. Ленин в своих «Тетрадях по империализму» (стр. 621) отметил: «1911: Договор Англии с Японией (Англия нейтральна в случае войны Японии с Соединенными Штатами) …».

В этот период ослабления англо-японского союза японское правительство стало искать опоры в России. Хотя Китай в этот период являлся объектом внешней политики других стран и не начинал еще играть самостоятельную роль в международных отношениях, все же японское правительство не считало возможным остаться в одиночестве перед лицом англо-американского сближения и считало благоразумным установить дружеские отношения с Россией. Другие державы, кроме Англии, США и России, на Дальнем Востоке не представляли и не могли представлять большой силы, с которой должна была бы считаться Япония.

Взаимному тяготению Японии и России в то время способствовало выступление министра иностранных дел США Нокса, который 6 ноября 1909 г. предложил Великобритании, а 14 декабря того же года другим странам, включая Японию и Россию, организовать финансовую группу для предоставления кредитов Китаю и приобретения акций манчжурских железных дорог, чтобы поставить их под контроль этой международной финансовой группы.

Япония и Россия ответили на это предложение отказом, не желая допускать вмешательства других держав в китайские дела в

форме финансового и иного контроля над Китаем. В Японии предложение Нокса вызвало особенно большое возбуждение, так как она уже тогда лелеяла мысль о подчинении себе Китая. Это выступление Нокса подтолкнуло Россию и Японию на заключение договора сначала в 1910 г., а потом в 1916 г. Последний договор имел характер союзного договора.

Таким образом, проводившаяся американским правительством политика «открытых дверей и равных возможностей в Китае» столкнулась с политикой «специальных интересов Японии в Китае».

XIV

Уже в 1907 г. в США стало развиваться недовольство Японией и японской иммиграцией. Вопрос был разрешен «джентльменским соглашением», по которому японское правительство должно было само сократить японскую эмиграцию в США. В школах Калифорнии началось отделение детей японцев от «белых» учеников. В 1913 г. калифорнийские законодательные органы запретили японцам приобретение земельных участков.

Предъявление Японией в 1915 г. упомянутого выше 21 требования Китаю произвело тяжелое впечатление в США. Бывший в это время в США министром иностранных дел Брайан послал идентичные ноты Японии и Китаю, в которых было сказано, что американское правительство «не признает какого-либо соглашения или договоренности, могущей подорвать договорные права Соединенных Штатов и их граждан в Китае, а также политическую и территориальную целостность Китайской республики или. международную политику в отношении Китая, известную под именем политики открытых дверей». Это было преддверием к дальнейшим осложнениям между США и Японией.

Во время первой мировой войны 1914–1918 гг. германские агенты в Японии, опираясь на некоторые японские руководящие круги, агитировали за выход Японии из лагеря союзников и присоединение ее к центральным державам Европы. Такой поворот политики Японии неминуемо привел бы ее к войне с Россией, к большой выгоде Германии. К началу 1917 г. положение союзников было довольно тяжелым и вырисовывалась возможность победы Германии. Вступление США в войну против Германии предупредило сближение между Германией и Японией, но неприятный след от этой прогерманской агитации остался.

Положение несколько улучшилось, когда состоялось

соглашение Лансинг — Исии 2 ноября 1917 г., которое дало Японии признание со стороны США ее «специальных интересов в Китае, в частности в той части, с которой граничат ее владения».

Это соглашение удовлетворило Японию и рассматривалось ею как большой успех японской дипломатии, но сделанная правительством США в этом вопросе уступка Японии не привела к созданию настоящей дружественной атмосферы в отношениях между США и Японией, так как соглашение было подписано под влиянием обстановки войны и вызвано было желанием США удержать Японию в лагере «союзников». Оно не выражало искреннего признания «специальных интересов» Японии в Китае.

В дальнейшем обнаружились разные толкования соглашения Лансинг — Исии. Лансинг считал, что «специальные интересы» Японии в Китае предполагают лишь экономические интересы, вытекающие из географической близости. Исии считал, что этими словами охватываются также и политические интересы.

Американские и японские интересы столкнулись во время иностранной интервенции в Сибири. Япония, США и другие страны предприняли интервенцию в Сибири официально для того, чтобы помочь чехословацким легионам. На самом деле эта интервенция имела целью борьбу с советской властью. За этой общей целью скрывались острые расхождения. Япония предприняла интервенцию в широком масштабе, для того чтобы закрепиться на Дальнем Востоке и осуществить присоединение к Японии всего Дальнего Востока. Эти японские планы не нравились США. Из интервенции ничего хорошего для японцев не получилось. Красные партизаны и Красная Армия дали им хороший урок. Трения между экспедиционным корпусом США на Дальнем Востоке и громадной японской армией, находившейся там, доходили почти до вооруженных столкновений.

Исии в своих «Комментариях» ни слова не говорит о японской интервенции в Сибири. Между тем она отозвалась на международном положении Японии самым неблагоприятным образом.

Следует вспомнить, что японские притязания в Китае на Шаньдун, зафиксированные в Версальском мирном договоре 1919 г., привели к тому, что Китай отказался подписать этот договор. Эти же притязания в значительной мере способствовали неутверждению Версальского договора сенатом США.

Аппетиты, проявленные японцами во время интервенции в СССР, ухудшили отношения Японии с США. Интервенция, несомненно, была большим просчетом) и ошибкой японской дипломатии.

Ликвидация японской интервенции на Советском Дальнем

Востоке и восстановление дипломатических отношений между Японией и СССР в 1925 г. улучшили международное положение Японии, но не надолго. Антисоветские настроения некоторых ограниченных японских политиков временами давали себя сильно чувствовать.

В результате на Вашингтонской конференции 1921–1922 гг. Япония попала в затруднительное положение.

Вскоре после Вашингтонской конференции соглашение Лансинг — Исии было объявлено обоими правительствами, США и Японии, не имеющим более силы. Произошло это путем обмена нот между японским посольством и государственным департаментом в Вашингтоне 14 апреля 1923 г.

На этот счет Исии держится мнения, что «пусть соглашение Исии — Лансинг отменено, но специальные интересы Японии в Китае продолжают сохранять всю свою силу. Если бы даже специальные интересы Японии в Китае не были признаны международными договорами, все равно их нельзя уничтожить». Во всяком случае ликвидация соглашения Лансинг — Исии означала ухудшение отношений между США и Японией.

Эти отношения продолжали ухудшаться и в последующий период. В 1924 г. после долгих споров конгресс США принял решение о запрещении японской и китайской иммиграции в США, что явилось дискриминацией в отношении Японии и Китая, так как для других стран были установлены квоты, хотя и ограниченные.

В связи с прохождением этого закона пострадал японский посол в США Ханихара. К нему обратился министр иностранных дел Юз с предложением написать письмо, в котором было бы сказано, что принятие такого антияпонского закона об иммиграции может иметь «серьезные последствия». Юз предполагал использовать это письмо для давления на конгресс США. Результат же получился обратный. Члены конгресса увидели в письме Ханихары угрозу войной и вмешательство во внутренние дела США. Закон конгрессом был принят, а Ханихаре пришлось взять на себя ответственность за письмо. Тот же Юз обратился к правительству Японии с предложением отозвать Ханихару из США. Ханихара, который был довольно популярен в США, должен был покинуть свой пост, так как предполагалось, что он без согласия своего правительства послал указанное письмо Юзу.

Этот инцидент подлил масла в огонь взаимного недовольства между США и Японией. В дальнейшем все сколько-нибудь важные вопросы международных отношений приводили к столкновениям и спорам между Японией и США.

Обсуждение на международных конференциях вопроса о морских вооружениях обостряло отношения между США и Японией. Международная конференция по морским вооружениям; в 1927 г. в Женеве не дала никаких результатов. На конференции 1930 г. в Лондоне было достигнуто соглашение, устанавливающее соотношение тоннажа крупных крейсеров (с орудиями более 6 дюймов калибра) между США и Японией 5:3. Хотя японские представители подписали это соглашение, но морские круги Японии не были им удовлетворены, и на этой почве разразилась ожесточенная внутренняя борьба, которая сопровождалась убийствами политических деятелей и была воспринята некоторыми кругами в Японии как большая неудача японской дипломатии.

Совершенно несомненно, что критика Лондонского договора японскими морскими кругами усилила подозрение и настороженность в отношении Японии со стороны США.

Нечего и говорить, что начатая 18 сентября 1931 г. оккупация японскими войсками Манчжурии вызвала большое раздражение среди руководящих верхов США.

7 января 1932 г. правительство США уведомило Японию и Китай, что США не признают положения, договора или соглашения правительств указанных стран, которые заключены в нарушение существующих договоров и которые затрагивают права США и их граждан в Китае.

На этой почве произошло осложнение не только между США и Японией, но и между США и Англией. Англия (в лице Саймона) поощряла Японию на занятие Манчжурии. Правительство США не разделяло этой позиции Саймона.

«Комментарии» Исии останавливаются на 1930 г. Жизнь опровергла рассуждения Исии о Лиге наций, разоружении и вообще относительно внешней политики и дипломатии Японии. Но эти рассуждения остаются историческим документом, характеризующим методы японской дипломатии за довольно большой период времени.

XV

Исии в своих «Комментариях» решительно осуждает политику агрессии и захвата чужих земель, а также дипломатию обмана и вероломства в международных отношениях.

Исии приводит указание, данное японским императором Тайсё своим министрам и японскому народу. Император Тайсё

предложил «придерживаться всеобщих международных правил и соблюдать великие законы мира, с тем чтобы миротворческая работа Лиги наций была доведена до конца».

В соответствии с этим Исии стоит за, мирную политику взаимного доверия между государствами и уважение прав и законных интересов каждого из них. Исии на этот счет поучает:

«Так же как частное предприятие, чтобы процветать, должно иметь доверие публики, так же и государство в международных делах, для того чтобы Занимать арочную позицию, должно иметь доверие других государств. Однако международное доверие может быть достигнуто только строгим соблюдением справедливости — этого золотого правила международных отношений. Во всех странах имеются страдающие манией величия мечтатели, которые не хотят отказаться от своих устарелых желаний. Если случается, что эти неуравновешенные люди приходят к власти, доверие к государству временно падает. Если в такие времена народ не поднимает своего голоса для того, чтобы власти освободились от своих неуместных грёз и вернулись к здравому смыслу, то их страна, изолированная и подвергнутая остракизму, будет презираться международным общественным мнением. Чтобы избежать этого презрения, отсталая политика агрессии и тщеславной дипломатии должна быть прекращена. Так как в основе агрессивной политики лежит влияние милитаристов, оно должно быть вовремя приостановлено. Вместо агрессивной политики надо иметь уважение к правам и законным интересам других государств. Такое уважение дает государству, применяющему его, право ожидать от других государств уважения его собственных прав и законных интересов».

Эта выдержка показывает, что Исии является представителем тех кругов Японии, которые не одобряют планов японских военных, желающих покорить Китай, Азию и весь мир.

Исии является горячим сторонником Лиги наций, в которой он играл известную роль.

Преклонение Исии перед Лигой наций выражено им в очень яркой форме. Работа Лиги наций произвела на него огромное впечатление. Он был полон безграничного оптимизма. Там, в Женеве, «в результате постоянного общения друг с другом различные делегаты в значительной мере утратили свой ярый патриотизм и превратились в умеренных и сговорчивых людей, готовых приступить к разумному обсуждению международных вопросов. Войну они теперь считали преступлением и от всего сердца желали мира. Женева была по сравнению с прошлым как бы другой планетой. Премьеры и министры иностранных дел малых и больших европейских государств стали поклонниками

мира. Они собирались в этом храме мира. Автор присоединился к этому объединению и вскоре сделался одним из его рьяных почитателей».

Но в самой Японии возобладало течение, порвавшее со взглядами Исии. Япония в 1933 г. вышла из Лиги наций. В 1936 г. она заключила с Гитлером, презирающим японскую нацию, соглашение, которое ничего хорошего не может принести Японии. В своей книге «Моя борьба» Гитлер дает оскорбительную для японцев оценку их расы. Он заявляет там, что японцы — это неполноценная раса, неспособная к самостоятельному творчеству. Очевидно, что для Гитлера Япония представляет собой «лишь средство для достижения его завоевательных целей; судьбы низшей, по его мнению, японской расы не являются для него чем-то значительным, для чего гитлеровская Германия будет приносить какие-либо жертвы.

Отношения между Японией и СССР определяются договором о нейтралитете, заключенным 13 апреля 1941 г., прочность которого зависит от добросовестного его выполнения Японией.

Советский Союз всегда лояльно относился к принятым им на себя договорным обязательствам. В сложной международной обстановке нашего времени Советский Союз, несмотря на участие Японии в антикоминтерновском пакте и наличие войны на Тихом океане, проявил готовность сохранить с ней нормальные отношения и дал согласие продлить еще на один год советско-японскую рыболовную конвенцию.

Конечно, всякие разговоры японских военно-фашистских кругов о японской агрессии на севере принесут огромный вред прежде всего самой Японии. Но если Япония будет точно выполнять договор о нейтралитете и другие соглашения с Советским Союзом, мирные отношения между двумя странами сыграют свою положительную роль для них обеих.

А. Трояновский

Глава первая
Урок японской истории

1. Два уязвимых места в естественной линии обороны Японии

Несмотря на. то, что еще во времена Мимана-фу[5], две тысячи лет тому назад, Япония поддерживала кое-какие связи с Кореей, ее официальные дипломатические сношения с иностранными государствами были установлены лишь после того, как американское правительство к концу сёгуната (военного регентства) Токугавы при помощи военных кораблей принудило ее открыть порты для внешней торговли. С Китаем тоже существовала связь. Еще во время правления династии Суи[6] и Тан[7] происходил регулярный обмен послами, и большое количество японцев отправлялось в Китай для изучения его культуры. Отношения между обоими государствами сложились вначале, по-видимому, на основе равенства, так как послание японского императора Суйко[8] (593 г. н. э.) правящему китайскому императору из династии Суи начинается следующими словами:

«Император страны, где солнце восходит, шлет это письмо императору страны, где солнце заходит…»

Но с течением времени китайская цивилизация развратила независимый дух японских послов, и последние кончили тем, что переняли рабские привычки представителей подчиненных князей и даже стали называть себя иностранными подданными китайского императора. Подобострастие японских послов в конце концов поощрило китайцев, которые в таких делах не нуждаются в поощрении, к тому, чтобы объявить Японию подчиненным королевством, и можно сказать, что на время Япония стала занимать второстепенное положение по сравнению с Китаем. Иосимицу, третий сёгун регентства Асикага[9] (1358–1408), был так очарован китайской культурой и до того унизил себя, что принял от правящего китайского императора из династии Мин[10] титул короля Японии. Японский императорский дом, конечно, неповинен в этом унижении, так как сёгун действовал по собственной инициативе. Если не считать подобных единичных случаев, Япония в течение многих веков держалась гордо и с достоинством независимого государства.

Длинная история Японии отмечена лишь немногими внешнеполитическими событиями. Покорение (в 200 г. н. э.) Кореи императрицей Дзингу, отражение в 1274 г. монгольского нашествия военным регентом Японии Ходзё[11] Токимунэ и в 1592 г. поход Тойотоми Хидейоси в Корею — таковы немногие

важные события до появления адмирала Перри в Урага[12], когда японская нация пришла в непосредственное соприкосновение с внешним миром.

Несмотря на немногочисленность внешних событий в японской истории до прибытия Перри, две опасности в течение веков постоянно угрожали стране и оказали большое влияние на современную японскую дипломатию. По традиции считается, что эти две опасности угрожают самому существованию империи. Мысль о них проникла до мозга костей японского народа. Действительно, основные выступления Японии на внешнеполитической арене в течение последних шестидесяти лет японо-китайская война, англо-японский союз и русско-японская война — в той или иной мере были направлены на устранение двух опасностей, на которых мы сейчас остановимся.

а. Нашествие с севера

Первая опасность угрожала со стороны северных врагов, первобытных айну[13]. Чтобы устранить ее, вождь Яматодаке покорил северо-восточные провинции главного японского острова. Хотя в основном его победы достигли своей цели, все же айну, населявшие северные окраины покоренных областей, время от времени поднимали восстания и совершали набеги в глубь страны. Вторично, на четвертом году царствования императора Саймей (658 г. н. э.), Абэ-но-Хирафу, губернатор провинции Коси, отправился с двумястами кораблей (гигантская экспедиция для того времени), чтобы покорить айну. Экспедиция была успешна, но едва она кончилась, как айну возобновили грабежи и снова стали вести себя вызывающе.

Точно не установлена главная база операций айну против японского населения, но можно с некоторым основанием предполагать, что айну жили на тихоокеанском побережье Сибири, по всей вероятности, в областях, примыкающих к Уссури. Современные источники, например, упоминают, что Абэ-но-Хирафу пользовался проводниками айну во время своего похода против племени сучен[14]. Известно, что племя сучен родственно гилякским[15] и тунгусским[16] племенам, населяющим приморские области Сибири и остров Сахалин. Очень возможно, что сучены из Сахалина переправлялись через проливши во время своих налетов достигали центра острова Хоккайдо, что подтверждается тем, что там на скале была найдена надпись на их языке, гласящая, что они достигли этого места и покорили всю

страну севернее от него. Во всяком случае, имеется достаточно оснований полагать, что мятежи айну не были просто внутренними волнениями.

В 802 году, сто пятьдесят лет спустя после экспедиции Абэ-но-Хирафу, правивший в то время император Камму послал новую экспедицию во главе с Сакаоуэно Тамурамаро, для того чтобы (как утверждает исторический документ) «уничтожить гнездо мятежных айну». Экспедиция была удачна, но, несмотря на это, в последующие века восстания айну время от времени вспыхивали снова и были окончательно подавлены, когда по Портсмутскому договору 1905 г.[17] Япония получила южную часть острова Сахалина и приобрела возможность укрепить оборону своей северной границы.

б. Нашествие с юго-запада

История нападений на Японию с юго-запада более сложна и более серьезна. Она подробно излагается в различных сочинениях.

1) Покорение трех королевств Кореи императрицей Дзингу

Прошло несколько столетий со времени основания империи, а все же племена айну на севере и кумасо[18] на юго-западе готовы были в любой момент поднять восстание. Кумасо были могущественным и фактически независимым народом, который получал с севера помощь от трех королевств Корейского полуострова и, по всей вероятности, с запада — от Китая. Императорский двор, помещавшийся тогда в провинции Ямато, посылал одну экспедицию за другой против кумасо, пока не стало ясным, что база их сопротивления находится на юге Корейского полуострова. Тогда императрица Дзингу приняла знаменитое решение покорить Корею и в корне разрушить мощь кумасо. Через некоторое время она выполнила это основательно и надолго. При виде ее флота, «покрывавшего всю поверхность моря», все три короля Кореи один за другим сдались на милость императрицы, и полуостров был полностью завоеван Японией. В 200 г. императрица Дзингу вернулась в Японию победительницей. Это была не первая война Японии с иностранным государством, так как за двести лет до этого император Судзии по просьбе племени пион-хан в Корее, которое страдало от грабежей тамошнего короля Силлы, установил административный аванпост в Мимана под начальством своего представителя. Во всяком случае, экспедиция императрицы Дзингу показала, что Япония не

принадлежала к числу стран, которые безропотно мирятся с интригами против себя на соседнем континенте.

2) Тао-и, или нашествие нушен[19]

На третьем году царствования императора Гоитидзё (1019) племена нушен из Северо-Восточного Китая объединились с Кома, королем Кореи, и внезапно напали на Японию. С варварской жестокостью они разграбили острова Ики[20] и Цусима[21] в Японском море, опустошили побережье Тикудзена[22] и были отогнаны лишь после серьезных боев с соединенными гарнизонами Кюсю, руководимыми из Дайдзай-фу[23].

3) Нашествие монголов

В XIII веке в императорском дворце в Киото[24] придворные занимались, главным образом, бессмысленными тонкостями и изысканным этикетом. В Камакуре[25], где была сосредоточена военная и административная власть, а также в окружающих провинциях началась реакция против изнеженности двора в Киото е его фаворитами, и эта реакция породила воинственный дух, который создал японский кодекс военного поведения, известный под названием Бусидо («Путь благородных воинов») и Яматодамаси («Дух Японии»)[26]. В это время азиатский континент содрогался от страшных потрясений.

Чингисхан, пришедший из долины реки Керулена[27], одного из притоков Амура, внезапно напал на Китай, управлявшийся тогда вымиравшей династией Сун[28], и с неотразимой силой уничтожил всякое сопротивление. В 1206 г., приблизительно десять лет спустя после смерти регента Иоритомо, Чингисхан основал в Китае династию Юань[29]. Но монгольский завоеватель не мог удовлетвориться господством лишь над частью азиатского континента; он переправился через горные хребты Тянь-Шань и Памир, прошел, разрушая все на своем пути, через Персию далеко в Европу и, наконец, установил монгольское владычество в России, которому суждено было просуществовать около двухсот лет. Внук его Хубилай-хан объявил себя первым императором из китайской династии Юань и избрал своей столицей Пекин.

Однажды на дворцовом приеме, разглядывая в благодушном настроении распростертых у его ног послов мелких королей, которые воздавали почести и подносили дань, Хубилай-хан с удивлением заметил, что японский властелин не был там представлен. Предполагая, что причиной этого является скорее невежество, чем непочтительность, монгольский император через короля Кореи и Дайдзай-фу послал следующее письмо японскому двору:

«Предок наш с божьей помощью приобрел власть над

четырьмя морями. Нет числа во всех концах света тем, которые боятся нашей силы и дорожат нашей милостью. Например, король и подданные Кома (Корея) платят нам дань. Мы являемся их официальными владыками. По существу мы —

родители, а они — дети. Вы. правитель и подданные Японии, должны знать это Кома входит в наши владения на востоке. Территория Японии граничит с Кома. Со времени возникновения нашей страны Япония через Кома поддерживала связь с нашими династиями. Но теперь она неожиданно отвернулась от нас и даже не прислала посла, чтобы способствовать нашей дружбе. Мы думаем, что причина этого упущения в том, что вы не знаете действительного положения вещей. Поэтому мы посылаем вам это сообщение. Мы даем вам возможность выбирать между войной и дружбой. Пусть правитель Японии решит, что он предпочитает…»

В то время Япония не была, как предполагал Хубилай, страной невежественных грубиянов, незнакомых с тонкостями этикета. Двор в Киото получил из Китая едва ли не больше культуры, искусства и знаний, чем он мог освоить. В Камакура Ясутоки и Токимунэ, военные регенты этого периода из дома Ходзё, тоже были хорошо осведомлены через прибывавших в Японию во все возрастающем количестве натурализовавшихся китайских иммигрантов и беженцев о событиях на континенте с того времени, как монгольская орда двинулась на юг. Они ждали дня, когда им придется защищать свою страну. Таким образом, они были готовы на все. Письмо Хубилай-хана было получено Дайдзай-фу в январе пятого года царствования императора Камеяма (1268) и было переслано военному правительству в Камакура, где регентом был восемнадцатилетний Токимунэ Ходзё. Токимунэ был полон бодрости, смелости и задора. Он отослал письмо императорскому двору в Киото, считая, что ниже его достоинства будет уведомить о его получении.

В течение пяти лет после первого письма монгольский император постоянно направлял послов в Японию, пытаясь уговорить ее подчиниться ему. В конце концов он увидел, что сопротивление робкого двора в Киото начало ослабевать. По приказу императора Сугавара Нагасиго приготовил ответ Хубилаю и послал его на одобрение регента в Камакура. В дальнейшем при всех случаях двор пытался внушить регенту, что будет благоразумно ответить, но молодой Токимунэ был слишком горд и слишком оскорблен монгольским письмом, чтобы

обращать какое-нибудь внимание на эти советы. Он задержал ответ, составленный Сугавара, и стал ждать событий.

В октябре одиннадцатого года царствования императора Буней (1274) пятнадцатитысячная монгольская армия под командованием генералов Хун Дун, Хунь Са-чу и Лю Фу-сянь со вспомогательным отрядом из восьми тысяч корейцев на девятистах военных судах напали на острова Ики и Цусима, уничтожили их население, разгромили несколько островов у побережья провинции Хидзен на Кюсю и осадили Хаката[30]. Феодалы Кюсю — Отомо, Симадзу, Соней, Кикути, Акабоси и другие отчаянно защищались, и им удалось задержать монгольский флот у гавани Хаката до тех пор, пока 20 октября им на помощь не пришла страшная буря, которая уничтожила монгольский флот. Почти половина всего монгольского войска во время этой бури погибла. Эта битва в царствование императора Буней была лишь вступлением к великому монгольскому нашествию на Японию.

После того как первая попытка монголов покорить Японию окончилась их разгромом, для них было немыслимо отказаться от завоевательных планов, не попытав счастья еще раз, потому что для китайцев это было делом чести, вопросом престижа. Кроме того, после бесчисленных побед в Азии любое поражение было само по себе невыносимо для монголов. На следующий год после битвы при Хаката новое посольство, состоявшее из пяти послов во главе с неким Ту Ши-чуном, прибыло из Пекина. Правительство регента быстро решило, как поступить. Оно препроводило послов в Камакура и там их обезглавило. Обращение с монгольскими послами напоминает поступок афинян с представителями царя Дария, которых они бросили в колодец со словами: «Ваш хозяин требует от Греции земли и воды. Вот как мы даем землю и воду».

У Хубилая не оставалось другого выхода, как только снова попытаться покорить Японию. Для этого он создал особое правительственное учреждение под названием «Департамент завоевания Японии» и совместно с Кореей начал строить большой военный флот. Через четыре года его приготовления были закончены, и в мае четвертого года эры Ко-ан (1279) его орда двинулась на Японию. Сорокатысячное войско, в состав которого входили и корейские части, на девятистах судах, под командой генералов Синь Туи, Хунь Са-чу, Цин Фан-цинь напало на остров Ики, заняло его и затем подошло к японскому побережью около Тикудзена. Непосредственно за этой армией двигалась основная масса нападающих войск численностью в сто тысяч человек на трех с половиной тысячах судов, под командой генералов Фан Уен-фу и Алтимура.

Легко можно себе представить, какое впечатление в Японии произвело известие, что страна в опасности. Император Камеяма лично отправился в храм Хатиман (бог войны) в Ивасимицу, чтобы просить помощи этого божества. Он также поднес великому храму Исе (храм императорской семьи) собственноручно написанную молитву о поднятии воинственного духа в стране. В Камакура правительство, со своей стороны, собрало войска всех феодальных кланов, сняло даже охрану императорского дворца в Киото и поспешно послало их на защиту страны. Судьба империи висела на волоске.

В течение двух месяцев произошло одно за другим несколько жестоких сражений. Монгольская армия, благодаря упорному сопротивлению японских воинов, не могла высадиться на берег. В конце концов монголам пришлось отступить и сосредоточить свои силы на острове Таканосима[31]. Ночью 1 июля, точно так же как пять лет тому назад, поднялся бешеный тайфун, который уничтожил почти весь монгольский флот. Фан Уен-фу и Синь Туну еле удалось спастись. Из хроник династии Юань мы узнаем, что из ста тысяч человек только три тысячи вернулись живыми. Так грандиозный проект могущественного Хубилай-хана был похоронен в глубине Японского моря. Война окончилась полной победой Японии. История гласит, что император написал следующую поэму благодарности и ликования:

> «Четыре моря теперь успокоились,
> И Японию благословило возвращение радостной весны».

Может быть, в истории найдется несколько экспедиций, подобных экспедиции Хубилай-хана, но трудно найти что-нибудь похожее на великолепную смелость регента Токимунэ, который бросил вызов Великому Моголу, покорившему вместе со своим братом весь известный им тогда мир. Защиту Японии Токимунэ можно сравнить только с бессмертным сопротивлением греков персам, имевшим во главе Дария, и с победой Британии над испанской Армадой. Токимунэ заслуживает почетного места среди великих героев всех времен и народов, и приходится сожалеть, что соотечественники недостаточно оценили его значение и величие.

Во время монгольского нашествия на Японию в Китае при дворе Хубилай-хана находился купец из Венеции Марко Поло. В записках Марко Поло о его путешествиях, составленных по возвращении в Европу, упоминается о какой-то стране в

восточных морях под названием Дзипангу (Джухпен, по-китайски). Марко Поло писал, что страна эта небольших размеров, но имеет огромные богатства, что дворцы и храмы там позолочены чистым золотом. По-видимому, Марко Поло не сомневался в правильности рассказов о баснословных богатствах Японии, о которых Хубилай говорил для того, чтобы воодушевить своих любивших грабежи солдат. Но заманчивые рассказы Хубилая своим солдатам привели к совершенно неожиданным результатам. Вместо того чтобы повести их к победе и к богатой добыче, ослепительная выдумка привела их в могилу на дне Японского моря. В то же время в Италии она возбудила алчность и любознательность средиземноморских мореплавателей, которые в то время горели страстью к приключениям и пожелали исследовать обширную, но неизвестную страну Японию, находящуюся за Индией. Говорят, что поиски этой золотой Японии были основной целью путешествия Колумба. Если это действительно так, то можно сказать что открытие Америки находится в связи с неудавшимся нашествием монголов на Японию. Итак, не Япония была введена в семью народов Соединенными штатами, а Япония косвенно вывела из неизвестности Америку. Развивая эту мысль, можно сказать, что коммодор Перри любезно отплатил Японии за услугу, оказанную Ходзё Токимунэ. Удивительна связь событий на земле.

2. Исторические линии национальной обороны

Набеги племен сучен с севера, корейцев кома и тао-и с северо-запада и затем нашествие монголов являются выдающимися событиями внешней истории Японии в ранний период. По географическим условиям Корея не имела какого-либо отношения к выступлениям племен сучен, однако всегда можно было доказать, что во вражеских экспедициях с северо-запада участвовали корейцы. Либо Корея сама организовывала и отправляла экспедиции, либо она помогала диким племенам севера в их нападениях на Японию. Другими словами, Япония всегда имела могущественных врагов на севере, а именно: на северо-востоке — сучен, на северо-западе — нушен, тао-и, кидань[32], монгольские и манчжурские племена[33]. Эти враги готовы были в любую минуту напасть на Японию через Корею. Когда Корея сама имела достаточно силы, она нападала на Японию одна. Когда она была недостаточно сильна, она всячески подстрекала других против Японии и помогала им. Итак, Корея была источником постоянного беспокойства для Японии. В течение веков Япония терпела это положение, пока необходимость самосохранения не заставила ее выбирать между двумя решениями: позволить Корее остаться независимой страной, в том случае если она не будет действовать так, как действовала в прошлом, или включить Корею в состав империи и, отодвинув национальную линию обороны к северной границе Кореи, обеспечить таким образом страну от нападения враждебных сил с той стороны границы. Иначе положение Японии всегда оставалось бы ненадежным. Покорение Кореи Тойотоми Хидейоси в 1592 г., большое движение в Японии в эпоху Мейдзи за войну с Кореей, приведшее к гражданской войне 1877 г., японо-китайская война 1894–1895 гг. — все это прямо или косвенно было проникнуто одной идеей — окончательного уничтожения исторической угрозы с северо-запада.

Неожиданная погоня европейских держав в конце XIX века за территорией ослабленного Китая сильно обеспокоила Японию, так как историческая необходимость обеспечения империи от врагов с северо-запада сделалась не только более острой, но и гораздо более сложной. В 1896 г., через год после Симоносекского[34] договора[35], Россия использовала желание Китая — найти союзника против Японии и подписала с ним секретное соглашение, по которому ей предоставлялось в ответ

на обещание помощи в случае столкновения с Японией право построить железную дорогу (Китайско-Восточную) на Владивосток[36] через две китайские провинции: Хэйлунцзян[37] и Гирин[38]. В результате Япония оказалась лицом к лицу с гораздо более могущественным врагом, чем манчжурские племена, которые причиняли ей беспокойство в течение веков. Через два года после этого Германия получила в аренду от Китая залив Киао-Чао[39], а Россия — Дайрен[40] и Порт-Артур[41]; кроме того, Россия приобрела концессию на постройку железных дорог: одной от Китайско-Восточной дороги на юг к Порт-Артуру и к Дальнему, другой — на запад до Инкоу[42] и третьей к корейской границе. Таким образом, Япония стала уязвима не только из Кореи, но и непосредственно с моря. Из Порт-Артура или из Циндао было делом каких-нибудь двух дней пересечь море и появиться у берегов Японии. Такое положение дел чрезвычайно встревожило японский народ. Новыми врагами были не дикие племена сучен или монголы, а две самые сильные, самые алчные державы мира — Германия и Россия.

В новых условиях Япония очутилась перед необходимостью рисковать всем, чтобы устранить эту новую угрозу. Тройственное вмешательство непосредственно после японо-китайской войны помогло ей полностью осознать всю опасность ее положения. Поэтому Япония поставила на карту все, и история, оставаясь верной себе, повторилась. Незнакомая с японской историей или умышленно не обращая на нее внимания, Россия опрометчиво бросилась в ту область, которую японская нация привыкла в течение двух тысяч лет связывать со своей безопасностью. Как и в прошлом, враг с континента встретил сопротивление еще более отчаянное, чем то, на которое натолкнулся Хубилай, и в конце концов был отброшен на солидное расстояние. До японо-китайской войны юго-западным берегам Японии угрожали первобытные племена, населявшие север Кореи. Чтобы обеспечить себя от их нападений, было достаточно передвинуть национальную линию обороны к манчжурской границе Кореи. Но после японо-китайской войны, когда западные державы приобрели в Китае стратегические базы, расположенные против Японии, линия обороны в Корее стала недостаточной; для того чтобы предохранить страну от новых опасностей, требовались дополнительные меры предосторожности. И нельзя было найти лучшей гарантии, чем территориальная целостность близлежащего Китая. Как зубы страдали бы от холода без губ, так же и Японию ожидала бы трагическая судьба, если бы территория Китая была потеряна. А по движению западных держав на восток было ясно, что она скоро может быть потеряна. Защита Японией

территориальной целостности Китая — помогала Китаю и в то же время была мерой усиления ее обороны.

В настоящей главе был дан довольно детальный разбор всех вышеупомянутых исторических событий, так как без полного понимания их значения невозможно правильное понимание истории дипломатии на Дальнем Востоке. Несколько лет тому назад, когда автор этих строк был послом во Франции, его пригласил Парижский институт дипломатической истории выступить перед его членами. Тогда он поручил первому секретарю японского посольства прочесть членам института краткий доклад, который подытоживал вышеуказанные исторические события и подчеркивал, что Корея всегда была ключом к безопасности Японии и что положение, созданное движением западных держав на восток, принудило Японию после японо-китайской войны стоять за территориальную целостность Китая. Впоследствии президент института прислал автору письмо с благодарностью за лекцию и за то, что он помог членам института разобраться в причинах и последствиях японо-китайской и русско-японской войн.

Глава вторая
Период от переговоров в Урага до Боксёрского восстания

Из предыдущей главы следует, что японская дипломатия в настоящем смысле этого слова возникла в сравнительно поздний период, когда в Урага пришли американские военные корабли под командой коммодора Перри и потребовали, чтобы страна была открыта для внешней торговли. Цель этой книги не в том, чтобы изложить всю историю внешней политики Японии, а в том, чтобы рассмотреть основные черты и пути развития имперской дипломатии с тех пор, как были установлены дипломатические сношения с иностранными государствами.

1. Скромное начало дипломатии в Эпоху Мейдзи

Дипломатия периода восстановления императорской власти (1867) имела неприглядный вид. Она началась во время спора по поводу карательной экспедиции против Кореи, которая отвергла японское требование восстановить их прежние отношения и дурно обошлась с японским посольством в Сеуле. Японский народ был глубоко возмущен действиями корейцев, и многие требовали, чтобы против Кореи была послана экспедиция, — по-видимому, метод коммодора Перри налаживать отношения при помощи пушек некоторым понравился. Но пушки Перри были подходящим средством на короткий срок, в то время как корейскую экспедицию защищали как большую экспедицию. Поражение сторонников корейской экспедиции является заслугой принца Ивакура и его сподвижников, ознакомившихся с истинным положением международных дел во время их неудачной поездки по Европе и Америке, когда они пытались добиться пересмотра договоров.

После вопроса о Корее возникли дипломатические проблемы, связанные сначала с экспедицией против Формозы, затем со спором по поводу островов Рюкю[43] с Китаем, — эти острова всегда были частью Японии и принадлежали к землям клана Симадзу. Когда Япония, устанавливая новое административное деление, решила включить острова Рюкю в префектуру Окинава, считая, что это касается ее одной, она получила протест от пекинского правительства. Но спор был разрешен при посредничестве генерала Гранта. Причиной экспедиции на Формозу послужило убийство формозскими аборигенами нескольких жителей островов Рюкю, после того как эти жители потерпели кораблекрушение у берегов Формозы. Китай возражал против этой экспедиции, но вопрос был разрешен с помощью английского посланника, в Пекине, где происходили переговоры между Японией и Китаем.

Ввиду того что все три вышеупомянутых спора произошли за очень короткий период времени, сразу после установления правительства Мейдзи, за границей создалось впечатление, что Японией управляло неосторожное правительство. Правда, впечатление это было результатом незнакомства с внутренним положением Японии. Но, тем не менее, оно несколько осложняло работу японской дипломатии. Восстановление императорской власти было истинно революционным событием. В любой другой

стране такой переворот почти обязательно сопровождался бы кровопролитной гражданской войной. Но, как видно, японский народ был достаточно мудрым и шел в ногу с историей. Сёгун охотно вернул бразды правления императору, и его примеру последовали другие феодалы, которые восстановили права императора в своих владениях. Такие далеко идущие перемены были осуществлены всеми группами мирно и организованно в духе самопожертвования и преданности общественному благу.

Однако японский народ после трехсотлетнего политического сна проснулся в воинственном настроении, готовый к борьбе за власть с правительством сёгуна, и почувствовал себя как бы обманутым, когда восстановление трона прошло так спокойно. Он надеялся на захватывающие события, которые могли бы утолить его жажду действия, и нужно было что-нибудь предпринять для его умиротворения. Настроение народа было чревато опасностями. Убийства были часты, и такие люди, как Иокои Сионан, Масудзиро Омура и Хиосуке Хиросава, пали жертвами меча введенных в заблуждение патриотов, а министр Ивакура был ранен. Банды из клана Тёсю[44] также начали беспорядки. В эти тревожные дни сторонники экспедиции против Кореи нашли широкую поддержку. Уход их из правительства был сигналом к началу гражданской войны в провинции Сага[45] и к мятежу Дзияпурен[46] (секта божественного ветра) в Кумамото[47] и в Хаги[48], в провинции Гагато. Правительству удалось несколько разрядить атмосферу посылкой военной экспедиции на Формозу, чтобы наказать убийц жителей островов Рюкю, потерпевших кораблекрушение у берегов Формозы. Но эта экспедиция не полностью успокоила народ, и в 1877 г. политическое недовольство приняло форму мятежа, известного под названием Сейнанской (юго-западной) войны[49]. Только после подавления этого восстания национальное брожение прекратилось. При таком положении дел нельзя считать экспедицию в Корею или экспедицию на Формозу чисто внешнеполитическими событиями. Если бы мы связывали их только с внешней политикой вновь основанного императорского правительства, мы подошли бы к делу очень поверхностно. Эти события явились результатом внутренней политики. Последующие годы показали, что внешняя политика японского государства руководилась принципами мира и умеренности.

Дипломатия эпохи Мейдзи была с самого начала сложной и напряженной. Другого нельзя было и ожидать. Японию принудили войти в сношения с другими державами раньше, чем она ознакомилась с внешним миром, и первый договор о дружбе и торговле с иностранной державой[50] она подписала с

серьезными опасениями. Ее недоверчивость с течением времени не уменьшилась, и в 1863 г. она направила в Европу посольство во главе о Икеда Тикузевно-Ками, которое должно было добиться изменения или упразднения подписанных договоров. Это посольство, как известно, не имело никакого успеха. Через восемь лет принц Ивакура в сопровождении маркизов Кидо и Окубо был послан в Европу и в Америку, чтобы вновь начать переговоры о пересмотре договоров. Говорят, что министр иностранных дел одной из стран жаловался на неискренность японцев, предлагавших изменить или упразднить договоры, относительно которых еще велись переговоры. Японии посчастливилось, что Соединенные штаты взяли на себя инициативу вывести империю из одиночества. Если бы Англия, Франция или Россия взяли этот труд на себя, то, судя по методам политики, которые тогда господствовали, Японии неизбежно пришлось бы согласиться на гораздо менее выгодные условия. Соединенные штаты вели себя справедливо и честно. Американское правительство с лучшими намерениями желало сделать Японию равноправным членом семьи народов; у других держав не было иного выхода, как последовать примеру США. Опека Америки чрезвычайно помогла в первые годы сношений с другими государствами.

2. Дипломатия концессий и пересмотр договоров

Дипломатия современной Японии, которая родилась между Урага и Симода[51], в первые дни эпохи Мейдзи передвинулась в иностранные районы, или «концессии», Нагасаки, Кобэ, Иокогама и Хакодате и стала называться «дипломатией концессий», т. е. дипломатические сношения велись, главным образом, между местными властями и иностранными консулами. «Дипломатия концессий» занималась вопросами контрабанды, ссорами моряков и тому подобными делами. Хотя все это не имело большого значения с точки зрения дипломатии, но оно имело большое значение для японского народа, которого раздражали оковы экстерриториальности и консульского суда. Вопросы, которые возникали в иностранных «концессиях», не всегда легко решались местными властями и часто передавались в Касумига-секи[52], после чего следовали долгие переговоры и переписка, сложность которых никак не соответствовала незначительности самих дел.

Автор этих строк поступил на службу в министерство иностранных дел, когда «дипломатия концессий» была в самом расцвете. Иностранца нельзя было наказать даже за самое бесспорное преступление. Когда иностранного контрабандиста ловили с поличным и направляли для суда к консулу, его судили спустя рукава. Когда публиковались карантинные правила, иностранные суда не обращали на них внимания и, сознавая свою неприкосновенность, входили в японские порты, ни с чем не считаясь. Работа в министерстве иностранных дел была очень нервной. Автор был тогда еще молодым человеком, только что окончившим школу, и с трудом сдерживался. Даже министр иностранных дел, который держал себя чрезвычайно надменно со своими подчиненными, должен был, по требованию иностранных посланников, несколько раз приезжать к ним в миссию. Суверенитет, национальная независимость, равноправие наций и подобные принципы, перед которыми автор привык преклоняться в школе, на практике оказались, к его разочарованию и прискорбию, лишь пустыми фразами. Пока автор не увидел всего своими собственными глазами, он не подозревал, что экстерриториальностью и консульским судом можно так злоупотреблять и что они могут принести так много зла.

Недовольство экстерриториальностью ее ограничивалось кругами интеллигенции. Полицейские, которые разбирали преступления, совершенные европейцами, часто подвергались

самым унизительным оскорблениям. Попытка полицейского убить русского царевича, когда тот посетил Японию (факт сам по себе преступный), была результатом всеобщего возмущения наглостью иностранцев.

Японский народ не мог долго мириться с экстерриториальностью. Но он не мог ожидать сочувствия со стороны иностранных держав, за исключением Соединенных штатов. В настоящее время державы готовы сочувственно отнестись к просьбам китайцев об упразднении неравных договоров, но в те дни на помощь Японии не могли прийти либеральные идеи нашего времени. Соединенные штаты в принципе быстро согласились на упразднение экстерриториальности и консульских судов, но далеко не полностью осознано, как много работал покойный граф Муцу, чтобы добиться согласия на это английского правительства. Как только Соединенные штаты и Великобритания склонились на сторону Японии, было сравнительно нетрудно повлиять на другие державы. Тогда был произведен пересмотр договоров, и началась эра быстрого развития Японии. Получив полное равноправие, страна быстро преодолела инертность и двинулась вперед по пути прогресса.

В настоящее время китайский народ и его правительство делают все возможное, чтобы добиться пересмотра договоров. Япония, которая вкусила горечь экстерриториальности и консульских судов, должна искренно сочувствовать стремлениям Китая освободиться от «их и способствовать их осуществлению. Нет ничего более отвратительного в отношениях одного государства с другим, чем существование на территории одного из них таких институтов, как экстерриториальность и консульские суды. Можно винить Китай в том, что он ничего не делает для улучшения своего положения и в то же время жалуется державам на их отношение к нему, но так как в будущем у него будут возможности исправить свои недостатки, другие державы должны быть великодушными и делать ему все разумные уступки. С другой стороны, Китай не должен злоупотреблять великодушием и поступать необдуманно. Надо помнить, что с того времени, как Япония возвратила свою судебную независимость и стала пользоваться своими суверенными правами, до того времени, когда она получила таможенную автономию, прошло пятнадцать лет.

3. Японо-Китайская война и тройственное вмешательство

Япония добилась успеха в деле пересмотра своих договоров и в войне против Китая. Но не успели высохнуть чернила, которыми был написан Симоносекский договор, как, к изумлению японских дипломатов, Россия, Франция и Германия выступили в защиту Китая. Под видом «дружеского совета» эти три державы требовали от японского правительства возвращения Китаю Ляодунского полуострова. Они мотивировали свой «совет» тем, что если Япония оставит за собой полуостров и будет стратегически господствовать над провинцией Чжили[53] (т. е. над Пекином), то это будет угрожать миру на Дальнем Востоке.

Вмешательство трех держав поразило японские власти, весь опыт которых был основан на «дипломатии концессий». Вся страна ужаснулась, но после долгого размышления было решено снести это унижение, переждать и, согласно «совету» трех держав, вернуть полуостров Ляодун Китаю. Несомненно, это было при тех обстоятельствах самое мудрое из всех возможных решении. Если бы Япония отвергла «совет», как блеф, то престиж трех держав не позволил бы им отступить, и, по всей вероятности, это в конце концов привело бы к войне. Бронированные корабли Германии, России и Франции в дальневосточных водах не были похожи на легкие монгольские суда, погибшие от бури шестьсот лет тому назад, и были все основания предполагать, что в случае войны европейские державы отняли бы у Японии плоды ее победы над Китаем и разделили бы их между собой.

Вспоминая тогдашнее положение, понимаешь, как тяжело было избрать политику мира вместо на первый взгляд более легкого пути войны. Последующие поколения Японии должны быть благодарны Ито, Муцу и другим деятелям того времени за благоразумие, которое они проявили перед лицом колоссальных трудностей. За сорок лет перед этим Россия, главный зачинщик вмешательства, очутилась в подобном положении, но она не смогла сдержать себя. Тогда началась Крымская война. В результате этой войны Россия не только потеряла все преимущества, завоеванные у Турции, но очутилась на краю гибели. Через двадцать лет Россия снова объявила войну Турции и, выйдя из нее победительницей, заставила Турцию подписать Сан-Стефанский договор[54]. Великобритания вновь вмешалась, но на этот раз Россия уступила и передала договор на рассмотрение Берлинской конференции, где он был изменен.

Несомненно, для России было разумнее уступить Англии, чем воевать с ней.

4. Германия и тройственное вмешательство

Во время тройственного вмешательства автор работал в японском посольстве в Париже в качестве третьего секретаря. Будучи очень молодым человеком, он не мог иметь оригинальных и ценных мыслей по этому вопросу, а так как вмешательство произошло вскоре после заключения франко-русского союза, то причины, в силу которых Франция поддерживала Россию, были ясны даже для него. Но он не мог найти оснований для германского участия, или, скорее, главенства, в этом деле. Приблизительно, в это время он поехал в Берлин и имел там беседу с виконтом Аоки, бывшим тогда посланником в Берлине, и попросил его объяснить, почему Германия приняла участие в этом деле. Виконт Аоки, который был одним из самых опытных японских дипломатов своего времени, ответил с явным огорчением: «Я не знаю, чем объяснить участие Германии. Я могу только предположить, что причиной этого является временное помешательство кайзера».

Тройственное вмешательство возбудило у автора интерес к дипломатической истории, и вскоре он принялся усиленно ее изучать. В своих исследованиях он, наконец, нашел ответ на вопрос, который он задал виконту Аоки.

Говорят, будто бы Бисмарк однажды заметил: «У России быстро увеличивающееся население, и она полна энергии. Ее можно сравнить с закупоренной бочкой бродящего вина, которая, рано или поздно, должна в каком-нибудь месте разорваться. Если взрыв произойдет в сторону Сибири — тем лучше. Если он будет иметь место в Черном море или на Босфоре — это тоже не опасно для нас. Мы должны сделать все возможное, чтобы не допустить взрыва бочки у нашей границы».

С точки зрения Германии мысль Бисмарка была, несомненно, правильна. Когда кайзер вдохновлял и подстрекал Россию к вмешательству в японо-китайские отношения после Симоносекского договора и, наконец, когда он сам вмешался, — это было лишь продолжением политики Бисмарка. Надо думать, что Германия участвовала в этом вмешательстве с надеждой раз и навсегда передвинуть взрыв русской бочки от Европы к Дальнему Востоку. Таким образом, проникнув достаточно далеко в бесконечные степи Сибири и Дальнего Востока, русские не смогут выпутаться оттуда, будут тратить там французские деньги и ослаблять давление на Германию. В случае, если Франция была бы недовольна этими отдаленными авантюрами и попыталась бы сдержать их или направить французские деньги к русско-

германской границе, отношения между Францией и Россией ухудшились бы. Это было бы на руку немецкому правительству. С точки зрения интересов отечества действия кайзера были всем, чем угодно, только не фантазией расстроенного ума. Напротив, это было осуществлением очень хорошо обдуманного плана.

Япония скоро получила возможность отплатить этим трем державам за их добрососедский «совет» по поводу Симоносекского договора. После десяти лет ожидания Японии удалось вытеснить русских из Ляодунского полуострова и из южной Манчжурии. Еще через десять лет она изгнала немцев из Шаньдуна. С Францией, однако, которая приняла участие во вмешательстве в силу обстоятельств, а не по собственной воле, были установлены дружественные отношения, оформленные франко-японским соглашением[55] и приложенной к нему декларацией. Японская политика терпеливого ожидания полностью оправдала себя.

Сближение Японии с Великобританией было естественным результатом тройственного вмешательства. Желание русских двигаться на восток было почти наследственной болезнью, которая со времен Петра Великого переходила от одного московского царя к другому. Вначале Германия играла на этих желаниях и тем отклоняла энергию России от германской границы. Она подстрекала ее, разыгрывая роль соучастника в планах России, но, когда она увидала, какую большую выгоду извлекала Россия из этих авантюр, она сама заразилась русской болезнью и пожелала иметь собственную морскую базу в Китае. Когда она получила такую базу в заливе Киао-Чао, ее аппетит разыгрался, и она хотела все большего и большего: сначала железную дорогу, потом рудники и, наконец, власть над всей провинцией Шаньдун. Затем она заявила, что провинция Хунань находится в сфере ее влияния. Действительно, у Германии был ненасытный аппетит. Франция, которая до сих пор старалась только помешать повороту русских политических интересов с запада на Дальний Восток, теперь тоже была непрочь приобрести кое-какие территории в Китае и получила в аренду Гуанчжоу[56]. Таким образом, Германия и Франция, которые начали с того, что подстрекали Россию и вместе с ней повлияли на условия мира между Японией и Китаем, кончили тем, что превратились в соучастников ее агрессии. Положение приобрело зловещий оттенок. Появилась опасность, что принципы территориальной целостности Китая, открытых дверей и равных возможностей, которые были выдвинуты Соединенными штатами и искренно поддержаны Японией и Великобританией, станут лишь пустыми фразами. Так как интересы Великобритании не позволяли ей быть

пассивным наблюдателем погони за территорией в Китае, к чему она, впрочем, относилась с неодобрением, Великобритания приобрела в аренду Вэйхайвэй[57], напротив Порт-Артура, и Коулун[58], напротив Гонконга. С другой стороны, она стремилась к тесному сотрудничеству с Японией и Соединенными штатами. Но, не надеясь на активную поддержку США ввиду их традиционной политики уклонения от связывающих союзов, Великобритания не имела другого выхода, как опираться на сильную англо-японскую комбинацию. При этом положении дел Япония приветствовала английские дружественные предложения, которые для нее имели гораздо большее значение, чем для Англии.

5. Боксерское восстание[59] и Пекинский протокол

Когда автор, в то время работавший в японской миссии в Пекине, впервые услышал весной 1900 г. о восстании боксеров в Шаньдуне, он не был этим особенно потрясен. Но движение боксеров распространилось, и в Пекин начали поступать сообщения о том, что боксеры двигаются на город. В конце концов дипломатический корпус решил созвать совещание «секретарей-переводчиков» различных миссий, чтобы обсудить положение. На этом совещании «переводчики» единогласно решили, что «мятеж» — это слишком сильное слово для характеристики движения боксеров. Они указывали, что в Китае всегда было много тайных обществ, которые иногда вызывали волнения, но которые ввиду своей слабости никогда не могли принести большого вреда. Они считали, что мрачные сведения миссионеров были порождены страхом. Ознакомившись с мнением «переводчиков», дипломатический корпус вновь приобрел уверенность. Но вскоре французская миссия услышала от католического миссионера яркий и подробный рассказ о боксерских событиях, который не мог быть плодом воображения. Тогда было решено созвать совещание посланников. Только французский посланник Пишон был в тревожном настроении, — остальные находились под влиянием мнений своих секретарей. Только после того как боксеры прошли провинцию Шаньдун и продвинулись далеко в глубь провинции Чжили, когда их передовые отряды были уже в предместьях Пекина, в миссиях поняли серьезность положения. Часто говорят, что иностранцы, живущие долгое время в Китае, быстро «китаизируются», но никогда не могут понять китайские дела, и это как будто полностью относится к знатокам китайских дел, к «переводчикам» миссий. В панике совершенно неподготовленные миссии решили высадить десант с военных кораблей, находившихся в Таку[60]; но эти суда были лишь небольшими канонерками меньше тысячи тонн водоизмещения, поэтому достаточные десанты не могли быть отправлены. Всего с японских, английских, американских, русских, немецких, французских, австрийских и итальянских канонерок можно было набрать отряд не больше чем в 420 человек. Ввиду того что такой небольшой отряд не мог защитить иностранных резидентов в Пекине от многих тысяч боксеров, некоторые державы решили послать вспомогательные экспедиции. Географически положение

Японии было для этого наиболее удобным, и она немедленно отправила сильный экспедиционный корпус. Спасение осажденных иностранцев в Пекине в самый критический момент было осуществлено в основном благодаря быстрым действиям 5-й дивизии японской армии.

Окончив спасение миссий и иностранных жителей, союзные войска предоставили поле действий дипломатам. Во-первых, надо было обсудить вопрос об ответственности пекинского правительства; в этом вопросе не было разногласий. Не одни боксеры пытались уничтожить «иностранных дьяволов» и нападали на иностранцев, живущих в Северном Китае и в Пекине, но и регулярные войска под командованием Дун Фусяна открыто принимали участие в нападениях; кроме того, было точно известно, что принц Дуаньчу по тайному приказу вдовствующей императрицы [Цы Си] лично командовал мятежниками. Сознавая свою вину, императрица со своим двором бежала в Сиань[61].

Второй вопрос был о вознаграждении за убытки, которое иностранцы и их правительства должны были потребовать от китайского правительства. Все посланники были согласны, что державы имели право требовать возмещения и что китайское правительство было обязано его уплатить, но, когда дело дошло до определения размеров суммы, взаимоотношения посланников немедленно ухудшились. Иностранные представители смотрели друг на друга и молчали. Хотя в принципе было решено, что вознаграждения в отношении правительств будут ограничены стоимостью спасательных экспедиций и в отношении; частных лиц действительными размерами потерь, тем не менее подсчет этот был в руках самих правительств, и никакого контроля над ними не было. Китай был совершенно беспомощен, и только чувство справедливости могло сдержать державы и их представителей. А в те дни от держав и их послов нельзя было ждать справедливости.

Тогда представитель Японии Дзётаро Комура первый показал пример великодушия. Следуя инструкциям своего правительства, он потребовал 50 миллионов иен. После этого другие державы представили свои требования:

Россия	180	млн.	иен
Германия	130	»	»
Франция	100	»	»
Великобритания	70	»	»
Япония	50	»	»
Соединенные штаты	45	»	»
Италия	38	»	»
Бельгия	12	»	»

Когда к этому прибавились претензии Австрии, Голландии, Испании, Швеции и Португалии, получилась сумма в 450 миллионов таэлей (630 миллионов иен). Эта цифра была представлена китайскому правительству. На память автор может привести следующие цифры о составе спасательного корпуса:

	Людей	Пушек
Япония	10 000	54
Россия	4 000	16
Великобритания	3 000	12
Соединенные штаты	2 000	6
Франция	800	12
Германия	200	—
Австрия и Италия	100	—

Если мы сравним требования отдельных держав с их участием в экспедиции, в глаза бросятся некоторые интересные вещи. После Японии требования Великобритании и Соединенных штатов кажутся наиболее справедливыми, ввиду того что содержание одного американского или английского солдата стоит больше, чем содержание солдат других национальностей. По Версальскому договору[62] Германия должна была платить Англии и Америке больше, чем Франции и Бельгии, за содержание их оккупационных армий в Рейнской области, несмотря на то что французские и бельгийские армии были многочисленнее. Поэтому требования Великобритании и Соединенных штатов нельзя считать чрезмерными. Но неприемлемость претензий других держав по сравнению с Японией сразу становится очевидной. Хотя Россия держала большое количество войск в разных важных пунктах Манчжурии, в Пекин она послала солдат на половину меньше, чем Япония. Нет сомнения, что она не имела права на оплату войск, которые она содержала в Манчжурии, так как эти войска были направлены туда с чисто агрессивными целями. Германия послала большой отряд под командованием фельдмаршала фон Вальдерзее, но этот отряд достиг Пекина уже после освобождения города, и немецкие солдаты бездельничали, пока они не были посланы на экскурсию, которую немцы назвали экспедицией, в город Баодин[63]. Немецкие войска, действительно принимавшие участие в защите Пекина, состояли из десанта в 30–40 человек с канонерки, находившейся в Тяньцзине, и из отряда, отправленного из Циндао до начала осады, — всего не больше двухсот человек. Франция предоставила для спасения Пекина меньше тысячи человек, главным образом аннамитов из Индо-Китая. Несмотря на второстепенную роль, которую они играли в походе на Пекин, Россия, Германия и Франция требовали вдвое больше денег, чем

Япония, чьи войска составили больше половины всего спасательного корпуса. Другими словами, только Япония, Великобритания и Соединенные штаты отнеслись к беспомощному Китаю с великодушием и справедливостью. Остальные державы были, несомненно, несправедливы. Но автор не считает требования этих держав безусловно несправедливыми. Если бы целью этих претензий было наказать Китай, для этой цели, возможно, они не были бы чрезмерными. Но на совещании посланников в Пекине было решено, что, принимая во внимание положение финансов Китая, требования будут ограничены военными издержками и действительными убытками. Именно поэтому надо считать, что требования других держав (т. е. всех, кроме Японии, Великобритании и Америки) были чрезмерными. Приблизительные подсчеты японского правительства дали минимальную цифру в 50 миллионов иен. Эта цифра и была сообщена японскому посланнику господину Комура. Когда собравшиеся в Пекине дипломаты не могли решиться назвать свои цифры, господин Комура показал им пример справедливости и дружелюбия к Китаю и назвал указанную минимальную цифру. Но одно дело намерения, а другое — действия, и, вместо того чтобы оценить честность Японии, другие страны, за исключением Великобритании и Соединенных штатов, предъявили самые фантастические требования. Есть старая китайская поговорка в отношении торговых сделок: «Ты говори первый». Ее полезно помнить во время переговоров с иностранными державами, ибо с ними неблагоразумно говорить первому. Кроме того, есть японская пословица, что осенний ветер холодит губы, когда они раскрываются, чтобы заговорить. В дипломатии предостережение, заключающееся в этой поговорке, имеет особое значение. То, что имело место после боксерского восстания, произошло потому, что европейские державы имели больший, чем Япония, опыт в обращении со слабыми государствами. Если бы, например, Франция 1919 г. была в положении Японии в 1900 г., она, по всей вероятности, потребовала бы от Китая, подобно тому, что она сделала в Версале, больше половины всей суммы, т. е. 400 миллионов иен. Среди старых лисиц одна Япония была неопытна. Япония тогда в первый раз участвовала в международной конференции по политическим вопросам, и приятно видеть в требовании японского представителя доказательство справедливости имперской дипломатии.

6. Англо-германское соглашение и участие Японии

Отношения между Японией и Англией в результате боксерского восстания значительно улучшились. В то же время в отношениях между Германией, Россией и Францией, с одной стороны, и Японией и Англией, с другой, появилась заметная напряженность. Дипломатический корпус в Пекине как бы разделился на два лагеря, расположенных друг против друга в тесном посольском квартале[64].

Тогда Германия совершила поступок, который не соответствовал ее политике. Выдвигались различные предположения относительно причин и целей этого поступка, но ни одно из предположений не казалось убедительным. Дело в том, что сразу после освобождения посольского квартала в Пекине Германия заключила с Великобританией соглашение, касающееся Китая, и пригласила Японию присоединиться к нему. Можно считать, что это соглашение явилось предтечей англо-японского союза. Ввиду того что в свое время оно прошло почти незамеченным, несмотря на интересный материал, который оно содержит, для полного понимания этого союза мы ниже приводим текст соглашения:

> «Правительство его британского величества и германское императорское правительство, желая обеспечить свои интересы и свои права в Китае, указанные в существующих договорах, решили придерживаться следующих принципов в отношении их совместной политики в Китае,
>
> 1. Все страны глубоко заинтересованы в том, чтобы приморские и речные порты Китая были открыты для торговли и для всякой другой легальной формы экономической деятельности подданных всех стран без различия; со своей стороны оба правительства обязуются поддерживать все вышеупомянутые принципы на всей части территории Китая, где они имеют влияние.
>
> 2. Правительство его британского величества и германское императорское правительство со своей стороны не воспользуются настоящим сложным положением и не попытаются добиться каких-либо территориальных приобретений в пределах Китая и будут направлять свою политику на то, чтобы сохранить

территорию Китайской империи в том состоянии, в котором она сейчас находится.

3. В случае, если какая-либо другая держава, воспользовавшись осложнениями в Китае, попытается под каким-либо видом получить такие территориальные приобретения, обе подписавшиеся стороны оставляют за собой право предпринять необходимые меры в целях защиты своих собственных интересов в Китае.

4. Оба правительства сообщат о заключении настоящего соглашения другим заинтересованным державам и в особенности Австро-Венгрии, Франции, Италии, Японии, России и Соединенным штатам Америки и пригласят их признать принципы, в нем изложенные».

Сначала английское и германское правительства решили сообщить текст соглашения правительствам Австрии, Франции, Италии, Японии, России и Соединенных штатов и предложить им признать изложенные в нем принципы; для этого был добавлен четвертый параграф. Однако в отношении Японии Германия и Великобритания поступили иначе. Они не только сообщили ей о соглашении и предложили, в соответствии с четвертым параграфом, признать изложенные в нем принципы, но и пригласили ее стать участницей соглашения. Так как из шести правительств только Япония присоединилась к соглашению, а в ответах Америки, России, Франции, Австрии и Италии не было и намека на то, что им было сделано подобное предложение, то отсюда мы можем заключить, что лишь одна Япония была приглашена. Несомненно, это было сделано умышленно. По мнению автора, особое приглашение Японии чрезвычайно многозначительно, в особенности с точки зрения германского правительства.

Однако взгляды автора основаны на его собственных выводах, а характер договора не дает ему возможности обосновать свои предположения. Для Германии не могло быть лучшего способа выяснить возможности англо-японского союза, как пригласить Японию присоединиться к соглашению (причины, которые заставляли Германию желать этого союза, будут изложены в главе III). Если бы, по предложению Германии, Англия согласилась пригласить Японию, было бы установлено желание Англии сотрудничать с Японией. С другой стороны, согласие Японии показало бы, что Япония желала бороться вместе с Германией (или с Англией) против экспансии России на восток. Таким образом, одним ловким маневром Германия могла узнать

истинные намерения и Англии и Японии.

Японское правительство (министр иностранных дел Като в кабинете Ито) послало следующий ответ на зондировавшее предложение кайзера:

> «Императорское правительство, получив заверения подписавших договор держав о том, что, присоединяясь к данному договору, оно будет в том же положении, как если бы оно было подписавшим, а не присоединившимся государством, без колебаний официально заявляет, что оно присоединяется к данному соглашению и признает заключенные в нем принципы (29 октября 1900 г.)».

Английское правительство благоприятно относилось к предложению германского правительства пригласить Японию присоединиться к соглашению, а Япония приняла их совместное приглашение. Итак, эта разведывательная операция удалась кайзеру. Затем он дал указание барону Эккардштейну, одному из своих любимцев, действовать в Лондоне совершенно необычно. После беседы с выдающимися английскими политическими деятелями барон посетил графа Хаяси, японского посланника в Лондоне, и рассказал ему о результате своих бесед. Этот случай имел место лишь через четыре месяца после того, как Япония присоединилась к англо-германскому соглашению.

В англо-германском соглашении не было ничего нового. Это была лишь вторичная декларация принципов открытых дверей и равных возможностей в Китае, а также территориальной целостности и независимости Китая. Текст был прост и ясен. Однако через некоторое время в рейхстаге в ответ на интерпелляцию князь Бюлов заявил, что Манчжурия не включалась в состав «Китая», о котором говорилось в соглашении и который был ограничен той территорией, где английское и германское правительства имели влияние. Он далее объяснил, что Манчжурия лежала вне сферы влияния Германии. Это было явное извращение соглашения. Нельзя серьезно и обоснованно доказывать, что Манчжурия не является частью Китая. Могла ли колыбель династии Цинь[65] не быть в государстве, управляемом династией Цинь? Во всяком случае, фраза «на всей той части территории Китая, где они могут оказывать влияние», встречается только в первом параграфе, где говорится об открытых дверях и равных возможностях, в морских и речных портах Китая. Деятельность России в Манчжурии заключалась, главным образом, в оккупации территории, другими словами, она нарушала независимость и территориальную целостность Китая и тем подпадала под действие второго и третьего параграфов. Но

слова «где они могут оказывать влияние» пропущены как раз в этих двух параграфах, и нельзя не признать, что объяснение князя Бюлова в парламенте было сплошным крючкотворством.

Если внимательно прочитать текст англо-германского соглашения и сопоставить его с последующими действиями Германии, то бросаются в глаза три удивительные вещи. В течение трех лет перед подписанием соглашения Германия под разными предлогами отклоняла все дружелюбные предложения Англии. Так, например, в 1899 г., за год до боксерского восстания, Германия игнорировала знаменитую речь в Лейстере Джозефа Чемберлена, английского министра колоний, в которой он открыто высказывался за союз с Германией. А теперь та же Германия, непонятно почему, захотела заключить англо-германское соглашение. Затем, почему немедленно после соглашения Германия предприняла действия, которые фактически сделали это соглашение недействительным? И, наконец, если сохранение дружественных отношений с соседней страной принуждало Германию к эластичному толкованию соглашения, то почему в третьем' параграфе она употребила выражения, столь определенные, что они были похожи на договор о союзе:

> «В случае, если какая-либо другая держава, воспользовавшись осложнениями в Китае, попытается под каким-либо видом получить такие территориальные приобретения, обе подписавшиеся стороны оставляют за собой право предпринять необходимые меры в целях защиты своих собственных интересов в Китае».

Если бы Германия действовала необдуманно, можно было бы понять эту непоследовательность. Но если в ее поведении был определенный план, тогда можно допустить лишь одно объяснение. Ведь немецкая дипломатия была какой угодно, только не бестолковой, — она решала свои задачи чрезвычайно осмотрительно и обдуманно. В самом деле, ни с чем нельзя сравнить основательность и глубину немецких научных работ. Надо думать, что у Германии не было искреннего желания сблизиться с Англией, а когда она пошла на это сближение, у нее были скрытые намерения, осуществление которых сделало английскую дружбу ненужной. Англо-германское соглашение подтверждает это.

Целью Германии в тот период было столкнуть Россию с Японией на Дальнем Востоке, а создание англо-японского союза было кратчайшим путем к этому. Германия, невидимому, предполагала осуществить этот союз путем предварительного

англо-германского соглашения, к которому Япония была бы специально приглашена присоединиться. Считая, что это было необходимым шагом в осуществлении всей схемы, Германия без колебания предложила Великобритании заключить соглашение, хотя она незадолго до этого отвергла дружественные предложения Чемберлена. Соглашение было лишь средством к цели, и оно стало ненужным, как только эта цель была достигнута. Больше того, оно мешало наладить хорошие отношения с Россией. Когда Великобритания согласилась пригласить Японию, а Япония приняла приглашение и подписала соглашение, — оно уже сыграло свою роль для Германии. Поэтому, не теряя времени, Германия ложно истолковала соглашение, опасаясь, что Россия прекратит свое движение на восток. Этим можно объяснить, почему Германия сделала соглашение фактически для себя недействительным.

Конкретные выражения в третьем параграфе соглашения, похожие на выражения в договоре о союзе, как будто несовместимы с осторожностью Германии. Но без этих выражений соглашение ничем не отличалось бы от более ранней американской декларации об открытых дверях, равных возможностях и территориальной целостности Китая. Присоединение Японии к англо-германскому соглашению, похожему на договор о союзе, удовлетворило любознательность кайзера относительно позиции Японии. Германии не было смысла повторять американскую декларацию. Другими словами, Германия разработала план, который был чреват последствиями, и, нуждаясь в проверке его, подписала соглашение с Великобританией, несмотря на то, что подобный поступок был несовместим с ее прежней политикой. Но, как только это соглашение было подписано и как только роль его как пробного шара была сыграна, князь Бюлов пропел ему отходную в рейхстаге. Это соглашение было теперь не только бесполезным, но прямо препятствовало сближению с Россией. Действия Германии были не только последовательны с начала до конца, но и необходимы для осуществления хитроумного плана.

Глава третья
Англо-Японский союз

1. Характер японского и английского народов

Лучшим доказательством пользы договора о союзе служит добросовестное соблюдение всех его пунктов договорившимися сторонами. Тем не менее — кто бы ни были эти договаривающиеся стороны, — для того чтобы договор добросовестно выполнялся, необходимо, во-первых, чтобы в национальном характере подписавших его народов были черты абсолютного благородства и Верности своему слову и, во-вторых, чтобы, выполняя обязательства, обе стороны в то же время обеспечивали определенные национальные интересы. Под национальным характером подразумевается общий характер данного народа в том виде, в котором он представлен правительством, а не характер отдельных лиц, составляющих нацию; другими словами, понимаются типичные качества народа, отраженные его правительством. Народ может подпасть под влияние пропаганды или может быть взволнован событиями, следовательно, национальный характер фактор изменчивый и ненадежный. Поэтому опасно основывать дипломатию на каком-нибудь отдельном этическом признаке. Для того чтобы договор о союзе добросовестно выполнялся, надо, чтобы помимо соответствующих национальных черт имелись еще и важные национальные интересы. Изучая характер народа, мы не можем привлечь никакого иного материала, кроме истории, да и история не есть безусловное доказательство. Главное, надо рассмотреть, является ли характер народа достаточно устойчивым и можно ли на него положиться, когда дело идет о национальных интересах.

В истории дипломатии можно найти множество различных договоров, но никакой из них так близко не приближается к идеалу, как англо-японский договор. И английский и японский народы исключительно одарены благородными качествами, — события после подписания договора это прекрасно доказали. Что касается важных национальных интересов, которым служил союз, то здесь также было полное согласие. До тех пор пока договор оставался в силе, интересы обеих стран были обеспечены, но как только он был расторгнут, эти интересы подверглись опасности. Таким образом, пока союзники чувствовали нужду в договоре, они не пытались каким-либо образом обойти его. Когда в Европе началась мировая война и возникли сомнения в том, обязана ли Япония оказать помощь своему союзнику или нет, Япония поступила соответственно духу союза. Был ли когда-нибудь

другой столь благородный союз? Не говоря о взаимных преимуществах, которые получали от договора союзники, никакой предыдущий договор о союзе в такой мере не содействовал общему миру. Благодаря бдительности Великобритании союзница России, Франция, не вмешалась в русско-японскую войну, и война не распространилась на другие страны. Благодаря тому же союзу после русско-японской войны на Дальнем Востоке удалось сохранить мир.

Для дипломатии Японии это был первый опыт союза с иностранной державой. Для Англии в равной степени англо-японский союз был нововведением в ее традиционную политику «блестящей изоляции». Обе нации должны не только поздравить друг друга с огромным успехом союза, но и чувствовать удовлетворение тем, что союз способствовал международному миру. Ниже автор приводит некоторые воспоминания об этом знаменитом союзе и свое теперешнее мнение о нем.

2. Образование англо-японского союза

В 1903 г., по случаю первой годовщины англо-японского союза, автор, по приказанию министра иностранных дел, приготовил исследование об обстоятельствах заключения союза. Эта работа была поручена автору потому, что, будучи секретарем министерства иностранных дел, он с самого начала имел близкое отношение к переговорам. Теперь, чтобы вновь не трудиться над описанием этого события, автор процитирует предисловие и часть первого раздела этого исследования.

> «В то время как державы становятся все более агрессивными и разделяются на определенные группы соответственно своим национальным интересам, нет ничего удивительного в том, что они начинают смотреть друг на друга как на соперников и врагов. Со времени оккупации немцами Киао-Чао и русскими Порт-Артура английский народ, отдавая себе отчет в особенностях современных условий, отказался от своей идеи «блестящей изоляции» и осознал, насколько благоразумно будет протянуть руку стране с которой он связан общностью интересов и которая делает первые шаги на арене международного соперничества. Таким образом, мысль если не о союзе то по крайней мере о сближении между Японией и Англией стала широко обсуждаться не только среди английского народа, но и в выступлениях руководителей правительства Великобритании. Я не буду здесь перечислять все те случаи, когда влиятельные члены английского парламента и крупные газеты выражали надежды на сближение между Англией и Японией; эти события слишком хорошо известны и не нуждаются в пересказывании. Джозеф Чемберлен, бывший в то время министром колоний, во время одного послеобеденного разговора с нашим посланником Такаакира Като коснулся положения дел на Дальнем Востоке и мимоходом намекнул на то, что англо-японское сотрудничество было бы желательно. Несколько позже сэр Френсис Берти, помощник вице-министра иностранных дел, сделал попытку узнать наши намерения в отношении Кореи и России. Бее эти обстоятельства показывают, насколько Англия была заинтересована в сотрудничестве с нами и как

настойчиво она с этой целью влияла на общественное мнение и принимала постепенно необходимые меры.

Теперь о нашей позиции. Слава нашего оружия в войне с Китаем померкла после возврата Ляодуна, который вместе со всеми портами достался в аренду России. Еще хуже было то, что престиж наш в Корее постоянно страдал, причем стал даже подниматься вопрос о независимости этой страны. В результате все основные достижения японо-китайской войны были почти сведены к нулю. Эти обстоятельства были более чем достаточны для того, чтобы пробудить у наших соотечественников сознание желательности союза с какой-нибудь другой страной с целью сохранения наших позиций и защиты наших интересов. Кроме того, постоянные компромиссы с Россией относительно Кореи не давали абсолютно никаких результатов и, превращаясь в пустые бумажки, убедили нас в том, что при решении международных вопросов бессмысленно быть скромными, а необходимо полагаться на силу и на престиж. Но силы и престижа можно было добиться лишь путем комбинаций, основанных на взаимной заинтересованности.

Одним словом, можно сказать, что союз явился конечным результатом усиления борьбы и соперничества держав на Дальнем Востоке после японокитайской войны. Реальная обстановка и осознание общности интересов вынудили Японию и Великобританию воспользоваться первым удобным случаем, для того чтобы соединить свои силы…

В начале апреля 1901 г. была получена телеграмма от нашего посланника в Лондоне Хаяси, который сообщал о посещениях японской миссии немецким поверенным в делах бароном Эккардштейном. Во время этих посещений Эккардштейн высказал свое совершенно личное мнение, что союз между Японией, Германией и Англией был бы полезен для сохранения сил на Дальнем Востоке и что в этом случае:

1) Япония получила бы свободу действий в Корее;

2) если бы одна из союзных держав оказалась вовлеченной в войну с четвертой державой, другие две державы придерживались бы нейтралитета до тех пор, пока другая (пятая) держава не выступила бы на стороне четвертой; тогда две другие союзные державы вмешались

бы.

Другими словами, барон Эккардштейн проповедовал целесообразность Тройственного союза на Дальнем Востоке, подобно существующему в Европе, и заметил, что, если бы Япония предложила такой союз, были бы полные основания верить словам одного из членов английского кабинета, что Великобритания отнеслась бы к нему сочувственно. Она, после получения такого предложения от Японии, посоветовалась бы с Германией, и именно по этим причинам мы можем надеяться на образование англо-германо-японского союза.

Было трудно установить, что было причиной такого заявления барона, но если японское правительство было заинтересовано в предложении и желало исследовать его возможности, он (Хаяси) мог бы попытаться разузнать позицию английского правительства путем, который был бы естественным, но вместе с тем не причинил бы неприятностей в будущем…

…Из последующих телеграмм посланника Хаяси стало известно, что барон Эккардштейн намекнул, что он был уверен, что многие влиятельные люди в Германии и в Англии одобрили бы союз…»

3. Деятельность барона Эккардштейна

Самостоятельные действия барона Эккардштейна в описываемое время были чрезвычайно загадочны и привели автора в полное замешательство. Но позже, после опубликования «Мемуаров» барона, когда автор ознакомился с внутренним положением современной Германии, он убедился, что понял значение этого дела.

Барон Эккардштейн, бывший тогда советником немецкого посольства в Лондоне, обладал, по-видимому, блестящим умом. Кроме того, он был доверенным лицом кайзера. В Лондоне помимо основной работы ему, видимо, было поручено следить за действиями посла и доносить о них лично кайзеру, другими словами, он шпионил для кайзера, что было довольно обычным явлением в довоенной Германии. При императорском режиме в Германии шпионаж был развит даже в учреждениях внутри страны, и сам князь Бисмарк однажды признался, что у него были шпионы не только при его коллегах в правительстве, но даже при кайзере и кронпринце. Кайзер всегда подозревал, что его представители могут неверно исполнить его приказания. Так, когда он давал указания своему канцлеру по внешней политике, он обычно посылал советниками за границу таких близких людей, как барон Эккардштейн, которые следили за тем, было ли императорское распоряжение исполнено, как приказано, или оно было отправлено послу с полуофициальным и конфиденциальным письмом канцлера, выражающим его личные взгляды и извращающим желания императора. Самоуверенное поведение барона Эккардштейна можно легко объяснить тем, что он был доверенным лицом кайзера или даже получал от него секретные распоряжения. Ввиду того что во время особенно сложных переговоров невозможно получать подробные письменные инструкции, послы обычно действуют чрезвычайно осторожно. Но на этот раз осторожность была не нужна. Сам император раскрыл близкому ему советнику посольства в Лондоне великий план. Зачем нужна была осторожность, если советник был подначальным чиновником? Несомненно, «личное мнение» барона Эккардштейна принадлежало самому кайзеру, и, по всей вероятности, даже посол Гацфельд не был о нем осведомлен. В тот момент посол находился в Германии, и барон мог делать все, что он хотел, дабы осуществить великий план кайзера и возвыситься в его глазах.

В этот период Германия была зажата между непримиримой Францией на западе и ненасытной Россией на востоке. Чтобы

справиться с этим положением, князь Бисмарк образовал Тройственный союз с Австрией и Италией. Но так как на Италию нельзя было полностью положиться, Германия и Австрия, будучи подготовлены для войны с Россией, надеялись направить русскую экспансию на Дальний Восток и таким образом ослабить давление России на Европу. Если бы их план удался, Франция была бы полностью изолирована и Германия, наконец, могла бы свободно дышать. Следовательно, Германия была готова на многое, лишь бы удалось направить русскую экспансию на восток. Бисмарк давно хотел приступить к осуществлению этого плава, но, пока он был у власти, благоприятного момента не представлялось. Симоносекский договор дал Германии ту возможность, которой она ждала. России казалось, что расширение ее империи должно идти на восток. Но это направление, которому она неуклонно следовала со времен Петра Великого, было закрыто теми приобретениями, которые Япония получила по Симоносекскому договору. Таким образом, этот договор был как раз тем, в чем нуждалась Германия, чтобы отдалить Россию от европейских дел. Затем последовало тройственное вмешательство, вследствие которого Россия получила огромную добычу. Внезапно она стала хозяйкой на востоке. Она смогла построить не только магистраль от русской столицы по всей Сибири и через Манчжурию к Владивостоку, но она также получила право построить железную дорогу на юг от Харбина, который находился в манчжурской части этой магистрали, к незамерзающим портам Дайрену и Порт-Артуру. Немного спустя она получила эти порты в аренду. Но даже эти успехи не удовлетворили Германию. Очень хорошо, что огромный французский капитал направился на Дальний Восток, но до тех пор, пока русская военная сила окончательно не увязнет на Дальнем Востоке, Германия не будет считать, что ее план полностью удался. Чтобы это произошло, необходимо было найти на Дальнем Востоке силу, которая готова была бы сопротивляться русскому продвижению, а затем заставить эту силу сцепиться с Россией. Такой силой была Япония и только Япония. Затаившая злобу Япония была, таким образом, самым удобным и полезным орудием для Германии. Но Германия прекрасно понимала, что Япония была слишком благоразумна, чтобы дать посторонней державе спровоцировать себя на какой-нибудь опрометчивый шаг. Германия знала, что Япония будет действовать, если только ее обеспечат сильным союзом. Нет сомнения, что для этого союза кайзер втайне намечал Великобританию. Но чтобы склонить Великобританию отказаться от своей «блестящей изоляции» и связать себя с нацией другой расы, Германия должна была

выступить и изъявить желание самой войти в такой союз. Если бы Германия действительно вступила в союз, появилась бы опасность испугать Россию и задержать ее движение на восток. Таким образом, надо было начать дело, а потом из него выпутаться. Поэтому Германия начала разговоры, как будущий союзник, и стала способствовать англо-японским переговорам и т. д., а в подходящий момент попросила разрешения удалиться.

Незадолго до этого, когда Россия не решалась вмешаться в условия Симоносекского договора, Германия приняла участие во вмешательстве только. для того, чтобы заставить Россию действовать. Это ей в конце концов удалось сделать. Было очевидно, что теперь она применяла эту тактику для завлечения Японии и Великобритании в союз, уверяя их, что, как только они будут готовы, она охотно присоединится к ним.

Такое толкование немецкой политики может показаться неправдоподобным, однако совершенно очевидно, что при любом другом объяснении необычная деятельность барона Эккардштейна покажется бессмысленной. Конечно, в «Мемуарах» барона есть достаточно доказательств, которые могли бы опровергнуть доводы автора этих строк. Можно было бы ожидать, что доверенный кайзера, действовавший по его поручению, в то время когда хитрость стала известна, посрамленный уйдет в отставку. Припять этот фарс всерьез и поверить версии барона об англо-германо-японском соглашении означало бы показать свою полную несостоятельность. Немецкое общественное мнение, однако, не сомневалось в правдивости «Мемуаров». Когда в 1920 г. они впервые были опубликованы, редактор «Grosse Politik» счел нужным предупредить читателей, что не следует наивно верить всему, что говорил барон. «Мемуары» в значительной мере потеряли интерес после того, как через год или два господами Гуч и Темперлей была опубликована вторая книга «Британских официальных документов о возникновении войны». Но удивительно, что до издания этих материалов люди могли верить мемуарам барона. Во всяком случае, великий план Германии пустил почки, расцвел и принес плоды, в то время как другие страны не понимали или не обращали на него внимания.

Нужно признать, что с германской точки зрения план кайзера был чрезвычайно ловким. Но для его осуществления кайзеру нужны были кое-какие предварительные сведения. Если Великобритания не намеревалась заключить союз с Японией или если Япония не желала союза с Великобританией, даже при согласии последней, осуществление проекта было бы невозможно, и, предложив его, Германия только унизила бы себя. Было бы преждевременным затевать дело до тех пор, пока не

было установлено наличие этих предпосылок. Каким образом кайзер получил уверенность, что его предложения будут приняты благосклонно, уже рассказано в связи с англо-германским соглашением. Когда оказалось, что английские и японские ответы на его запросы соответствовали ожиданиям, кайзер считал, что он закончил предварительные операции. Он немедленно приступил к осуществлению своего плана и дал указание барону Эккардштейну в Лондоне начать действовать. Как мы уже рассказали, барон встретился с крупнейшими политическими деятелями Лондона и убедился, что ради борьбы против русской агрессии они были готовы отказаться даже от своей традиционной «блестящей изоляции» и объединиться с какой-нибудь третьей державой, имеющей одинаковые интересы. Через четыре месяца после присоединения Японии к англо-германскому соглашению барон встретился с японским посланником в Лондоне Хаяси. Учитывая, что выяснение настроений английских деятелей должно было занять некоторое время, надо полагать, что барон начал работать над планом осуществления англо-японского союза с самого момента присоединения Японии к англо-германскому соглашению. Увидев, что переговоры по поводу англо-японского союза зашли достаточно далеко и благородство не позволит ни одной, ни другой стране отступиться от союза, кайзер принял меры к тому, чтобы Германия прервала переговоры. Капризный кайзер не считал необходимым быть постоянным. Во время бурской войны он послал поздравление президенту Крюгеру и тем самым рассердил англичан, но через три года, желая загладить свою вину, он отказал господину Крюгеру в аудиенции, когда тот путешествовал по Европе. Теперь, во второй раз умышленно оскорбляя Англию, он сделал так, что для английского правительства было невозможно пригласить Германию присоединиться к англо-японскому союзу. Для этого он заставил своего канцлера провозгласить в рейхстаге необходимость более мощного немецкого флота и в осторожных выражениях осудить английское господство на морях. Английское правительство и народ были глубоко возмущены этим, и приглашение Германии присоединиться к союзу с Японией стало немыслимым.

Другими словами, Германия считала ослабление России необходимым условием своей гегемонии в Европе. Она могла это осуществить, увлекая Россию на Дальний Восток, где последняя столкнулась бы с Японией. Но без союзника Япония отказалась бы воевать. Самым подходящим союзником была Англия. Но для того чтобы заставить Англию оставить свою «блестящую изоляцию» и заключить союз с Японией, Германия сама должна

была проявить желание присоединиться к союзу. С другой стороны, если бы такой Тройственный союз был в самом деле заключен, Россия, по всей вероятности, стала бы действовать осторожнее, и тогда пришлось бы отказаться от надежд на русско-японский конфликт. Поэтому Германия должна была поощрять англо-японский союз путем мнимого соучастия в нем, а когда все было приготовлено для заключения союза, она должна была уклониться. Дипломатия кайзера имела полный успех. Конечно, Япония и Великобритания не были обмануты Германией. Они вели свою собственную политику, и план кайзера удался потому, что для обеих стран было выгодно воспользоваться им. Таким образом, хотя немецкая дипломатия была успешна, она в равной мере сыграла на руку английским и японским дипломатам. Возможно, Япония и Англия нуждались в третьей стороне, которая бы их свела, и, может быть, было лучше для них, что, после того как они сошлись, эта третья сторона покинула их. У Японии и Великобритании были общие интересы на востоке, и не было причины ожидать крупных препятствий в их переговорах о союзе. Но препятствия возникли совершенно неожиданно и со стороны, откуда их меньше всего ожидали.

4. Переговоры об англо-японском союзе и маркиз Ито

В середине августа 1901 г. маркиз Ито[66] отправился в путешествие по Европе и по Соединенным штатам, по пути намереваясь получить в Йельском университете ученую степень почетного доктора прав. Проведя около месяца в Америке, он в начале ноября поехал во Францию. Перед отъездом маркиза ив Японии премьер Кацура посетил его в Хаяма[67] и ознакомил с подробностями переговоров об англо-японском союзе. Так как маркиз будто бы дал свое принципиальное согласие на союз при условии, если последний может быть осуществлен, премьер, ободренный согласием Ито, решил продолжать переговоры. В это время маркиз Каору Иноуэ, который разделял беспокойство маркиза Ито по поводу отношений с Россией, убеждал Ито воспользоваться своим путешествием, чтобы остановиться в русской столице, откровенно переговорить с русскими деятелями и даже обсудить с ними возможность русско-японского соглашения. Маркиз Ито будто бы сообщил премьеру Кацура о совете маркиза Иноуэ, и премьер как будто против него не возражал. Из разговоров между премьером Кацурой и маркизом Ито можно вывести заключение, что последний смотрел на англо-японский союз, имея в виду традиционную английскую политику «блестящей изоляции», лишь как на очень отдаленную, почти не реальную возможность и поэтому был непрочь дать свое принципиальное согласие на то, что ему казалось неисполнимым. С другой стороны, он считал, что переговоры с Россией приведут к конкретным результатам. Премьер Кацура, напротив, мало надеялся на соглашение с Россией и хотел продолжать многообещающие переговоры с Великобританией. Тем не менее он, по-видимому, думал, что разговоры с Россией не могли причинить большого вреда. Даже если бы они оказались неудобными, японское правительство всегда могло отказаться от них, объявив их частным делом маркиза Иго. Можно предположить, что положение было следующее: маркиз Ито в душе считал, что, в то время как соглашение с Россией было осуществимо, сомнительный союз с Великобританией, которым так дорожил премьер, несомненно, должен был окончиться провалом. Поэтому Ито без колебаний дал свое принципиальное согласие на этот союз. Премьер Кацура, наоборот, считал, что все предыдущие переговоры с Россией были безрезультатными, поэтому и эти переговоры также окончатся ничем. Ввиду этого не

было необходимости препятствовать плану, задуманному Ито и Иноуэ, и премьер в принципе охотно согласился на обмен мнениями с Россией, несмотря на то что лично он надеялся на союз с Англией. Во всяком случае, ко времени приезда маркиза Ито в Париж переговоры между маркизом Лэнсдауном, английским министром иностранных дел, и японским посланником в Лондоне господином Хаяси прошли период неопределенности и намеков и зашли так далеко, что с английской стороны проект договора уже был официально представлен.

Следуя полученным указаниям, посланник Хаяси направился в Париж с английским предложением и показал его маркизу Ито. Тот был слегка удивлен, что переговоры о союзе, которые он только недавно одобрил, думая, что они «и к чему не приведут, продвинулись настолько, что английское правительство даже официально представило свой проект договора. В английском проекте было признано особое положение Японии в Корее, а также признаны интересы Великобритании и Японии в Китае. В этих пунктах нечего было критиковать, и так как он уже дал свое принципиальное согласие на союз, маркиз Ито не мог ничего возразить. С другой стороны, ранее, когда он сомневался в возможности союза, он попросил разрешения навестить столицу России и теперь получил радушное приглашение от русского правительства. Маркиз Ито не мог не смутиться, тем более что перед его отъездом из Японии премьер Кацура выразил надежду, что он заедет в Петербург и откровенно переговорит с русскими. Так как текст английского предложения не был окончательным и Ито теперь не мог отказаться от поездки в Петербург, он попросил задержать японский ответ на английское предложение, пока он не будет иметь возможности переговорить с русскими деятелями. Но, по понятным причинам, Япония не могла приостановить переговоры о союзе на несколько недель, тем более что в прошлом она все время торопила Англию. Кроме того, английский проект был официально представлен Японии после одобрения кабинетом и королем. Ухудшало положение еще то, что английское правительство очень подозрительно относилось к действиям маркиза Ито; ходили слухи, что он направится из Парижа прямо в Петербург, минуя Лондон. При таких обстоятельствах просьба маркиза сильно обеспокоила правительство в Токио.

Если маркиз Лэнсдаун и его помощник сэр Френсис Берти прямо не спросили посланника Хаяси о целях миссии маркиза Ито, они во всяком случае подозревали, что Япония сидела между двух стульев, между Великобританией и Россией, готовая

примкнуть к тому, кто больше даст. Положение премьера Кацуры было не из легких. После того как в Хаяма он выразил) надежду, что маркиз откровенно поговорит с русскими деятелями, ему было неудобно отказать просьбе маркиза о задержке переговоров с Великобританией. К счастью, тогда вернулся в Японию господин Комура и был назначен министром иностранных дел. Так как Комура прибыл в Японию после отъезда маркиза Ито, то он не был связан никакими обещаниями. Он послал телеграмму маркизу, прося его сократить срок пребывания в Петербурге и (это было сказано, чтобы улучшить его отношения с премьером) помочь в завершении переговоров с английским правительством, которые нельзя было откладывать. Он недвусмысленно добавил, что у английских деятелей были основательные подозрения. В то же время через посланника Хаяси господин Комура попросил маркиза, чтобы обмен мнениями с русскими политическими деятелями был устный и совершенно ни к чему не обязывающий. Затем правительству Великобритании были даны уверения, что миссия маркиза Ито в России носила неофициальный характер и не имела никакого политического значения. Перед лицом таких внушительных обстоятельств маркиз Иго ускорил свою поездку в Петербург на две недели и прибыл туда 25 ноября.

Неизвестно, знало ли русское правительство об англо-японских переговорах, которые продолжались уже в течение шести месяцев. Кайзер мог открыть, а мог в не открыть этот секрет царю. Также неизвестно, желали ли русские деятели только чествовать великого гостя из далекой страны или они надеялись помешать англо-японским переговорам и заключить русско-японское соглашение, касающееся Дальнего Востока. Во всяком случае, русские деятели, в том числе и сам царь, устроили более чем королевский прием маркизу Ито. Они говорили с ним о политических вопросах и заняли чрезвычайно благожелательную позицию. Они готовы были признать независимость Кореи и заявляли, что, кроме независимости этой страны, их единственным политическим интересом в отношении Кореи был свободный проход через Цусимский пролив. Они добавляли, что, если это условие будет принято, они без колебаний признают высшие политические и коммерческие интересы Японии в Корее.

Получив умоляющую телеграмму министра иностранных дел Комура, маркиз Ито сократил срок своего пребывания в Петербурге и приехал в Берлин; но необыкновенно дружественная и примирительная позиция России так его поразила, что больше чем когда-либо он стоял за соглашение с Россией. Из Берлина он телеграфировал в Токио содержание своих переговоров в Петербурге. Он указывал, что Россия всерьез желала какого-

нибудь соглашения с Японией, и таким образом представлялся необычайно благоприятный случай для Японии сблизиться с Россией, которая, помимо Японии, была единственной страной, заинтересованной в Корее. В то же время он напомнил правительству, что соглашение с Россией стало бы неосуществимым после заключения союза с Англией. Он также добавил, что было бы большой ошибкой исключить Германию из предполагаемого союза с Англией, потому что Германия была бы чрезвычайно недовольна этим. Он предлагал Японии и Англии совместными усилиями попытаться склонить Германию к союзу.

Кратко говоря, по мнению Ито, переговоры о союзе между Англией и Японией должны быть прерваны ради русско-японского соглашения. Таковы по крайней мере были его советы. Русско-японское соглашение было, по его мнению, после заключения англо-японского союза немыслимо, как был бы немыслим после соглашения с Россией англо-японский союз. Англию с Японией сблизила, главным образом, деятельность России на Дальнем Востоке. Поэтому теперь Япония могла сговориться с Россией, только бросив Англию, которая помогала ей. Очевидно, взгляды маркиза Ито, с тех пор как он выразил премьеру Кацура свое принципиальное согласие на англо-японский союз изменились. В то время в Японии была небольшая группа лиц, в том числе некоторые влиятельные фигуры, которые считали, что дальневосточные вопросы желательнее решать в согласии с Россией. В эту группу входили барон Кейроку Судзуки, который сопровождал маркиза во время путешествия, и его коллега маркиз Иноуэ. В самом деле, в течение этого спора было что-то похожее на активное сотрудничество между маркизом Ито, бывшим за границей, и маркизом Иноуэ, находившимся в Японии.

Напротив, министр иностранных дел Комура и многие другие считали Россию опасным и чрезвычайно докучливым соседом и мало верили ее обещаниям. Кроме того, они полагали, что возрастающая агрессивность России угрожала безопасности Японии. Экспансия России на восток продолжалась со времен Петра Великого. Порой она ослабевала, порой усиливалась, но никогда не прекращалась. Чтобы избежать столкновения с этой огромной силой, Япония заключила сначала договор Ямагата — Лобанов в 1896 г.[68], затем соглашение Ниси — Розен[69] и, наконец, соглашение Комура — Павлов[70]. Но Россия несерьезно относилась к своим) обещаниям и не только свободно хозяйничала в Китае, но даже грозила напасть на Корею. Какая же польза была в новом соглашении с такой страной? Какая была гарантия в том, что соглашение действительно будет подписано? Может быть, Россия лишь прикидывалась дружелюбной и

уступчивой для того, чтобы поссорить Англию с Японией, а потом, когда Япония, поссорившись с Англией, обратится к России, она сможет, несмотря на прежние обещания, предложить более тяжелые условия. В таком случае Япония, действительно, оказалась бы в незавидном положении. Ввиду печальных событий прошлого было чрезвычайно опасно верить слащавым словам России и получить временное облегчение. Гораздо разумнее было заключить союз или пойти на сближение с Великобританией, с которой у Японии были действительно общие интересы. Противники соглашения с Россией уверяли, что даже колебаться между этими двумя путями было абсурдно.

Таким образом, политическая мысль в Японии раскололась на две школы, из которых одна стояла за союз с Англией, а другая — за сотрудничество с Россией. Хотя маркиз Ито и маркиз Иноуэ были на прорусской стороне, но позиция Японии в отношении сближения с Россией ослаблялась тем, что поездка Ито в Петербург была предпринята неофициально, лишь в качестве старшего политического деятеля. Проанглийская партия, состоящая из менее влиятельных людей и учеников двух старших политических деятелей, имела на своей стороне то преимущество, что переговоры с английским правительством велись официально и были одобрены императором. Какая сторона должна была победить, прорусская или проанглийская? Будущность империи зависела от исхода этого спора. Итак, дипломатия империи колебалась, и путь ее должен был определить император Мейдзи. При решении вопросов, имевших большое государственное значение, в Японии было принято созывать совещания старших политических деятелей и министров, и, приняв решение, представлять его императору на одобрение. Но на этот раз имело место прямое столкновение старших политических деятелей с министрами, подобного которому никогда не было и не суждено было быть в будущем. Тогда Мудрейший император Мейдзи принял решение огромной важности. «Разве Ито, — сказал он, — уже не одобрил в принципе англо-японский союз? Теперь нет надобности откладывать этот союз». Этими словами императора был твердо намечен путь империи.

Как только дипломатия империи вышла из тупика, англо-японские переговоры о союзе быстро продвинулись вперед, и 30 января 1902 г. договор о союзе был подписан лордом Лэнсдауном, министром иностранных дел Великобритании, и господином Хаяси, японским посланником в Лондоне.

5. Первый англо-японский договор

а. Его провозглашение и позиция Германии

Сообщение о подписании англо-японского договора о союзе было сделано одновременно в законодательных собраниях в Лондоне и в Токио. Ввиду разницы во времени это сообщение было сделано в Токио утром 12 февраля, а в Лондоне — ночью 11 февраля. Кроме того, было решено до опубликования договора передать его содержание частным образом правительствам государств, имевших интересы на Дальнем Востоке. Что касается Германии, то ввиду ее активного участия предполагалось в надлежащий момент еще во время переговоров передать ей специальное приглашение присоединиться к союзу. Но враждебность к Германии, которая в это время появилась у английского народа, сделала невозможным подобный дружественный акт, а у Японии, со своей стороны, не было особых причин настаивать на присоединении Германии. Вследствие этого Англия и Япония отказались от намерения пригласить Германию присоединиться к союзу. Тем не менее было решено, что английский и японский министры иностранных дел перед Подписанием договора вызовут немецких дипломатических представителей, сообщат им о союзе и разъяснят текст договора. Довольно любопытен ответ германского правительства на сообщение японского правительства по этому поводу. В основном он сводится к следующему:

> «Германское правительство признает, что англо-японский союз является важным орудием укрепления и сохранения мира на Дальнем Востоке. Ввиду того что интересы Германии в Китае и Корее ограничены, она намеревается придерживаться там дружественного нейтралитета. Придерживаясь дружественного нейтралитета, Германия будет вынуждена, если, к сожалению, разразится война и Франция придет на помощь России, мобилизовать немецкую армию у французской границы, для того чтобы напугать Францию, которая тогда не сможет оказать достаточно эффективную поддержку России. Иными словами, Германия считает, что, придерживаясь нейтралитета, она лучше послужит делу всеобщего мира, нежели выступая с позитивной политикой».

В телеграммах из Берлина маркиз Ито выразил мнение, что, если Германия не будет приглашена присоединиться к англо-японскому союзу, она рассердится и, возможно, даже объединится с Россией. Но Германия не только не рассердилась, а даже сама обещала придерживаться дружественного нейтралитета. Таким образом, маркиз Ито дал совершенно неверную оценку немецкой политики. Политика «дружественного нейтралитета» со стороны императорской Германии была неясной политикой, практически она означала политику строгого нейтралитета. Во всяком случае, в ответе на сообщение о заключении англо-японского союза Германия косвенно защищала негативный путь, занятый ею по отношению к союзу, но вместе с тем назвала союз самым важным средством сохранения мира на Дальнем Востоке. Этим она выразила свою полную удовлетворенность исходом дела. Обязательство Германии мобилизовать, при исключительных обстоятельствах, войска вдоль французской границы, чтобы помешать Франции оказать помощь России, конечно, ничего не стоило, но это было откровенное, хотя и неуклюжее, предложение Японии воевать с Россией. Это обязательство полностью объясняет поведение Германии в течение всего этого времени. Она сама себя выдала.

Тезис автора этих строк о дипломатии кайзера покоится на подробных и неопровержимых данных. Считая англо-японский союз выгодным для Германии, кайзер решил, что Германия должна способствовать его осуществлению, сначала делая вид, что она желает присоединиться к нему, с тем чтобы в удобный момент уклониться от него.

б. Объяснение англо-японского союза

Во вступительной части первого договора об англо-японском союзе (1902) упоминается о сохранении независимости и территориальной целостности как Китайской империи, так и Корейской империи. Термины «Китайская империя» и «Корейская империя» вместо простых слов «Китай» и «Корея» были употреблены умышленно и указывали на намерения правительств Великобритании и Японии. В англо-германском соглашении от 16 октября 1900 г., к которому Япония впоследствии присоединилась, употреблялось лишь слово «Китай», а затем, когда Россия при помощи своих войск в Манчжурии угрожала присоединить к себе эту часть Китайской империи, немецкий канцлер князь Бюлов заявил в рейхстаге, что «слово Китай в

англо-германском соглашении относится к основной части Китая, в которую не входит Манчжурия, потому что влияние Германии на нее не распространяется». Совершенно ясно, что Германия сознательно извратила намерения соглашения, для того чтобы в своих интересах поощрить русскую экспансию на Дальнем Востоке. Так как новый договор о союзе опять можно было истолковать в интересах какой-либо стороны, к тому же возможность немецкого участия тогда еще не совсем отпала, то английское и японское правительства, чтобы не оставалось места для произвольных истолкований князя Бюлова и других, умышленно употребили термины «Китайская империя» и «Корейская империя».

Права и интересы, взаимно признанные в договоре о союзе, заключались для Японии в признании ее политических, коммерческих и промышленных интересов в Китае и особенно в Корее, а для Великобритании — просто в Китае. Таким образом, казалось, что произошло неравномерное распределение преимуществ, предусмотренных договором, причем Япония как будто получала большую долю. Для того чтобы исправить эту неравномерность, было предложено включить в условия договора защиту индийской границы. Но с самого начала переговоров оба правительства не имели в виду союз, который предусматривал бы защиту территорий их стран. Они имели опасения, что действия и политика других держав будут угрожать их правам и интересам в чужой стране, и поэтому они подписали договор с целью защиты совместными действиями этих прав и интересов. Если бы Япония и Англия желали договора, предусматривающего совместную защиту их территорий, они, несомненно, заключили бы союз совершенно другого типа и на Дальнем Востоке была бы установлена система, подобная европейскому Тройственному союзу. Но Япония и Англия долго колебались бы перед тем, как изменить свой первоначальный проект договора, в особенности пока было возможно участие в нем Германии. Как и следовало ожидать, мудрое правительство Великобритании знало, что оно делает, и между двумя правительствами не поднимался вопрос о защите Индии и о том, как распределить выгоды от союза.

6. Второй англо-японский договор

Второй англо-японский договор о союзе, который был подписан 12 августа 1905 г., составлялся при совершенно других обстоятельствах. Во-первых, с самого начала была исключена возможность участия Германии. Во-вторых, ввиду особого положения, которое Япония приобрела в результате русско-японской войны, в договоре было опущено не только всякое упоминание о независимости и территориальной целостности Кореи, но, больше того, в третьем параграфе Великобритания признала право Японии предпринимать в Корее такие меры для руководства, контроля и защиты, какие она будет считать подходящими и необходимыми, чтобы сохранять и развивать важнейшие политические, военные и экономические интересы, которые она имела в этой стране. Но по новому договору Япония получала такую огромную долю преимуществ, что для удовлетворения английского общественного мнения понадобилось нечто большее, чем просто защита английских интересов в Китае. Вследствие этого, чтобы более равномерно распределить преимущества договора, был добавлен параграф о защите границ Индии.

Первый англо-японский договор о союзе был заключен, когда деятельность России на Дальнем Востоке усиливалась и когда казалось, что только война могла разрешить противоречия между Японией и Россией. Действительно, тогда уже война была неминуема. По первому договору союзники обязывались предоставлять военную помощь на немецких условиях, т. е. договор предусматривал, что когда один из союзников вступит в войну с третьей державой, то другой союзник будет придерживаться нейтралитета; но если одна или несколько других держав придут на помощь третьей державе, то тогда второй союзник откажется от нейтралитета и придет на помощь своему союзнику. Второй договор о союзе был заключен, когда русско-японская война приближалась к концу, Россия была побеждена на суше и на море, а слава японского оружия все возрастала. К этому времени политика Германии стала более чем когда-либо авантюрной, и Англия, осознав опасность, решила объединиться с Францией, чтобы сохранить мир в Европе. При новом положении вещей Великобритания пожелала, чтобы во втором англо-японском союзе не было никаких немецких влияний. Она хотела, чтобы по условиям договора каждая из сторон пришла та помощь, как только другая вступит в войну не по своей воле, а защищая те территориальные права и

специальные интересы, которые были упомянуты во вступлении к договору. Соглашение по этому вопросу было без труда достигнуто, потому что Япония с самого начала одобряла подобную формулу. Быстрое принятие условия о защите индийской границы объясняется тем, что в договор было введено новое понятие о взаимной защите территориальных прав. В противовес первому договору о союзе, который не распространялся на защиту национальной территории и предусматривал лишь защиту прав и интересов в иностранном государстве, одной из основных задач второго договора была защита территориальных прав союзников на Дальнем Востоке и в Индии. Таким образом произошло коренное изменение целей союза.

7. Третий англо-японский договор

Третий англо-японский союз был заключен при обстоятельствах, совершенно отличных от обстоятельств, при которых были заключены первые два. В 1911 г., после предшествующих осложнений, началась новая эра в международной политике. Япония и Россия, которые несколько лет тому назад встретились на поле битвы, теперь, определив посредством первого (1907)[71] и второго (1910)[72] русско-японского соглашения сферы интересов в Манчжурии и Монголии, вступили в период полного взаимного понимания и начали жить на Дальнем Востоке, как добрые соседи. Франция и Япония также стали друзьями благодаря франко-японскому соглашению 1907 г. с приложенной к нему декларацией относительно Китая и Индо-Китая. Великобритания, со своей стороны приспособляя свою политику к условиям времени, еще более упрочила свою дружбу с Францией и достигла соглашения со своим традиционным врагом Россией. Таким образом, на Дальнем Востоке были в силе три пакта — англо-японский, русско-японский и франко-японский, не говоря уже о соглашении Рут — Такахира[73] между Японией и Соединенными штатами. В Европе также образовались союзы или сердечные согласия между Францией и Россией, между Великобританией и Францией и между Великобританией и Россией. Во время этих политических перестановок позиция Германии не изменилась, и Тройственный союз (вместе с Австрией и Италией) продолжал оставаться ее единственной опорой. Англо-германское соглашение 1900 г. относительно Китая, к которому впоследствии присоединилась Япония, утратило свою силу после неискреннего заявления Германии о том, что оно не распространяется на Манчжурию.

Даже в дни, когда еще не существовало союзов и соглашений, направленных против Германии, Бисмарка мучили кошмары о нашествиях союзных армий. Но теперь Германия действительно оказалась окруженной кольцом союзов и соглашений. В тревоге она беспрестанно увеличивала свои вооружения. Но с ростом военной силы к ней возвратилась бодрость духа. Нечего было бояться России, искалеченной своим поражением на Дальнем' Востоке, и дряхлой Англии, измученной трехлетней войной в далекой Южной Африке. Изолированная Франция также вряд ли была опасным врагом. В самом деле, Германия не видела на горизонте достойного противника. Итак, создавая армию, способную обуздать Францию и Россию на земле, и строя флот, который мог оспаривать первенство Великобритании на морях,

Германия решила добиться господства над миром. Осознав всю серьезность положения, Англия не приняла вызова Германии; вместо этого она сделала большое усилие сохранить мир и предложила Германии заключить морское соглашение. Но честолюбие увлекло Германию слишком далеко, и она отказалась принять английские предложения.

В то время как напряженное положение на Дальнем Востоке и надвигающееся столкновение России с Японией способствовали заключению первого англо-японского союза, третий англо-японский союз возник в момент, когда барометр показывал низкое давление в Европе и между Великобританией и Германией назревала война. При этих обстоятельствах Англия с ее широко разбросанными владениями, подверженными угрозе со стороны врагов, естественно, желала продолжения союза с Японией, которая теперь заняла господствующее положение на Дальнем Востоке. По этим же причинам Великобритания не могла не считаться с мнением Соединенных штатов. Из заокеанских доминионов Великобритании Канада — самый большой и самый важный. Общие границы Канады с Соединенными штатами простираются на три тысячи миль, и ее судьба целиком зависит от отношений между Великобританией и Соединенными штатами. Кроме того, Великобритания понимала, что при чрезвычайном положении в Европе ей придется обратиться к Соединенным штатам за товарами и за деньгами. Поэтому для Великобритании было делом первостепенной важности развивать дружбу с американским народом. В Америке уже было немало лиц, смотревших с недовольством на англо-японский союз. В то время в сношениях между Японией и Америкой образовались небольшие, но зловещие трещины. В передовых статьях многих американских газет и журналов часто говорилось, что американцам невыносима мысль о том, что в случае войны с Японией Соединенным штатам будет нанесен удар в спину своими же англосаксами. Подобное чувство разделялось многими англичанами. Основным спорным вопросом между Японией и Америкой был вопрос об иммиграции, в котором интересы Великобритании и Америки совпадали. В случае войны между Японией и Соединенными штатами в результате спора об иммиграции англичане, конечно, не могли бы не сочувствовать Соединенным штатам, которые воевали бы с Японией как за американское, так и за английское дело. По этой причине английское общественное мнение считало противоестественным, что им придется помогать Японии против Соединенных штатов. Английское правительство не могло игнорировать общественное мнение, и поэтому оно в конце концов вынуждено было

согласиться на предложение американского правительства о заключении генерального договора об арбитраже.

Английское правительство очутилось перед дилеммой. Прислушаться к общественному мнению и подписать договор об арбитраже с Соединенными штатами означало разрыв англо-японского союза, так как подобный договор был бы равен обязательству не воевать с Соединенными штатами. Но английское правительство не могло идти на расторжение союза и на ссору с таким могущественным союзником, как Япония, в то время когда отношения Великобритании с Германией становились все более напряженными. Обеспокоенное английское правительство находилось на перепутье, не зная, по какой дороге пойти. Возобновление союза рассердило бы Соединенные штаты и возбудило бы враждебность в американском народе. Пакт с Соединенными штатами привел бы к потере поддержки Японии. В этот тяжелый момент Комура, японский министр иностранных дел, проводил очень тонкую дипломатию.

В течение многих лет англо-японский союз был основой японской дипломатии. Договоры с другими странами, такие, как, например, русско-японское и франко-японское соглашения, были лишь второстепенными мероприятиями. Непосредственные цели союза — укрепление территориальных прав и специальных интересов обеих стран на Дальнем Востоке и в Индии — были осуществлены еще в период второго союза. Теперь эти интересы и права не были в опасности, не угрожала опасность и в ближайшем будущем. Поэтому с точки зрения Японии этот союз не был абсолютно необходимым. Тем не менее, как многие несущественные вещи в жизни, этот союз имел свои преимущества и удобства; именно таким было отношение Японии к третьему союзу с Англией. Союз не только принес пользу участникам, но и способствовал стабилизации положения во всем мире. Английское правительство продолжало в значительной мере полагаться на него. А Япония со своей стороны придерживалась мнения, что этот союз даже как украшение дает полезный для всеобщего мира психологический эффект. Министр Комура понимал, перед какой дилеммой находился английский министр иностранных дел сэр Эдуард Грей, вынужденный выбирать между американской и японской дружбой; поэтому он предложил, что «в случае, если одна из союзных стран заключит договор об арбитраже с третьей державой, она будет освобождена от обязанности воевать с этой державой». Английское правительство приняло с восторгом и облегчением предложение Комура, предложение, отличающееся тонкостью и осторожностью. Теперь можно было сохранить союз с Японией и дружбу с

Америкой. Сэр Эдуард Грей в своей недавно изданной работе «Двадцать пять лет» высоко оценил внимательную и либеральную дипломатию Японии и специально отметил случай, когда Япония нашла для Великобритании выход из затруднения с Соединенными штатами. Третий англо-японский договор о союзе при вышеупомянутых обстоятельствах был подписан 13 июля 1911 г.

Когда в 1917 г. автор был с особой миссией в Соединенных штатах, он прочитал в Нью-Йорке лекцию о международном положении во время заключения третьего англо-японского союза. В этой лекции он подчеркнул тот факт, что, если бы Япония до пускала возможность войны с Соединенными штатами, она не предложила бы сама исключить Соединенные штаты из-под действия англо-японского союза. Это указание было хорошо принято осведомленными кругами Америки. Впоследствии автор часто с удовлетворением замечал в газетах и журналах речи и статьи американских друзей, в которых они ссылались на нью-йоркскую лекцию и отмечали искреннее дружелюбие Японии по отношению к Америке.

Рассматривая англо-японский союз, как украшение, министр иностранных дел Комура убил двух зайцев сразу. С одной стороны, он завоевал благодарность английских деятелей, а с другой — положил основу для дружественного отношения к Японии со стороны американцев. Но в конце концов этот мастерской маневр мог быть осуществим только потому, что в то время японская дипломатия получила возможность относиться к англо-японскому союзу лишь как к украшению.

8. Конец англо-японского союза

Немыслимо, чтобы господин Ллойд Джордж, премьер-министр, лорд Керзон, министр иностранных дел, и другие руководители английского правительства в 1921 г., когда истекал срок третьего англо-японского договора, не знали о деликатных обстоятельствах, при которых этот договор был заключен. Исходя из политических нужд момента, они смотрели на союз как на помеху, и, в конце концов сославшись на одну из статей Тихоокеанского договора четырех держав[74], не возобновили его. Пользуясь языком изречений Конфуция, можно сказать, что британское правительство похоронило англо-японский союз в волнах Тихого океана. Нужно думать, что, если бы британской внешней политикой руководил такой человек, как сэр Эдуард Грей, столь неблагородный поступок никогда не был бы совершен.

Здесь уместно сказать несколько слов относительно распространенного мнения, будто Япония от всего сердца жаждала этого союза и была горько разочарована, когда британское правительство бросило ей в лицо свидетельство о разводе. Это утверждение лишено всяких оснований. Япония к этому времени уже считала, что союз выполнил свою миссию. Союз сослужил добрую службу в течение трех лет (1902–1905), затем шесть лет (1905–1911) числился в резерве первой очереди и в конце концов закончил свое существование, состоя в резерве второй очереди. К этому времени японские деятели рассматривали его как отживший и бесполезный. Когда был заключен третий союз, Япония уже знала его подлинную цену, но в свете развивающихся мировых событий считала, что сохранение его, хотя бы в качестве украшения, принесет некоторую пользу и во всяком случае не причинит вреда. Поэтому, желая помочь Англии найти выход из дилеммы, она даже согласилась исключить Соединенные штаты из сферы его применения. Когда теперь Англия пожелала прекращения союза, Япония не могла возражать против этого. Глупо и ошибочно предполагать, что Япония все еще дорожила союзом и была разгневана, когда Англия бесцеремонно аннулировала его. Больше того, это показывает недостаточное понимание японской дипломатии. Японский народ не имел непоколебимой привязанности к союзу, но, ему больно было видеть, что со знаменитым, хотя и несерьезным орудием, немало послужившим делу всеобщего мира, обращаются, как с парой старых сандалий. Он предпочел бы, чтобы с союзом обращались более рыцарским образом.

Нет нужды заявлять, что продолжение дружбы с Англией либо в форме союза, либо без него является установленной политикой Японии. Отношение Великобритании к третьему союзу было совсем иным и куда менее ясным, чем) отношение к нему Японии. Когда третий союз был заключен, англо-германские отношения дошли почти до разрыва, и Европа превратилась в вооруженный лагерь. Имея большие владения на Востоке — Австралию, Индию, Сингапур и Гонконг, — Англия остро нуждалась в японской дружбе. Сколь велика была эта нужда, можно судить по замешательству английского правительства, когда ему предстояло сделать выбор между японской и американской дружбой. Спустя три года после заключения третьего союза разразилась мировая война, и Англия извлекла бесчисленные выгоды из рыцарского поведения Японии. Из трех союзов именно третий принес Англии наибольшую конкретную пользу. Третий союз был для нее настоящим благом. Японский народ был действительно недоволен тем, как Англия обошлась с этим благом.

Глава четвёртая
Русско-японский мир и сахалинский вопрос

1. Господство русских милитаристов

Со времени успехов русской дипломатии в период тройственного вмешательства, в России возрастало влияние военной клики. Руководитель гражданских элементов в русском правительстве граф Витте, бывший в то время также министром финансов, из чисто экономических интересов хотел построить Китайско-Восточную железную дорогу и получить в аренду Квантунский полуостров. В этом его поддерживали и милитаристы, потому что они замышляли захват Манчжурии и Кореи. В этот период с внешней стороны в русской дипломатии не было заметно никаких неполадок, но на самом деле разрыв между военными и гражданскими элементами все увеличивался. Калейдоскопические перемены, происходившие на Дальнем Востоке, все время усиливали в России позицию милитаристов. Гражданская партия делала попытки бороться с их возрастающим влиянием, но безуспешно. Когда вопросы представлялись на заключение колеблющемуся царю, он не мог прийти к какому-либо решению. Сегодня он слушал советы гражданских элементов и как будто склонялся к умеренной политике, а завтра он поддавался уговорам военных и занимал позицию, настолько беспринципную и произвольную, что другие державы могли только удивляться.

Общеизвестным правилом является, что при столкновении военных с гражданскими группировками первые всегда одерживают верх. В России также борьба между этими двумя группами окончилась победой милитаристов, которые скоро отодвинули министра финансов, графа Витте, министра иностранных дел, графа Ламздорфа, и других деятелей гражданской партии на задний план. Боксерское восстание в Китае неожиданно дало возможность военным послать большую армию в Манчжурию. Опять начала бушевать наследственная страсть России двигаться на Восток. Такой международный инструмент сохранения принципа открытых дверей в Китае и целостности его территории, как англо-германское соглашение, был упразднен. Заявление князя Бюлова в рейхстаге о том, что «Манчжурия не является частью Китая, потому что влияние Германии на нее не распространяется», было лишь подливанием масла в огонь русского милитаризма, вернее, подливанием масла и раздуванием огня. Когда пришло время ликвидировать военные экспедиции, посланные в провинцию Чжили в связи с боксерским восстанием, русская гражданская партия на основании приказа, полученного от царя, обещала Китаю, а затем и всему миру, что

русские войска будут сначала отозваны из Северного Китая в Манчжурию, а затем все русские войска в три очереди будут отведены обратно в Россию. Но благодушный Николай опять перешел на сторону милитаристов, и в результате эвакуация Манчжурии была отложена на неопределенный срок. В то время только что был подписан англо-японский союз, но русские милитаристы, опьяненные желанием завоеваний на Востоке, не обращали на него никакого внимания и продолжали идти по своему безумному пути. Кроме того, авантюрист по имени Безобразов получил доступ к императорскому двору и при содействии милитаристов предложил царю план, чреватый опасностями. Он предложил создать на реке Ялу лесную компанию, в которой сам царь стал бы акционером. Таким образом, можно было наблюдать, как отряды казаков стали служить целям наживы и завоеваний. Нельзя было предсказать, чем кончится деятельность этого общества солдат и авантюристов. Скоро казаки стали пересекать реку Ялу[75] и появлялись в корейской провинции Хейан. Казалось, что все плоды победы Японии над Китаем не только в Манчжурии, но и в Корее будут потеряны. Казалось, что престиж Японии должен был пасть чрезвычайно низко.

2. Переговоры, разрыв сношений и начало войны с Россией

Переговоры между Японией и Россией в 1903 г. начались при зловещих предзнаменованиях. До тех пор Япония проявляла такую сдержанность перед лицом надвигающейся общенациональной опасности, что она вызывала удивление даже иностранных держав. Со времени тройственного вмешательства японская дипломатия стала более проницательной, и теперь, когда Великобритания протянула ей руку, Япония с радостью ухватилась за нее. Тогда был создан англо-японский союз. Германия была в восторге от своей работы. Франция была сильно обеспокоена этим новым обстоятельством, потому что ей ничего не оставалось, как продолжать свою нездоровую связь с Россией. Вероятно, в ответ на англо-японский союз Франция и Россия вскоре подписали новый пакт и объявили о нем.

К этому времени тяга России к восточноазиатским завоеваниям была беспредельна. Она считала Японию недостойной ее внимания, а Англия, по ее мнению, была обессилена южноафриканской войной. Казалось, что англо-японский союз не стоил бумаги, на которой он был написан. Только серьезная операция могла излечить Россию от милитаризма. Итак, когда начались переговоры, Россия занимала угрожающую и дерзкую позицию. Она не желала терпеть вмешательства никакой другой державы, кроме Китая, в решении манчжурского вопроса, так как это была территория, «завоеванная силой русского оружия». Господин Комура, министр иностранных дел Японии, напомнил русским представителям об истинном положении дел в Манчжурии, но никто не слушал его мягко сказанных слов. По мнению русских милитаристов, если русско-японские переговоры могли иметь место, то они должны происходить где-нибудь южнее реки Ялу. Это означало, что севернее реки Дайдо[76] японское влияние вообще не признавалось. В то же время русские делали фантастические предложения о взятии ими в аренду Масанпо[77] и совершенно ясно показали, что они не искали справедливого разрешения всех вопросов, а лишь пытались путем затягивания переговоров выиграть время для усиления своей армии и своего флота. Таким образом, они хотели поставить Японию в безвыходное положение.

Здесь не будут пересказываться подробности переговоров с Россией, так как они были опубликованы в начале войны и теперь общеизвестны. Война ненасытного милитаризма против сил

справедливости и цивилизации продолжалась недолго. Потеря Порт-Артура, разгром под Мукденом и, уничтожение балтийского флота в Цусимском проливе были тремя стадиями поражения России, которые привели к Портсмутскому миру. Портсмутская конференция, продолжавшаяся только один; месяц, изменила политическую географию на Дальнем Востоке. Россия, некогда пугавшая Бисмарка, та Россия, которая встревожила мир направлением движения своего огромного населения и своей энергии на Дальний Восток, больше не существовала. Она уходила из Корей, она оставляла свои укрепления и железные дороги в Северном Китае и Южной Манчжурии. Казалось, что Россия, наконец, рассталась со своей мечтой о незамерзающем порте и излечилась от желания двигаться, на Восток. Но она дорого заплатила за свое лечение.

Теперь мы можем понять, почему Германия так ликовала, когда узнала о заключении англо-японского союза. Ее план удался почти полностью. Надо было возбудить желание России к экспансии на Восток; Японию надо было воодушевить на борьбу с Россией; Япония в союзе с Великобританией решилась бы на войну; война, которая за этим должна была последовать, велась бы долго и с переменным успехом, и ни одна из сторон не добилась бы решительной победы. Кроме кратковременности войны и решительной победы Японии, все произошло, как было задумано. Могучий сосед Германии, из-за которого князь Бисмарк провел так много бессонных ночей, теперь превратился по силе в третьестепенную европейскую державу. Франция была полностью изолирована. У кайзера были все основания быть довольным своей политической деятельностью. Если бы он был мудр и благоразумен, может быть династия Гогенцоллернов и сейчас спокойно правила бы страной, и Германия была бы первой в мире державой. Но потерявший от удач голову кайзер потрясал бронированным кулаком, бряцал своей саблей, двинулся в Средиземное море, нарушил спокойствие его вод у Марокко и, посеяв тревогу, навлек на себя враждебность других держав. Он не только нажил себе врагов в Европе, но и своей бессмысленной пропагандой о желтой опасности обозлил Японию. Говорят, будто при различных европейских дворах он показывал картину, в которой изображалась Япония в виде второго Чингисхана, разрушающего белую цивилизацию. Семена злобы, которые он посеял в Европе и на Востоке, принесли плоды, и когда разразилась мировая война, по всему свету поднялись враги Германии, разрушили его империю и погубили династию.

3. Портсмутская конференция

а. Уступка Сахалина и вопрос о возмещении убытков

Жаркий август 1905 г. является достопамятным временем в дипломатической истории Японии. Русско-японская война окончилась. Япония одержала полную победу на суше и на море, и внимание всего мира было сосредоточено на мирной конференции в Портсмуте.

Барон Комура был полномочным представителем от министерства иностранных дел, его сопровождали господин Денисон, советник министерства, господин Ямаза, глава политического бюро, и несколько других выдающихся чиновников министерства. В Токио премьер Кацура взял по совместительству портфель министра иностранных дел с господином Чинда в качестве вице-министра. Автор этих строк был оставлен при министерстве иностранных дел и исполнял обязанности одновременно и главы коммерческого бюро и главы шифровального бюро. Вдали от величественной драмы, которая разыгрывалась на конференции, он днем и ночью был поглощен своими увлекательными обязанностями. Работа была так интересна и так важна, что жаркие летние дни проходили незаметно.

На конференции Япония представила двенадцать требований, восемь из которых Россия приняла без возражений. Они касались Кореи и Манчжурии. Россия уже примирилась с новым положением в этих странах, создавшимся в результате побед Японии. Из остальных четырех требований одно касалось русских военно-морских сил на Дальнем Востоке, а другое предусматривало сдачу русских военных кораблей, которые нашли убежище в нейтральных портах после Цусимской битвы. Эти два требования были довольно эластичны, и обе стороны предполагали, что относительно них будет сравнительно нетрудно сговориться. Однако все ожидали, что оставшиеся два требования причинят много хлопот; от них зависели успех или неудача конференции. Первое из них — уступка острова Сахалина, а второе — возмещение убытков. Япония справедливо могла требовать Сахалин, так как он уже был оккупирован японскими войсками. Кроме того, ее права подкреплялись традицией, которая давно связывала этот остров с Японией. Япония требовала 1200 миллионов иен контрибуции, несмотря на то что война ей стоила 2 миллиарда иен. Япония сократила свои

требования, приняв во внимание расстроенные финансы России. Россия категорически отказалась принять эти два требования. Она не желала уступить ни одного дюйма территории и отказывалась платить хоть один цент контрибуции. Ее упорство грозило сорвать конференцию.

Тогда американский президент Теодор Рузвельт, который понимал серьезность положения и который принимал дело всеобщего мира близко к сердцу, сделал все возможное, чтобы спасти конференцию. Он посоветовал Японии сократить требуемую ею сумму и просил Россию исполнить свой долг перед человечеством: принять японские условия и восстановить мир. Япония была готова послушаться совета американского президента, но Россия продолжала упорствовать, и новый кризис был неминуем. Чувствуя, по-видимому, что намеки и абстрактные увещания были бесполезны, президент снова дал совет и на этот раз выразился резко и твердо. Он убеждал Японию отказаться от своего требования относительно возмещения убытков. С Россией он обошелся еще более круто. В телеграмме к царю господин Рузвельт заявил, что продолжение войны может привести к потере всей русской территории восточнее озера Байкал.

Телеграмма президента царю была послана приблизительно 21 августа. Упрямство России в то время было почти истерическим. Японское же правительство не имело никакого представления о том, каков будет ответ России на совет президента. Конференция снова грозила зайти в тупик. В конце концов в Токио была получена телеграмма о том, что последнее заседание мирной конференции должно произойти 28 августа. Министры и старшие политические деятели заседали день и ночь, обсуждая положение. Наконец, на заседании в присутствии императора они решили отказаться от требований уступки Сахалина и возмещения убытков, если было невозможно добиться мира другим путем. Это решение было немедленно передано японским делегатам в Портсмуте.

В России ничего не знали об окончательном решении японского правительства. Второе обращение американского президента было сделано в тот момент, когда среди русских политических деятелей происходили горячие споры о том, продолжать ли войну или нет. Телеграмма президента была послана 21 августа, и царь получил ее на следующий день. Согласно инструкциям президента, господин Майер, американский посол в Петербурге, попросил у царя аудиенцию, для того чтобы лично разъяснить послание президента. Во время аудиенции, которая произошла в четыре часа дня 23-го, господин Майер передал царю замечания, которые ему было велено

сделать по поводу телеграммы, и пытался склонить его к точке зрения президента. Рассказывают, что во время этого свидания царь упорствовал в своем отказе пойти на какие-либо уступки; вдруг мимоходом, как бы про себя, он заметил, что можно было бы рассмотреть возможность передачи южной части Сахалина Японии ввиду исторических обстоятельств, связанных с этим островом.

б. Мнение царя становится известным

Подробности свидания американского посла с царем стали известны автору случайно. 27 августа он посетил своего друга в одной из иностранных миссий в Токио, чтобы с ним обсудить положение, и во время разговора узнал о том, что произошло во время царской аудиенции. Считая, что такие чрезвычайно важные сведения накануне последнего заседания мирной конференции были не чем иным, как божьим промыслом, автор поспешно покинул своего друга и отправился искать премьера Кацура. Только что закончилось заседание кабинета министров, и премьер завтракал со своими коллегами. Будучи извещен о том, что автор желает повидать его по крайне важному делу, премьер принял его в отдельной комнате. Автор рассказал о разговоре, который имел место 23 августа в Зимнем дворце в русской столице между царем и американским послом. Счастливым обстоятельством в этот критический момент была также разница во времени в четырнадцать часов между Токио и Портсмутом. Это давало достаточно времени для посылки указаний делегатам о том, чтобы они настояли на отсрочке последнего заседания на один день. Автор сказал премьеру, что единственно правильным было бы послать делегатам одну за другой две телеграммы, первую — с инструкцией добиться однодневной отсрочки, а вторую — с отменой ранее посланных указаний относительно Сахалина и с полномочием предъявить требование на южную часть этого острова. С радостью на лице премьер осторожно спросил: «Вы совершенно уверены, что вы слышали правду?» На это автор ответил: «Ваше превосходительство, можете быть совершенно спокойны на этот счет». Решив немедленно последовать советам автора, премьер вернулся к своим коллегам в столовую. Автор поспешил в министерство иностранных дел, где повторил свой рассказ вице-министру Чинда, и немедленно послал делегатам новые инструкции.

После того как в Портсмуте была получена первая

телеграмма, последнее заседание конференции было отложено на одни сутки, до 29 августа. В этот день, следуя инструкциям, которые содержались во второй телеграмме, японские делегаты сделали следующее заявление: «Императорское правительство решило в знак своего миролюбия отказаться от требований на весь Сахалин и делает последнюю уступку, удовлетворяясь южной половиной острова». После недолгого обсуждения нового японского предложения русские делегаты согласились отдать Японии территорию Сахалина южнее пятидесятой параллели северной широты, т. е. южную половину острова. Так мирная конференция, которая была так близка к провалу, окончилась неожиданным соглашением.

в. Беспорядки по поводу условий мира

Жизнь окружает полная неизвестность, или, как говорил Фридрих Великий, жизнь — это движение человека ощупью в темноте, без проблеска света. Иногда люди осторожно идут по безопасным и надежным мостам; а временами они беспечно плывут там, где следовало быть осторожными, и разбиваются о подводные камни. Если бы мы могли смотреть на драму жизни с отдаленного и высокого наблюдательного пункта, мы, несомненно, забавлялись бы, глядя на неуверенные и ошибочные движения актеров. Русско-японская война подтверждает это. Побежденная на суше и на море Россия в глубине души считала, что против Японии, управляемой мудрым монархом, населенной миллионами бесподобных патриотов и морально поддерживаемой симпатиями Англии и Америки, невозможно было устоять. А Япония думала, что она больше не могла продолжать борьбу против России, против этой огромной массы, недоступной для ударов и снова поднимавшейся после частых и крупных поражений. Дальнейшие операции против России теперь казались напрасным трудом. Японские запасы военных материалов приходили к концу. Ее финансы были в тяжелом положении. Даже руководители ее армии в Манчжурии боялись, что если она слишком увлечется, то может быть разгромлена и потеряет все преимущества, полученные в результате дорого стоивших побед. Обе воюющие стороны чрезвычайно сильно преувеличивали свои действительные силы и средства, и каждая из них была очень плохо осведомлена о положении другой. Никакой шпионаж и никакая разведка не могли бросить свет на действительное положение вещей.

В отличие от слепого, который не боится ползающих змей, ибо он их не видит, политические деятели, ответственные за судьбы всей страны, не могут долго чувствовать себя хорошо в потемках. Темнота приводит к беспокойству, а беспокойство приводит к страху. Хороший капитан останавливает свой корабль во время густого тумана, а хороший полководец задерживает свою армию, когда он не знает расположения сил противника. Эта обоюдная боязнь и заставляет воюющие страны искать мира. Но как только наступает мир, начинается, несмотря на прежние опасения и беспокойства, реакция. Недовольство возрастает среди масс, чьи преувеличенные надежды не сбылись. Со временем это недовольство направляется против правительства. Пока ведется война, правительство бывает вынуждено для укрепления морального состояния народа распространять среди населения и среди армии ложные и необоснованные надежды, но, когда восстанавливается мир, приходится разочаровывать их и приводить в трезвое состояние. Бунты, которые происходят так часто вслед за заключением мирных договоров, являются результатом необходимости приспособления умов населения к реальному положению вещей. Беспорядки по поводу условий мира имели место во всех странах. Но интеллигентный народ быстро осознает настоящее положение дел и прекращает волнения. Волнения, происшедшие в Японии после Симоносекского и Портсмутского договоров, были результатом только что описанных психологических процессов. В обоих случаях народное возбуждение утихло в сравнительно короткий срок, так как оно не имело широкой поддержки. Это доказывает здравомыслие японского народа.

г. Критика мирного договора

Как только мир между Россией и Японией был восстановлен, началась критика условий мирного договора. Уверяли, что Портсмутский мир был заключен преждевременно и что японская армия должна была дойти до озера Байкал или по крайней мере занять Харбин. Этот взгляд, однако, был основан на ошибочном представлении о положении дел. Это ясно уже по одному тому, что генерал Кодама, начальник штаба манчжурской армии, был самым ярым во всей империи защитником мира. Генерал был раздражен медленным ходом мирных переговоров в Портсмуте и несколько раз увещевал делегатов поторопиться. Среди членов кабинета морской министр, адмирал граф Гомпей Ямамото,

ревностнее всех выступал за мир. Военному министру было неловко стоять за мир, когда главный театр военных действий был на суше, но адмирал Ямамото занимал после Цусимской битвы более удобную позицию в вопросе о мире. Как истинный политический деятель он взял на себя неприятную обязанность перед лицом разгневанного и неосведомленного общественного мнения добиваться мира. Смелость и патриотизм адмирала в этом деле вызывают у автора величайшее восхищение, хотя нужно признать, что адмирал чересчур ревностно выступал за мир. Впоследствии премьер Капура рассказал автору, что, когда он сообщил кабинету секрет о возможности получения южной части Сахалина, адмирал Ямамото встревожился и воскликнул: «Исии все портит. А что, если его сведения неправильны. Мы потеряем возможность заключить мир, и никакое харакири мелкого чиновника нам не вернет эту возможность». Адмирал продолжал выражать беспокойство, пока премьер не уверил его, что на полученные сведения можно полагаться. Говорят, что, узнав о приобретении южной половины Сахалина и о заключении мира, он был безгранично рад. Это, конечно, рассеивает всякие сомнения относительно его патриотизма.

Горячие головы критиковали действия японских делегатов в Портсмуте. Но были также и пессимисты, которые боялись, что в случае разрыва мирных переговоров сила и численность русских войск под командованием генерала Линевича будут расти, японская армия не сможет больше им сопротивляться, и Япония вынуждена будет уйти из Манчжурии. Многие английские и американские друзья Японии разделяли эту тревогу. В свете исторических событий со времен Портсмутской конференции нельзя наверняка сказать, что опасения пессимистов были обоснованы. Конечно, все имеют право строить предположения о том, что случилось бы, если бы война продолжалась еще два, три года или больше, но нет достаточных оснований утверждать, что в конце концов счастье повернулось бы против Японии. Правда, японские солдаты измучились, но их моральное состояние все еще было хорошим. В случае наступления Линевича они могли бы его остановить. Но кроме военной стороны вопроса, надо учитывать, что в то время в России начались революционные волнения. Если бы война продолжалась еще несколько месяцев, эти волнения могли бы разрастись и, уничтожив империю Романовых, привести к власти человека вроде Керенского или вроде Ленина. Конечно, Япония могла бы очутиться в отчаянном финансовом положении. Может быть, потеряв всех солдат действительной службы, она вынуждена была бы призвать пожилых резервистов, и тогда города и деревни наполнились бы

вдовами и сиротами. При таких обстоятельствах, даже если бы Япония смогла добиться мира, подобного Брест-Литовскому, она не смогла бы получить ни копейки контрибуции от России, разоренной революцией. Она оказалась бы в еще более тяжелом финансовом положении, чем Франция и Бельгия после мировой войны. Другими словами, могло бы создаться положение, сходное с положением кайзеровской Германии. В общем и целом можно сказать, что случилось бы следующее: Япония и Россия погибли бы вместе. Тяжело и думать о таком трагическом конце.

д. Замечания о роли президента Рузвельта

Теперь вернемся к рассказу о том, как был заключен мир. Надо полагать, что Майер, американский посол в Петербурге, немедленно сообщил президенту Рузвельту о фразе, как бы случайно брошенной царем), относительно возможности уступки южной части Сахалина. Принимая во внимание пятичасовую разницу во времени между Петербургом и Вашингтоном, надо предполагать, что телеграмма Майера, по-видимому, дошла до президента поздно ночью 23-го или рано утром 24 августа. Господин Рузвельт не дал ни одному слову из этого сообщения просочиться на японскую сторону. Он продолжал советовать Японии отказаться от требования возместить убытки. Его доводы были убедительными. Япония уже добилась основной цели в войне, ибо Россия согласилась на японские требования в отношении Манчжурии и Кореи. Если Япония будет дальше продолжать войну, тогда весь мир увидит, что она делает это и в корыстных целей; она тогда опровергнет свои неоднократные заявления о том, что она воюет в интересах всеобщего мира. Американцы, симпатизирующие Японии, будут вынуждены пересмотреть свое отношение к ней. Подобными рассуждениями Рузвельт пытался убедить японских делегатов изменить их условия мира. Если объективно рассмотреть эти доводы, то станет ясно, что они не совсем последовательны. Если можно сказать, что Япония хочет продолжить войну ради корыстных целей, то же можно сказать и о России, что она намеревается воевать, чтобы не платить контрибуции. Таким образом, Россия не меньше Японии была бы виновата в кровопролитии ради денег. Во всяком случае, не одна Япония будет ответственна за продолжение войны. В лучшем случае эти доводы бьют мимо цели.

Важно, чтобы в Японии поняли действительную позицию

президента Рузвельта. Рузвельт взял на себя труд добиться мира исключительно в интересах горячо любимой им Японии. Его целью было как можно скорее восстановить мир и прекратить бессмысленное кровопролитие. Если бы он сообщил Японии о готовности царя, высказанной последним американскому послу Майеру, отдать южную часть острова Сахалина, он, несомненно, завоевал бы вечную благодарность Японии. Однако такой поступок с его стороны не способствовал бы скорому установлению мира. Если человеку дают палец, он может пожелать оторвать всю руку. Если бы Япония узнала об уступке царя, ей, возможно, вздумалось бы потребовать еще большего, чем царь готов был отдать: таким образом, мир мог бы быть сорван. По мнению автора, президент правильно поступил, что не сообщил японским делегатам известный ему драгоценный секрет.

Автор считает, что президент Рузвельт поступил также правильно, посоветовав Японии отказаться от контрибуции, Симпатии президента были на стороне Японии, и именно поэтому он был глубоко, даже излишне заботлив, в отношении интересов Японии. Ввиду решительных побед в Манчжурии и в Цусимском проливе Япония, несомненно, имела право на контрибуцию. С другой стороны, Япония имела дело со страной, которая за всю свою историю никогда не платила контрибуций после войны. Даже Великобритания, Франция и Италия не смогли получить от нее ни одной копейки после Крымской войны. Таким образом, настойчивое требование денежного вознаграждения со стороны Японии означало бы неминуемый провал мирных переговоров. Видимо, Рузвельт понял это в самом начале переговоров и поэтому, с одной стороны, настаивал на том, чтобы царь отдал Сахалин, а с другой — советовал Японии отказаться от контрибуции. Тот факт, что Рузвельт утаил от Японии сведения относительно склонности царя уступить Южный Сахалин и что он посоветовал Японии отказаться от своих денежных требований, не дает никакого основания сомневаться в честности и справедливости его поступков, которые руководились исключительно желанием восстановить мир. Автор уверен, что поведение Рузвельта во время мирных переговоров было безупречно.

4. История Сахалина

Когда-то Сахалин был неизвестным краем, в котором жили такие народы, как гиляки, орочены, айну и т. д. Из них самым старым и самым многочисленным был народ айну. Связь этого народа с внешним миром, по-видимому, ограничивалась сношениями с Хоккайдо и с северными провинциями Японии, о чем уже шла речь в первой главе этой книги. Хотя Китай обычно считал всю территорию восточнее озера Байкал частью своих владений, нет указаний на то, что он посылал на Сахалин когда-либо хоть одного чиновника или держал там какой-нибудь гарнизон. Следовательно, остров представлял собой местность, населенную ни от кого не зависящим населением.

Когда русские исследователи, следовавшие по реке Амуру к Тихому океану, достигли устья реки, они увидели перед собой в океане остров Сахалин. Этим путешественникам устье реки Амура представлялось выходом для всего Сибирского края. А остров Сахалин, который отделен от материка узким проливом, казался им естественным прикрытием для реки. Наслушавшись советов этих путешественников, русское правительство в 1850 г. установило аванпост в Николаевске и приступило к исследованию острова Сахалина. Через три года разразилась Крымская война, и Великобритания отправила в Японское море военный корабль для операций против важного русского административного центра Сибири — Владивостока[78]. Русская канонерка, находящаяся во Владивостоке, проведала о приближении английского военного корабля и бежала по направлению к Мамийскому проливу[79]. Капитан английского корабля не подозревал, что можно было пройти через этот пролив в Охотское море. Он думал, что Сахалин представляет собой полуостров и, значит, продолжение материка. Он считал, что русская канонерка была в его руках. Когда он, наконец, понял, что это был в самом деле пролив, его противник был уже в камчатских водах под защитой душек Петропавловска. Этот эпизод отмечен в истории морских войн и показывает, насколько несовершенны были карты того времени. Во всяком случае, Россия опередила все другие страны, за исключением Японии, в создании империи в этой части мира.

Однако Япония появилась на Сахалине значительно раньше России. Япония имела сношения с островом в глубокой древности, когда существовала связь между северояпонскими племенами и айну и когда народ сучен был покорен японским полководцем. В 1792–1793 гг. японский путешественник Токунай

Мотами исследовал восточное и западное побережье Сахалина и в одном месте установил каменный памятник с надписью: «Это — японская земля». Позже, в 1807–1808 гг. Риндзо Мамия проник в глубь областей, не исследованных Мотами, перебрался на западное побережье острова, осмотрел его северную оконечность и, установив, что он отделен от континента, переплыл через пролив и поднялся на некоторое расстояние вверх по реке Амуру. После этого путешествия сёгунат Токугавы (правительство военного регента) велел феодалам Мацумаэ и Цугару установить сообщение с Иедзо (Хоккайдо) и с Сахалином. Только через полвека после этого Россия всерьез занялась вопросом о присоединении южной половины Сахалина, хотя некоторые утверждают, будто группа Резанова, посланная в 1804 г. русским правительством в Нагасаки, имела целью приобрести Сахалин. Можно сомневаться в точности этого утверждения. Если бы русское правительство тогда в самом деле намеревалось сделать такое приобретение, его представители в Нагасаки, очевидно, открыто и без колебаний поставили бы этот вопрос. Более вероятно, что план России был задуман и выполнен только через полстолетия после этого, во время Крымской войны. Во всяком случае, можно не считаться с прежней номинальной властью Китая и признать, что Япония была пионером на Сахалине.

Переговоры Японии с Россией относительно Сахалина восходят к 1850 г., когда нерешительная политика Японии на Сахалине столкнулась с энергичными планами России. В 1853 г. Россия послала адмирала Путятина в Японию для того, чтобы определить общую границу на Сахалине. Сёгунат Токугавы направил Масанори Касай и Сеймо Кавадзи в Нагасаки, чтобы они встретились с Путятиным и предложили ему установить границу с востока на запад по пятидесятой параллели голландской карты. Русский представитель категорически отказался принять это предложение, и переговоры окончились безрезультатно. В следующем году адмирал Путятин вернулся в Японию с тем же поручением, но сёгун не отступил ни на шаг, и так как Россия также не была склонна к уступкам, то было заключено соглашение, по которому Сахалин должен был находиться под совместным правлением России и Японии. В 1859 г. Россия послала в Японию Муравьева. Он был так же упорен, как и адмирал Путятин, и переговоры скоро кончились неудачей. В 1861 г. японское правительство послало в Петербург для переговоров с русским канцлером Горчаковым посольство, состоящее из лорда Такеути Симоно-Ками в качестве главного делегата, лорда Мацудайра, секретаря по иностранным делам правительства Токугава, в качестве его помощника и Тэитаро

Сибата, главы отдела в министерстве иностранных дел. Японские представители опять настаивали на том, чтобы граница проходила по пятидесятой параллели северной широты, но русское правительство предлагало линию на 200 миль южнее, и переговоры снова были безрезультатны. После восстановления в Японии императорской власти в 1868 г. граф Т. Сойесима, японский министр иностранных дел, вновь начал переговоры по этому поводу с русским посланником в Токио, но опять Японии не удалось добиться у России уступок. Наконец, в 1875 г. в результате переговоров, проведенных по настоянию японского правительства Буйо Эномото, японским посланником в Петербурге, весь Сахалин перешел в руки России в обмен на признание Россией японского владычества над Курильским архипелагом.

В дальнейшем колесо фортуны повернулось, и 29 августа 1905 г. пятидесятая параллель северной широты, которую еще со времен миссии Путятина, пятьдесят четыре года тому назад, Япония предлагала считать границей на Сахалине, была при неожиданных обстоятельствах в далеком Портсмуте действительно объявлена границей. Намек царя во время свидания с Майером, американским послом в Петербурге, на историческое прошлое Сахалина, несомненно, относился к претензиям Японии на эту часть острова.

Глава пятая
Японская дипломатия во время Мировой войны

1. Дипломатия до начала войны

Деятельность японской дипломатии началась в Симода[80], затем передвинулась в иностранные кварталы открытых портов и, наконец, перешла в область общего пересмотра договоров. Этот период истории дипломатии Японии продолжался каких-нибудь тридцать лет и кончился, когда Япония, по Симоносекскому договору, готовилась пожинать плоды своих побед над Китаем. В этот момент с неба свалилось трехстороннее вмешательство, и Япония впервые вышла на арену мировой дипломатии. Действия трех держав разгневали японское правительство и японский народ. Но перед лицом национальной опасности они благоразумно сдержали свои чувства и снесли унижение. Потом началась международная погоня за концессиями в Китае, в которую в конце концов была втянута и Япония, так как она не могла оставаться пассивным зрителем всего происходившего. Общность интересов Англии и Японии в Китае в этот период привела, как известно, к союзу между ними, а несколько позже старинная, все время увеличивавшаяся вражда между Россией и Японией разразилась отчаянной войной, в которой Япония выигрывала на суше и на море одну битву за другой, пока мир не был восстановлен Портсмутским договором. Разгромив одну ив самых могущественных стран мира, Япония стала одной из восьми великих держав, и внешняя политика прогрессирующей молодой страны стала тогда важным фактором в международных отношениях. С самого начала эта политика стремилась сохранить мир повсюду на Дальнем Востоке. На первом месте стояла необходимость покончить со странной и мрачной драмой в Корее.

В предыдущих главах говорилось о том, что с самых ранних времен Корея была источником тревоги и несчастий для Японии. Принимая во внимание все обстоятельства, Япония никоим образом не могла примириться со status quo в Корее. Хотя с Россией у нее были восстановлены мирные отношения, она не имела другого выхода, как подчинить Корею своей власти, чтобы гарантировать свою безопасность на случай стремления к реваншу со стороны России. Короче говоря, мир на Дальнем Востоке не мог быть обеспечен без присоединения Кореи. Поэтому слияние Кореи с Японией было в надлежащий момент осуществлено, и таким образом сделано многое для создания устойчивого положения на Дальнем Востоке. Если бы это событие произошло до японо-китайской войны, Япония, по-видимому, была бы удовлетворена положением дел и не добивалась бы новых гарантий спокойствия в сфере своих интересов. Но набеги

западных держав на Китай после Симоносекского договора и многочисленные признаки готовившегося раздела этой страны заставили Японию искать других средств для сохранения на Дальнем Востоке мира, которому угрожала агрессивная политика этих держав. Пока целостность всего Китая не была гарантирована, единственной защитой берегов Японии от нападения европейских держав была узкая полоска воды, отделяющая ее от Китая. Таким образом, в целях самозащиты для Японии было необходимо начать движение за гарантии, путем взаимных соглашений, территориальной целостности ее соседа Китая.

Борьба против раздела Китая западными державами была составной частью мирной политики Японии на Дальнем Востоке, поэтому она без промедления приняла предложение американского правительства, сделанное различным заинтересованным государствам, относительно признания принципа открытых дверей и равных возможностей в Китае, а также его независимости и территориальной целостности. Призвание этих же принципов было включено в договор о союзе между Японией и Великобританией. Затем последовало так называемое соглашение Рут— Такахира с Соединенными штатами, которое, в сущности, было декларацией полной солидарности с этими принципами. Подобное соглашение было заключено с Францией (франко-японское соглашение 10 июня 1907 г.), и вскоре после этого, когда дружественные отношения были восстановлены с Россией, было и с ней подписано соглашение, по которому обе стороны обязались уважать территориальную Целостность Китая. Таким образом, Япония поочередно заключила е Великобританией, Соединенными штатами, Францией и Россией соглашения, поддерживающие принципы открытых дверей, равных возможностей в Китае и территориальной его целостности. С Германией, по понятным причинам, не удалось заключить договор подобного характера. Не так давно Германия подписала с Великобританией соглашение, касающееся Китая, — к которому присоединилась и Япония, а затем нагло и произвольно, к неудовольствию Англии и Японии, заявила, что Манчжурия находится вне пределов Китая. Если она могла заявить, что Манчжурия не является частью Китая только потому, что на Манчжурию не распространялось влияние Германии, то какая была гарантия того, что то же самое не будет сказано о Синьцзяне, Ганьсу, Шэньси, Сычуани, Юньнани и Гуйчжоу? Какой был смысл начинать новые переговоры о территориальной целостности Китая с такой страной? Кроме того, были и другие причины, по которым Япония решила не

обращаться к Германии по этому вопросу.

Со времен Бисмарка политика Германии была направлена на то, чтобы всеми возможными путями направить экспансию России на Дальний Восток, чтобы господство в Европе осталось целиком в немецких руках. В царствование Вильгельма II эта политика еще более активизировалась. Не приходится доказывать, что тройственное вмешательство и оккупация залива Киао-Чао имели основной целью вызвать стремление России к расширению империи на Дальнем Востоке, столкнуть ее с Японией и тем добиться истощения сил обеих сторон. Германский план направления внимания России на Восток и ее ослабления был основан на предположении, что Япония будет с оружием в руках сопротивляться русскому наступлению. В своих расчетах Германия учла возможность того, что Япония, испугавшись силы России и широты ее замыслов, откажется воевать; тогда Россия вернется на европейскую арену с еще большей силой, чем прежде. Чтобы свести эту возможность до минимума, было необходимо создать положение, при котором Япония набралась бы храбрости выступить против неприятеля, имеющего подавляющий перевес. В главе, касающейся англо-японского союза, было рассказано, как Германия, воспользовавшись общностью интересов Великобритании и Японии на Дальнем Востоке, способствовала заключению между этими двумя странами союза, который укрепил положение Японии. Дипломатия кайзера была во всех отношениях удачна; англо-японский союз был осуществлен, Япония воевала с Россией, и Россия была значительно ослаблена в военном отношении. Считая условия благоприятными, Германия начала смело осуществлять свои заветные мечты. Англия правильно оценила серьезность положения. Сотрудничая с Японией на Дальнем Востоке, заключив новое соглашение с Францией и сблизившись с Россией, она приготовилась к сопротивлению господству Германии.

Таково было международное положение, когда Япония, заинтересованная в сохранении территориальной целостности Китая, заключила соглашения, касающиеся территориального положения ее соседа, сначала с Англией, а потом с Соединенными штатами, Францией и Россией. Но с Германией не было никакого смысла подписывать подобного рода соглашение. Росла вражда между Великобританией, Францией и Россией, с одной стороны, и Германией — с другой. Япония уже достигла соглашения с каждой из первых трех держав и, если бы она затем попыталась договориться с Германией, не только ничего не достигла бы, но навлекла бы на себя подозрения в двурушничестве. Даже если бы после заключения англо-японского

союза или до начала русско-японской войны Япония предложила Германии подписать соглашение, она получила бы под каким-нибудь предлогом отказ. Вполне возможно, что после окончания русско-японской войны отношение Германии было бы иное, — к тому времени Россия заключила мир и достигла соглашения с Японией, и можно предполагать, что Германия, чувствуя себя одинокой, приветствовала бы японское предложение. Во всяком случае, создавшаяся международная обстановка не позволяла Японии сделать Германии предложение, подобное тому, которое она сделала Англии, Франции и другим странам. Надо помнить еще, что Япония почти не существовала в глазах кайзера. Адмирал фон Тирпиц в своей книге, написанной сразу после войны, говоря о недостатках немецкой дипломатии, заметил, что Германия никогда не посылала первоклассных дипломатов в Японию. Что касается кайзера, то с его стороны это было не оплошностью, а результатом полного равнодушия по отношению к Японии. Дипломатические успехи кайзера на Дальнем Востоке — он втравил Россию в авантюру, которая привела ее к полному разгрому на суше и на море, — возбудили его тщеславие, и он начал воображать, что может делать все, что ему угодно. Теперь, когда Россия не представляла существенной силы, кайзер принялся тревожить изолированную Францию. Он раздул мароккский вопрос, потребовал отставки французского министра иностранных дел Делькассе и, наконец, заставил Францию передать Германии половину Французского Конго. Затем, обрадованный успехами, он стал открыто оспаривать господство на море у самого могущественного соперника Германии — Великобритании. Таким образом, до тех пор пока Великобритания стояла между силой Германии, Австрии и Италии, с одной стороны, и силой Франции и России, с другой, мир в Европе был более или менее обеспечен. Но когда Россия была искалечена, а вследствие этого Франция оказалась одинокой и беспомощной, одна Великобритания мешала осуществлению стремлений Германии. Сломив мощь Англии, Германия господствовала бы во всем мире. Эта мечта овладела безумным воображением кайзера, и, когда он всерьез стал пытаться ее осуществить, надежды на мир в Европе рухнули и быстро стала надвигаться катастрофа.

Сараевская трагедия[81], была искрой, попавшей в европейский пороховой погреб, и через два месяца разразилась величайшая в истории воина. Быстрота развития событий в тот критический период была потрясающей. Автор в то время представлял свою страну в Париже, и 30 июля 1914 г. он телеграфировал в Токио: «Общеевропейская война неминуема».

Он впоследствии узнал, что ответственные лица в Токио приняли его сообщение с недоверием. Спор между Австрией и Сербией быстро перерос в конфликт между Австрией и Россией, а Германия не замедлила послать ультиматум России и Франции. Не приходится удивляться недоумению японского министерства иностранных дел.

Спор о виновниках великой войны продолжается до сей поры. Возможно, у историков, которые ищут причин войны в более отдаленном прошлом, будет свое мнение; что касается автора, то у него нет сомнений в большом значении событий, непосредственно предшествовавших войне. Однако разбор такого запутанного вопроса не так интересен, как рассмотрение позиции Японии в отношении этого совершенно неожиданного конфликта в Европе.

В течение одной короткой недели, к изумлению Европы и Америки, императорское правительство избрало путь, по которому оно намерено было следовать во время этого непредвиденного кризиса. Правда, Великобритания в три дня приняла решение объявить войну, но ведь это решение было сделано после двухнедельных переговоров и попыток предотвратить войну. Кроме того, этот вопрос непосредственно касался самых жизненных интересов Великобритании, и она, несомненно, рассмотрела и взвесила все возможности подобной войны. И тем не менее молниеносное решение Англии не входило в расчеты Германии. Решение же японского правительства было не менее быстро, и мероприятия, которые оно провело, не только соответствовали требованиям данного момента, но были рассчитаны и на будущее. За выгоды, которые Япония получила вследствие ее смелого решения во время этого кризиса, японский народ должен быть благодарен мудрости великого императора Тайсе и решительности министров и старших политических деятелей того времени.

Решение Японии связать свою судьбу с союзниками было обусловлено тремя основными причинами. Во-первых, она хотела присоединиться к стороне, которую общественное мнение всего мира отождествляло со справедливостью и свободой, противостоявшими происках милитаристов. Во-вторых, принципы англо-японского союза обязывали ее прийти на помощь Великобритании. В-третьих, японский народ теперь имел возможность свести старые счеты с Германией и отплатить ей за унижение во время тройственного вмешательства, а также прогнать Германию из ее базы в Шаньдуне. Эти три причины соответствовали национальному кодексу чести, японский народ единодушно стоял за эту справедливую войну. Правда, некоторые

военные и члены тайного совета выражали сочувствие Германии, но такие лица были сравнительно немногочисленны. Во всех странах по всем вопросам всегда бывает небольшое меньшинство инакомыслящих. Несмотря на наличие такого меньшинства в Японии, заявление Японии о том, что объявление войны Германии представляло в то время единодушную волю народа, звучало вполне правдиво.

2. Дипломатия по отношению к Китаю

a. Территориальная целостность Китая и политика открытых дверей

Предложение, сделанное китайскому правительству Юань Шикая графом Такаакира Като, министром иностранных дел в кабинете Окума, приступить к переговорам является выдающимся событием в деятельности японской дипломатии в начале мировой воины. Пожалуй, никакой другой вопрос не давал повода к столь многочисленным недоразумениям. Многие лица, незнакомые с фактами и обстоятельствами переговоров, обвиняли Японию в том, что она заставила Китай принять несправедливые требования. Даже в политических кругах Японии были люди, чьи взгляды совпадали со взглядами иностранных критиков и чьи суждения принесли стране немало вреда. Но если мы тщательно рассмотрим раскритикованные двадцать одно требование[82], нам станет ясно, что в поведения японского правительства нет ничего, достойного порицания. Оставляя на время в стороне метод переговоров, надо сказать, требования сами по себе были справедливы и умеренны, и, несомненно, Япония имела полное право их выдвинуть.

Анализируя политику различных держав в Китае, мы найдем, что каждая из них по меньшей мере одобрила предложения Америки: 1) о территориальной целостности Китая и 2) о принципе открытых дверей и равных возможностей. Но на самом деле различные державы действовали в Китае совершенно по-разному. В то время как Россия безразлично относилась к политике открытых дверей и равных возможностей, она смотрела на Манчжурию, как на лакомый кусок, и пункт о территориальной целостности Китая был для нее неприемлем. Германия, которая в то время понимала русскую психологию и в политику которой входило поощрение русского империализма на Дальнем Востоке, заявила, что хотя она, конечно, уважает территориальную целостность Китая, тем не менее она не считает Манчжурию частью Китая. Американский государственный секретарь Хей, вначале выступивший за все вышеизложенные принципы, на самом деле больше заботился о сохранении открытых дверей и равных возможностей, чем о территориальной целостности Китая. Великобритания, так же как и Соединенные штаты, придавала большое значение своим коммерческим и промышленным интересам, но в то же время, понимая, что

экспансия России на восток и на юг угрожала Индии, проявляла достаточную заботу о территориальной целостности Китая. Ввиду того что торговля с Китаем является основой торговой и промышленной структуры Японии, не приходится говорить, что сохранение открытых дверей и равных возможностей представляет для нее вопрос первостепенной важности. Однако и территориальная целостность Китая имеет для Японии жизненный интерес. Она так же необходима для нее, как колеса для оси, и для ее сохранения Япония без колебаний поставила на карту свое национальное существование. Таким образом, в отношении двух главных принципов политики в Китае различные державы показали различную степень заинтересованности, и каждый раз, когда в Китае возникал серьезный вопрос, это расхождение выявлялось весьма многообразно.

б. Возвращение Трех Восточных провинций и Шаньдуна как поступок, несравненный по своему великодушию

У Японии были особые интересы в Китае, и поэтому нет ничего удивительного в том, что она придавала такое большое значение территориальной целостности Китая. Было время, когда, по примеру других держав, она заявляла, что не допустит передачи провинции Фуцзянь[83] в руки иностранной державы, и рассматривала эту провинцию как сферу своего влияния. Однако в те дни Япония не обладала достаточной силой, чтобы приостановить агрессивность других стран, и ее шаг был лишь вынужденной мерой самосохранения. Но истинные интересы Японии несовместимы с наличием сфер влияния или с какими-либо покушениями других держав на суверенные права Китая. В ее интересах может быть лишь полная независимость Китая.

Когда Россия, пренебрегая правами Китая и интересами Японии в Трех провинциях, попыталась их аннексировать, Япония в целях самозащиты, а также для того, чтобы сохранить территориальную целостность Китая, обнажила меч и поставила на карту свое национальное существование. В поступке Японии не было ничего эгоистичного и агрессивного. Поэтому, когда она достигла своей цели в русско-японской войне, она возвратила Три провинции Китаю и таким образом восстановила его территориальную целостность. Она действовала подобным же образом после войны с Германией. Когда Германия была вытеснена из своей базы в Шаньдуне, японская дипломатия начала переговоры с Китаем, имея в виду передачу ему

Шаньдуна. Таксе великодушие, как возвращение Шаньдуна и Манчжурии, не имеет себе равного в истории. Нелегко отдавать без всяких условий военную добычу, которая была завоевана с риском национальной катастрофы и которая стоила сто тысяч человеческих жизней и миллиарды иен. Отсутствие в истории других примеров подобного рода доказывает, как тяжело и необычно было такое благородство. Как ни легко в международных отношениях забываются благородные поступки, соседи Японии, китайцы, не могут, как бы они того ни хотели, забыть ее несравненную мудрость. Вместо того чтобы быть благодарными за то, что державы согласились уважать территориальную целостность их родины, китайцы благодаря своей врожденной заносчивости отнеслись к этому с глубокой неприязнью. Несколько европейских государств, желая, чтобы их территориальная целостность была обеспечена договорами между великими державами, бросилось выпрашивать такие договоры. Швейцария, Бельгия и Люксембург преуспели в этом и получили договоры о гарантиях. Дания и Швеция, потерпев неудачу, всячески старались через Лигу наций добиться договоров, гарантирующих их безопасность. Статья X устава Лиги наций гласит, что подписавшие его государства соглашаются уважать территориальную целостность и политическую независимость всех государств, членов Лиги, и охранять их против иностранной агрессии. Но даже это заверение недостаточно успокоило некоторые страны, жалующиеся на то, что слово «охранять» слишком неопределенно. Они хотели бы заменить его более решительным выражением. В отношении Китая Япония не только предложила другим странам заключить соглашения об уважении его территориальной целостности, но, когда все мирные средства были исчерпаны, ценой величайших жертв, силой оружия принудила их признать эту целостность. Не будет преувеличением сказать, что своей политической независимостью и территориальной целостностью Китай обязан Японии. Китай дважды терпел неудачу, защищая свою землю, и каждый раз японское оружие возвращало ему потерянную территорию. Только приняв во внимание этот основной факт, можно правильно оценить истинный смысл переговоров между Китаем и Японией. Это особенно верно в отношении японо-китайских переговоров во время мировой войны, которые касались, главны образом, возвращения Шаньдуна Китаю. Нет нужды оспаривать заявление китайцев, что Шаньдун должен был автоматически быть возвращен Китаю, ввиду того что Китай выступил на стороне союзников и объявил войну Германии. Однако, если Германия смогла завладеть Шаньдуном посредством клочка бумаги, го

Китай, как известно, не мог вернуть провинцию с такой же легкостью. Нет! Китай мог напрячь все свои силы, и все же их одних не хватило бы для возвращения Шаньдуна. Китай не смог освободить Манчжурию из объятий русского медведя; немыслимо также было, что бы без посторонней помощи он смог вырвать Шаньдун из когтей германского орла.

При рассмотрении японо-китайских переговоров 1915 г. нельзя забывать, что Китай вернул себе Три Восточные провинции и Шаньдун и благодаря самопожертвованию Японии наслаждается теперь независимостью и территориальной целостностью. Только тогда будет понят характер противоречащих друг другу прав в Китае.

Никто из людей, которые называют требования Японии запугиванием и притеснением, не потрудился рассмотреть этот вопрос с японской точки зрения. Разве огромное большинство не расценивало эти требования лишь как средство вымогать у Китая выгоды и прибыль?

Япония предъявила Китаю следующие основные требования:

«1. В отношении провинции Шаньдун:

а) обязаться не уступать и не сдавать в аренду никакому другому государству какую-либо часть Шаньдуна и близлежащих островов;

б) разрешить Японии построить железную дорогу, соединяющую железную дорогу Цзинань — Циндао с Чифу или Лункоу;

в) дать добровольно разрешение на проезд и проживание иностранцев в главных городах провинции.

2. В отношении Южной Манчжурии и Восточной Внутренней Монголии:

а) продолжить на 99 лет договор об аренде Порт-Артура и Дайрена, и на тот же срок концессий Южно-манчжурской и Андунь-Мукденской железных дорог;

б) разрешить японским гражданам арендовать или покупать земли в Южной Манчжурии, необходимые для сельскохозяйственных предприятий, а также для коммерческих и промышленных построек;

в) позволить японским гражданам проживать, путешествовать и заниматься торговлей, промышленностью и т. д. в Южной Манчжурии;

г) разрешить японским гражданам заниматься хозяйственной и связанной с ней деятельностью наравне с китайцами;

д) обязаться перед принятием иностранных займов,

необходимых для строительства железных дорог или обеспечиваемых доходами от налогов, советоваться с Японией;

е) увеличить количество открытых коммерческих портов.

3. В отношении металлургических заводов в Ханьепине (близ Ханькоу):

а) признать заводы, после их реорганизации с помощью японского капитала, совместными японо-китайскими предприятиями;

б) и обещать, что необходимые для заводов капиталы будут взяты только из Японии.

4. В отношении приморских областей Китая обязаться не уступать никакой их части иностранным державам.

5. В отношении других вопросов (это были скорее пожелания, чем требования Японии):

а) в будущем приглашать в качестве иностранных советников только японцев;

б) разрешить японским гражданам арендовать или покупать во внутренних районах Китая землю, необходимую для школ и больниц;

в) в будущем посылать в Японию офицеров китайской армии для непосредственных переговоров с руководителями японской армии относительно покупок военного снаряжения и создания в Китае военных арсеналов на средства Китая и Японии;

г) в отношении концессий, которые другие страны имели на строительство железных дорог, в тех случаях, когда будет ясно, что со стороны третьих держав не последует возражений, концессии должны быть переданы Японии. До начала переговоров между японским правительством и правительством той страны, которую китайское правительство считает заинтересованной, эти концессии не должны быть переданы какой-либо другой иностранной державе.

6. В отношении провинции Фуцзянь заключить официальное соглашение, по которому другим державам не будет разрешено на побережье провинции строить доки, угольные базы, морские базы и всякие другие портовые строения; а также обязаться не занимать деньги у третьих держав для постройки подобных сооружений самим китайским правительством».

Основная часть предложений Японии состояла из этих пунктов, а при включении их в японо-китайский договор они были значительно изменены. Разве можно в этих предложениях найти хоть что-нибудь, что оправдывало бы обвинения в империализме и милитаризме, которые иностранцы выдвигают против Японии? Больше всего внимание привлекли, конечно, требования о продлении договора об аренде Порт-Артура и Дайрена и концессий на Южно-манчжурскую и Андунь-Мукденскую дорогу. Каким образом Япония овладела этими концессиями, уже было описано и не требует повторения, но требование о продлении срока концессий было вызвано во всяком случае не империализмом и не милитаризмом.

Сроки аренды Дайрена и Порт-Артура, от которых так непосредственно зависел мир на Дальнем Востоке, а также сроки железнодорожных концессий должны были истечь в ближайшем будущем[84]. На Дальнем Востоке не было никаких признаков улучшения обстановки, наоборот, с распространением мировой войны в Азию она становилась все серьезнее. Особенно тревожной казалась усилившаяся деятельность немецких секретных агентов. Будучи ответственной за сохранение мира на всем Дальнем Востоке, Япония не имела права в такое время выпустить из своих рук орудия сохранения мира. Таким образом, принимая во внимание существующее положение, Япония пошла по реальному пути: она хотела добиться легализации сохранения своих владений в Манчжурии. Что плохого было в подобных действиях?

Даже если бы Япония раньше не. вернула Китаю Трех Восточных провинций, разве факт безвозмездной передачи Шаньдуна недостаточен для того, чтобы требовать что-нибудь взамен? Анализируя переговоры 1915 г. с Китаем, автор всем сердцем одобряет справедливые действия японского правительства. Однако если его спросят, правилен ли был метод ведения переговоров, то он будет вынужден заявить, что метод был несомненно неправильный. Он не может считать правильной процедуру, при которой, связывая надежды на будущие отношения между двумя странами с требованиями, основанными на справедливых правах, японское правительство дало повод к непредвиденным подозрениям со стороны иностранных держав. Но автор критикует лишь метод действия; он считает несправедливым осуждение японских требований самих по себе только потому, что они были неуклюже предъявлены. Во всем мире плохо осведомленные лица смешивают суть требований с методом их предъявления и в результате их осуждают. Такое отношение можно простить иностранным критикам, но особенно прискорбно, что некоторые общественные деятели в Японии

заняли подобную же позицию. Противники правительства, не пытаясь отделить цели требований от того, как они были предъявлены, огульно осуждали эти требования. Их нежелание провести черту между национальной и партийной политикой нельзя не назвать непатриотическим поступком. Теперь нечего плакать над разлитым молоком, но в будущем надо постараться отделять внешнеполитические вопросы от внутренних задач. Автор надеется, что японские политические деятели, как в самом правительстве, так и в рядах оппозиции, в будущем будут более осмотрительны в этом отношении.

в. Династический план Юань Шикая

Было поистине комично, когда на старости лет Юань Шикай попытался установить императорский режим и стать императором, Выступая в таком фарсе, Юань показал, что, несмотря на свою мудрость и дальновидность, у него была китайская душа, склонная к театральности. В последние дни династии Цинь (Манчжу), когда в центральных и южных областях Китая послышался гул восстания, Юань, притворяясь больным, удалился в свое поместье в Хэнани. Однако, когда Ли Юань-хун поднял знамя восстания в районе Учан — Ханькоу, а в Нанкине было уже создано республиканское правительство, Юань поспешил вернуться на политическую сцену и занять место президента новой республики. Опередив других вождей революции, Юань показал, что Сунь Ятсен и другие люди новой школы в отношении личных способностей и энергии далеко отстали от этого китайского героя старого типа. До тех пор пока династические мечты не обуяли его, поведение Юаня было безукоризненным. Были бы Юань был благоразумен и посвятил себя сохранению мира, он, несомненно, остался бы президентом республики до конца своих дней. Но он решился на другое. Он избрал династическую карьеру и попытался управлять в качестве владыки огромными китайскими провинциями. Прибегнув к древним китайским махинациям, он разослал агентов во все концы страны, чтобы они собирали петиции, требовавшие восстановления императорской власти и восхождения Юаня на престол. Смерть щадила его до тех пор, пока он не показал свое истинное лицо.

При нормальных условиях для Японии и для других держав было бы все равно, считается ли Китай империей или республикой и является ли его главное должностное лицо

императором или президентом. Но в тот момент обстановка была напряженная и чреватая опасностями. Пока в Европе бушевала война, представители Германии и Австрии продолжали оставаться в Пекине, распространяя ложные слухи, ссоря друзей и вообще сея раздоры. Этим они хотели не только приковать к Дальнему Востоку японский флот и армию, но еще и заставить Англию послать туда часть своих морских сил. Юань избрал этот момент, чтобы попытаться достигнуть своих целей. Китайские республиканцы, смотревшие с тревогой на попытки Юаня лишить их республики, с таким трудом завоеванной, воспользовались его монархическими планами, для того чтобы создать свою собственную армию. Одним словом, монархический план Юаня сулил серьезные беспорядки в стране. Этими беспорядками могли бы воспользоваться германские и австрийские агенты в их интригах против Японии и союзников; они могли бы помешать ведению войны на европейском фронте.

Таким образом, императорские планы Юаня не были исключительно внутриполитическим вопросом. Они имели непосредственную связь с международным положением. Автор получил портфель министра иностранных дел в японском правительстве в октябре 1915 г., когда монархическое движение Юаня было в самом разгаре. По фактам, о которых он узнал по пути в Японию от японцев и других иностранцев, живших в Гонконге и Шанхае, и по официальным и неофициальным сведениям, полученным в министерстве иностранных дел, автор мог заключить, что в Южном и Центральном Китае росло движение против Юаня, и в скором времени надо было ожидать открытых выступлений. Итак, для союзников, в том числе для Японии, надо было срочно решиться на необходимые меры по отношению к Китаю. Однако все союзники, за исключением Японии, были слишком заняты на европейских фронтах войны, и задача прекратить в самом начале беспорядки в Китае пала целиком на плечи Японии. Именно в это время сэр Эдуард Грей, министр иностранных дел Великобритании, дал обещание японскому правительству, что Великобритания не предпримет каких-либо важных шагов, касающихся Китая, без предварительных переговоров с Японией. Для Японии было бы нетрудно оставаться пассивным наблюдателем событий в Китае, если бы планы Юань Шикая имели исключительно внутриполитическое значение. Но, как уже отмечалось, на самом деле все это было совсем не так. Происки Юаня могли быть искрой, которая привела бы к взрыву в Китае; враг воспользовался бы последующими беспорядками и нарушил бы мир на Дальнем Востоке. Поэтому Япония вынуждена была

немедленно принять решительные меры. В VI главе этой книги, где объясняется сущность специальных интересов Японии в Китае, отмечается, что, если Китай очутится в состоянии хаоса, европейские и американские правительства и народы должны будут расстаться со своей собственностью и имуществом и покинуть Китай. Японское же правительство и народ не в состоянии этого сделать. Всегда имеется опасность, что эти беспорядки вредно отразятся на положении Японии. По этой причине Япония должна делать все возможное, чтобы прекратить волнения в Китае.

Во всяком случае, события в Китае сильно обеспокоили Японию. Не успели утихнуть волнения, которые продолжались почти непрерывно с 1911 г., как честолюбивые планы Юаня грозили возродить хаос в необъятных провинциях Китая. Даже если эти новые беспорядки не были бы использованы врагом, все равно Япония не могла придерживаться политики невмешательства, так как она обязана была охранять мир на Дальнем Востоке. Могла ли она позволить себе оставаться пассивной, когда появились слухи, что Германия собирается построить в Кантоне базу для подводных лодок? Даже если эти слухи были беспочвенны, они все же показывали, что деятельность тайных агентов врага была весьма значительна. Положение требовало быстрых действий со стороны союзников.

Посоветовавшись с Великобританией, Францией и Россией, Япония решила не вмешиваться во внутренние дела Китая, а лишь официально предложить китайскому правительству повременить с установлением императорского режима. Правительства Великобритании, Франции и России послали китайскому правительству ноты такого же характера. Юань не дал определенного ответа на послания четырех правительств, но на всякий случай объявил, что восстановление монархии будет отложено на три месяца. Если бы можно было предположить, что трехмесячная отсрочка предотвратит беспорядки, то заявление Юаня имело бы кое-какую цену. Но предполагать это было невозможно, и его заявление ничего не стоило. Действительно, в тот момент уже не представлялось возможным предотвратить беспорядки, так как в некоторых местах они уже начались. Декларация независимости Лян Цичая в провинциях Юньнань и Хучжоу зажгла пожар восстания, который быстро распространялся по провинциям Квантуй и Гуанси и достигал долины реки Янцзы. Затем Юань снова объявил трехмесячную отсрочку, но заболел и умер до истечения этого срока. С его смертью исчезли и его замыслы о создании новой династии в Китае.

3. Лондонская Декларация

а. Обстоятельства, при которых декларация была опубликована

После вступлении Японии в мировую войну ее дипломаты обязаны были готовиться к мирной конференции по окончании войны. В то время автор был японским послом в Париже и в часы, свободные от повседневной работы, занимался изучением возможных условий мира. Французское правительство тогда временно находилось в Бордо, и в те критические дни Великобритания, Франция и Россия опубликовали декларацию о союзе, которая впоследствии стала называться Лондонской декларацией (от 4 сентября 1914 г.). Ознакомившись с этой декларацией, автор на основании своих размышлений и заключений немедленно сообщил токийскому правительству, что он считает присоединение Японии к декларации крайне желательным. Совсем недавно автор опубликовал по этому поводу статью в журнале «Гайко дзихо» («Дипломатическое обозрение»), в январском номере 1928 г. Вот некоторые выдержки из этой статьи:

> «Когда началась мировая война, Япония очутилась перед необходимостью твердо заявить о своей позиции. От ее решения зависела не только будущность империи; это решение должно было показать также истинную цену имперской дипломатии. Требовалась предельная настойчивость, объективность и осторожность, чтобы найти правильное решение. Несмотря на серьезность положения, для Японии было открыто только три пути, а именно:
>
> 1) придерживаться нейтралитета;
>
> 2) выступить на стороне Германии и Австрии;
>
> 3) выступить на стороне союзников.
>
> Одна группа предлагала идти по безопасному пути нейтралитета. Другая, будучи глубоко уверена в победе Германии и Австрии, стояла за вступление в войну на стороне держав Центральной Европы. И, наконец, была третья группа, считавшая, что, как союзник Англии, Япония была обязана воевать на ее стороне. В конечном счете общественное мнение было настроено против строгого нейтралитета, и так как вероломство было

противно характеру японского народа, он не мог, предав принципы англо-японского союза, выступить на стороне Германии, которая презирала гуманность и справедливость и нарушала всеобщий мир. Поэтому императорское правительство решило действовать совместно с союзниками и, объявив войну Германии и Австрии, определило путь, по которому должна была следовать империя. После этого в течение пяти долгих лет Япония вела военные операции против держав Центральной Европы. Она заняла Циндао, германскую базу на Дальнем Востоке, посылала военные корабли в северную, центральную и южную части Тихого океана и даже в далекое Средиземное море и лояльно сотрудничала с союзниками в деле ведения войны. В результате международное положение Японии значительно усилилось. Со времени Парижской мирной конференции Япония считается одной из пяти великих держав мира, а теперь является одним из трех великих морских государств. Сейчас, в результате быстрого развития, она неприступна. Японцы имеют все основания быть удовлетворенными прогрессом их империи.

Размышляя о прошлом, мы поняли, как правильно было дальновидное решение японского народа покинуть безопасный путь нейтралитета и, руководствуясь принципами международной честности и справедливости, начать войну против стран, которые тогда казались вероятными победителями. Если бы мы имели несчастье оставаться строго нейтральными, мы в настоящее время, по всей вероятности, были бы третьестепенной державой вроде Испании, и мир не признавал бы нашей силы и престижа. Или еще того хуже, если бы мы послушались советов некоторых интеллигентов и военных и выступили на стороне Германии и Австрии, мы неизбежно разделили бы злополучную судьбу других союзников этих стран. Теперь нетрудно сказать, что, решив выполнить свои обязательства в отношении англо-японского союза и, значит, решив воевать вместе с Англией, Францией и Россией, Япония не сделала ничего из ряда вон выходящего, — она просто исполнила свой долг. Но вспомнив все возможные последствия этого решения, мы поймем, что вопрос был не так прост, как кажется.

Решению императорского правительства вступить в войну в самом начале мы в значительной мере обязаны

покойному маркизу Окума, бывшему в то время премьером, и его министру иностранных дел графу Като; эти два политических деятеля достойны вечной благодарности страны. Однако я сомневаюсь, что только участие Японии в войне в соответствии с условиями англо-японского союза создало для Японии ее теперешнее международное положение. Были и другие причины — спокойная и добросовестная закулисная работа министерства иностранных дел, о которой я вынужден сказать несколько слов…

Выполняя условия англо-японского союза, Япония 26 августа 1914 г. объявила войну Германии и вступила в европейскую войну. Однако помимо Великобритании, против Германии и Австрии воевали также Россия и Франция. Мы находились в состоянии войны вследствие англо-японского союза, поэтому я считал, что мы фактически вступили в союз с Францией и Россией. Мне также казалось, раз мы фактически были в союзе с Францией и Россией, то, чтобы империя завоевала должный почет после войны, было необходимо официально оформить эти отношения. Пока я размышлял над этим, Англия, Франция и Россия 4 сентября 1914 г. Лондонской декларацией объявили о заключении союза. Лондонская декларация предусматривала следующее:

«Союзные правительства Великобритании, Франции и России обязуются не заключать сепаратного мира в течение настоящей войны.

Три вышеуказанных союзных правительства обязуются во время мирных переговоров не выдвигать никаких требований без предварительного обмена мнений между союзниками».

В то время я находился в Париже и немедленно послал телеграмму в Токио, советуя как можно скорее присоединиться к Лондонской декларации. Мои доводы были следующие.

Что касается отношений с Англией, то участие Японии в декларации необязательно, потому что между ними уже существует союз, который равноценен Лондонской декларации. Однако с Францией и Россией у Японии нет подобных официальных связей, и поэтому их необходимо было установить. Наиболее удобным путем к этому является участие в Лондонской декларации. Иначе

Япония не будет иметь никакой гарантии, что Франция и Россия не заключат сепаратного мира или не достигнут какого-нибудь тайного соглашения с неприятелем. Поэтому Япония должна стать участником декларации. Кроме того, без официального союза с Францией и Россией мы можем оказаться в самом невыгодном положении во время мирной конференции.

Участие же в Лондонской декларации обеспечит нам одну из ведущих ролей во время будущих мирных переговоров.

В ответ на мою телеграмму относительно участия в Лондонской декларации министр иностранных дел Такаакира Като заявил приблизительно следующее:

«Я не могу представить себе, каким образом участие Японии в Лондонской декларации может принести ей большую пользу в предстоящих мирных переговорах. По условиям англо-японского союза Япония и Великобритания не имеют права начинать мирные переговоры самостоятельно и без предварительного откровенного обмена мнениями относительно условий мира. Лондонская декларация обязывает Англию, Францию и Россию соблюдать такой же порядок по отношению друг к другу, отсюда следует, что Япония будет иметь возможность советоваться и обмениваться мнениями об условиях мира не только с Англией, но также и с Францией и Россией».

Я обратил внимание барона Като на случай с Италией, или, точнее, с Сардинией, во время Крымской войны. Тогда итальянский премьер Кавур заключил официальное соглашение с Наполеоном III, но он не счел нужным оформить подобным же образом свои отношения с другими союзниками. Поэтому, когда в 1856 г. в Париже открылась мирная конференция, Кавур имел юридическое право предъявить требования только Франции. Что касается других союзников, то его руки были, так сказать, связаны, потому что не было никакого законного основания для итальянских требований. Положение Италии после Крымской войны мне казалось совершенно сходным с положением, в котором могла очутиться Япония но окончании мировой войны. Я уговаривал министра иностранных дел снова рассмотреть мое предложение присоединиться к Лондонской декларации, но он оставался непреклонным.

Год спустя, в августе 1915 г., премьер-министр граф Окума конфиденциально сообщил мне о своем намерении предложить мне портфель министра иностранных дел и спросил, соглашусь ли я занять этот пост. Я безоговорочно согласился, но перед отъездом из Парижа я послал ему телеграмму с просьбой просмотреть мою переписку с министром иностранных дел о присоединении к Лондонской декларации. Я добавил, что, если он ничего не имеет против, я желал бы перед отъездом в Японию поговорить по этому вопросу с Эдуардом Греем и Делькассе, министрами иностранных дел Англии и Франции. На этот раз я получил вполне сочувственный ответ от премьера Окума, который по совместительству исполнял тогда обязанности министра иностранных дел. Вследствие этого перед отъездом я имел несколько откровенных бесед с английскими и французскими политическими деятелями. Я дал им понять, что после моего приезда в Токио и вступления в должность японское правительство подпишет Лондонскую декларацию. Это обещание было впоследствии исполнено. Английский и французский министры горячо меня поблагодарили и заявили, что японское участие превратит Тройственный союз в гораздо более могущественный Союз четырех держав и усилит надежды на победу. Вскоре после этого Италия, возможно, по тем же причинам, что и мы, присоединилась к Лондонской декларации, и Союз четырех держав превратился в Союз пяти держав…

Таким образом возник союз Японии, Великобритании, Франции, России и Италии. Во время революции Россия выпала из него, но ее место заняли Соединенные штаты, и эти пять держав стали называться «главными союзниками». На Версальской конференции эти пять держав, действуя совместно, добились вполне удовлетворительных результатов. Наше официальное участие в Лондонской декларации дало нам юридическое право предъявлять свои требования и защищать свои права свободно и с полным авторитетом. Кроме того, будучи в силу Версальского договора одним из членов группы могущественных союзных и связанных с ними держав, мы теперь участвуем в наиболее важных конференциях, — одним словом, мы прочно занимаем положение одной из великих держав мира. Не так давно я слышал, как один известный японец, участвовавший в

Версальской конференции, заметил следующее:

«В результате участия в Лондонской декларации мы пользовались большим влиянием на конференции и смогли успешно отстаивать интересы империи. Не приходится сомневаться, что, если бы мы не присоединились к декларации, наше положение во время переговоров о мире было бы чрезвычайно трудным».

В общем, наша дипломатия во время войны проводилась мудро. Она изменялась в соответствии с изменявшейся обстановкой и была рассчитана на укрепление международного положения Японии. Вызывает большое удовлетворение тот факт, что в настоящее время Япония имеет постоянного представителя в Совете Лиги наций и что не только на заседаниях Лиги, но и на всевозможных международных конференциях влияние империи возрастает.

(**Примечание автора.** Я глубоко сожалею, что не имел возможности узнать от покойного графа Като причины, которые побудили его возражать против японского участия в Лондонской декларации. Я предполагаю, что граф, который всегда был исключительно осторожен, был намерен свести роль Японии в войне до минимума, совместимого с ее обязательствами по отношению к Англии и соответствующего всеобщему желанию, чтобы Япония предприняла действия, доказывающие ее уважение к международным договорам. Он не решался превысить этот минимум из боязни, что Япония будет слишком сильно вовлечена в войну и вынуждена будет послать войско в Европу.

Опасения графа нельзя назвать совершенно необоснованными, но все же надо отметить, что расстояние, отделявшее Японию от Европы, делало невозможной посылку туда экспедиционного корпуса. Возможно, что мы разошлись с графом Като именно вследствие различия мнений по этому вопросу.)

б. Императорский парламент и участие в Лондонской декларации

19 октября 1915 г. японское правительство официально объявило о присоединении к Лондонской декларации. Событие это принесло автору большое облегчение. Однако когда действия

правительства были представлены на одобрение тайного совета, неожиданно начались ожесточенные споры. Не менее яростны были нападки, которые имели место на ближайшей сессии парламента. Однажды автор дал интервью относительно этих споров члену редакции журнала «Тайкан» («Большое обозрение»). Интервью это было опубликовано в октябрьском номере 1919 г. Чтобы избавить автора от необходимости снова излагать свои взгляды, здесь будут процитированы соответствующие выдержки из этого интервью:

«Мне кажется, что причиной возникновения распространенного мнения, будто во время войны Япония имела соглашение с Германией, была возбужденная критика и запросы в парламенте относительно действий императорского правительства в октябре 1915 г. по отношению к Лондонской декларации. Лондонская декларация, подписанная Великобританией, Францией и Россией 4 сентября 1914 г., состояла из следующих двух параграфов:

> «Союзные правительства Великобритании, Франции и России обязуются не заключать сепаратного мира в течение настоящей войны.
>
> Три вышеуказанных союзных правительства обязуются во время мирных переговоров не выдвигать никаких требований без предварительного обмена мнений между союзниками».
>
> Па первый взгляд в этой декларации как будто нет ничего из ряда вон выходящего, но на самом деле в ней заключался большой смысл. Особого внимания заслуживает второй параграф, по которому каждая из первоначально присоединившихся и каждая из впоследствии присоединившихся стран были обязаны не выдвигать условий мира без предварительного обмена мнениями и согласия держав. Этот параграф сыграл огромную роль во время мирных переговоров. Английское, французское и русское правительства с восторгом приветствовали присоединение Японии, потому что оно показало всему миру, что среди союзников не было и намека на разногласия и что союзники твердо решили продолжать совместную борьбу до тех пор, пока их цели в этой войне не будут достигнуты. Японские деятели разделяли настроения союзников, но у них были и другие основания быть удовлетворенными участием Японии в Лондонской декларации. Это участие заранее обеспечило Японии

важное место на мирной конференции, т. е. оно дало Японии право участвовать во всевозможных переговорах о мире. Присоединившись к декларации, Япония показала, что она готова, согласно первому параграфу, поддерживать союзников при всех обстоятельствах, а согласно второму параграфу, она приобрела право участвовать на всех заседаниях мирной конференции. Наше правительство придавало большое значение этому праву, потому что до этого на международных конференциях все важнейшие вопросы обычно заранее решались самыми могущественными державами, затем на пленарных заседаниях эти державы сообщали свои решения более слабым государствам, у которых не было другого выхода, как согласиться.

Например, на Венской конференции, созванной в 1814 г. для урегулирования положения в Европе после наполеоновских войн, представители Англии; России, Австрии и Пруссии пытались разрешить все вопросы на закрытых собраниях без участия Франции, а также без участия Испании, Португалии и других малых держав. Говорят, будто отстранение Франции и малых стран от участия в разрешении европейских вопросов было политикой князя Меттерниха, австрийского канцлера. Понадобился весь государственный талант князя Талейрана, чтобы разрушить планы Меттерниха и добиться для Франции места на конференции. Венская конференция, пожалуй, является лучшим в истории примером того, что всегда происходит на международных конференциях. Исходя из того, что наиболее благоприятных результатов всегда можно добиться на секретных собраниях нескольких участников, небольшая группа самых влиятельных держав на всех больших конференциях обычно заранее устанавливала метод ведения и цели заседаний. Поэтому для такой молодой страны, как Япония, необходимо при каждом подобном случае принимать все меры к тому, чтобы обеспечить себе участие в работе конференции и укреплять свое международное положение. Японское правительство было всегда бдительно в этом отношении.

Чрезвычайно лестно то, что на Парижской конференции Япония была одной из пяти великих держав. Однако нельзя думать, что причиной этому была только благосклонность или покровительство других держав. То, что Япония состоит членом совета Лиги

наций и была деятельным участником Парижской конференции, является результатом, во-первых, совместных усилий ее политических деятелей и народа под руководством императоров Мейдзи и Тайсё, а во-вторых, ее участия в Лондонской декларации.

Объявив о своем присоединении к Лондонской декларации, японское правительство доложило о своих действиях сначала тайному совету, а затем парламенту. Обе палаты строго осудили правительство. Основной мишенью нападок было то, что, присоединившись к декларации, Япония лишилась возможности заключить сепаратный мир, что возложило на нее слишком большую ответственность. В то время никто не мог предсказать исход войны, и, когда правительство обвиняли в закрытии всех путей к сепаратному миру, у народа создалось впечатление, что все это было следствием присоединения Японии к Лондонской декларации. В ответ на запросы критиков в парламенте правительство заявило, во-первых, что оно не намеревалось заключать сепаратный мир, а, во-вторых, что если бы оно и пожелало добиться сепаратного мира, оно на это не имело права по условиям второго параграфа англо-японского договора о союзе. Поэтому, продолжало правительство, присоединение к Лондонской декларации не внесло существенных изменений в то положение, которое существовало в августе 1914 г., когда Япония объявила Германии войну. Так как парламент направил свои нападки лишь на первую статью декларации, правительство ограничило свои объяснения вопросом о сепаратном мире. На самом деле для правительства наибольшее значение имела вторая статья декларации, касающаяся обмена мнений по поводу условий мира.

Теперь посмотрим на все происходившее в парламенте глазами иностранцев. Общественное мнение Японии осуждало правительство за присоединение к Лондонской декларации, в особенности потому, что благодаря этому Япония не могла заключить сепаратный мир. Так как Лондонская декларация запрещала Японии заключать сепаратный мир, а японский народ осуждал участие Японии в этой декларации, следовательно, рассуждали иностранцы, Япония намеревалась заключить такой мир. Но с какой страной она предполагала заключить мир, как не с Германией?

Следовательно, можно было ожидать, что Япония отойдет от Великобритании, Франции и России и заключит мир с Германией. Возможно, она сделает шаг дальше и вступит в союз с Германией против союзников. Такое толкование взглядов иностранцев не было только моим личным впечатлением. Корреспондент могущественного лондонского «Times» был такого же мнения. Я ответил этому корреспонденту, что его заключение было поспешно и показывало, что он недостаточно хорошо знаком с нашей политической жизнью. Интерпелляторы в парламенте, продолжал я, лишь воспользовались дипломатическим вопросом для внутриполитической борьбы. На самом деле они не нападали всерьез на обязательство заключить совместный мир. Их целью было ослабить позицию правительства, и они считали, что этот вопрос был хорошим оружием в их руках. Вот как я объяснил обстановку английскому корреспонденту, и я не хитрил с ним. Я и поныне придерживаюсь такого же мнения. Критики в парламенте подняли шум не потому, что они внимательно изучили этот вопрос и искренно верили в свои слова, а потому, что в пылу полемики они готовы были назвать гору рекой и правую сторону — левой».

4. Новое русско-японское соглашение

Всевозможные вопросы, связанные с миром, были главным занятием японской дипломатии во время мировой войны. Первым делом надо было обеспечить себе хорошее положение на будущей мирной конференции. После того как это было сделано путем присоединения к Лондонской декларации, надо было обсудить возможность (которая сильно волновала автора) отпадения одного из союзников. Союзники, в том числе и Япония, подвергались бы неимоверным опасностям, если бы одна из союзных держав подписала мир с врагом. С самого начала у автора было чувство, что из всех союзников России было труднее всех выдержать войну до конца. Каждый раз, когда в дипломатической истории Европы он читал о Семилетней войне, его охватывало некоторое беспокойство. Может быть, это было предчувствие, но, несмотря на убеждение, что история повторяется, он старался уверить себя в том, что Россия окажется более стойкой, чем в Семилетней войне, и действительно будет бороться до конца[85]. В разговоре с английским министром иностранных дел автор признался в своих опасениях относительно стойкости России и спросил министра о его мнении по этому поводу. Ответ сэра Эдуарда Грея был довольно убедителен, но не вполне. Вести долгий разговор на эту тему было неудобно. Во всяком случае, в глубине души у автора была неуверенность в России, и, после того как он взял в свои руки руководство дипломатией империи, он сделал все возможное, чтобы помешать России заключить сепаратный мир. Он очень беспокоился, потому что из всех вопросов, связанных с мировой войной, этот вопрос имел наибольшую важность для Японии. История показывает, что сепаратный мир обычно бывает лишь первым шагом к союзу. Каково было бы положение Японии, если бы Россия сначала заключила мир с Германией, а потом вступила с ней в союз? Иностранцы критиковали Японию за то, что, будучи одной из воюющих сторон, она не подвергалась опасностям войны и даже пользовалась всеми преимуществами нейтралитета. Однако в случае, если бы Россия и Германия заключили сепаратный мир, а затем и союз, Япония была бы вынуждена одна воевать против русских и немецких войск на Дальнем Востоке.

Тем временем война принимала для России все более тяжелый оборот. Один кабинет быстро сменял другой, и, наконец, осенью 1915 г. начали говорить, что к власти придет совершенно прогерманское правительство во главе со Штюрмером. Ходили слухи, будто Германия уже переправляла по сибирской дороге

части подводных лодок, которые должны были быть собраны во Владивостоке и действовать вдоль китайского побережья и Индийского океана, имея своей главной базой Кантон.

Именно в это время автор стал министром иностранных дел. Разрешив вопрос об участии в Лондонской декларации, он уделил внимание вопросу о том, каким образом можно помешать России заключить сепаратный мир с Германией. В надлежащее время были приняты следующие меры:

1. Япония пополнила недостаток России в военном снаряжении. Основной причиной боязни, что Россия заключит сепаратный мир, был упадок духа войск на фронте. Ее сепаратный мир во время Семилетней войны был обусловлен той же причиной. Упадок морального состояния войск был вызван крупными потерями, понесенными вследствие недостатка оружия и снаряжения. Поэтому снабжение России военным снаряжением не только увеличило бы военную мощь союзников, но косвенно задержало бы стремление России к сепаратному миру. Японское правительство передало России все запасы снаряжения, находившиеся в его распоряжении, за исключением оружия, необходимого для обороны Японии. Арсеналы Коисикава (Токио) и Осака работали день и ночь, производя военное снаряжение. Помнится, что за это время было доставлено шестьсот или семьсот тысяч старых и новых винтовок и соответственное количество пулеметов, малокалиберных и крупнокалиберных орудий. Кроме того, японское правительство приобрело значительное количество частных заводов и фабрик, которые производили одежду, сабли, обувь и другое снаряжение исключительно для русской армии. В общем Россия получила всевозможного снаряжения на сумму 300 миллионов иен.

2. Япония заключила новое соглашение с Россией, чтобы успокоить ее относительно дальневосточных территорий. По этому соглашению обе стороны обязались не вести с третьей стороной никаких переговоров, направленных против интересов одной из них.

Заключение нового соглашения требовало такта, потому что в этом соглашении прежде всего была заинтересована сама Япония, а также потому, что истинной причиной, побудившей ее к этому, была боязнь России и ее коварных замыслов. Бросая взгляд на этот период, автор приходит к выводу, что Россия не заключила сепаратного мира с Германией, когда ее войска на фронте были полностью деморализованы, потому что она боялась гнева трех союзников и в особенности японского вторжения в Сибирь. Эта боязнь была козырем в руках Японии. В эти месяцы (осенью и зимой 1915 г.) война развивалась благоприятно для Германии.

Используя союз с Турцией, она пыталась спровоцировать персов и афганцев к нападению на индийскую границу. Она грозила окружить Россию вражеским кольцом, включающим Персию и Афганистан, от Туркестана до Китая. Таким образом, Россия стояла перед опасностью быть пойманной в сети Германией. Если бы она захотела заключить сепаратный мир, то очутилась бы под угрозой японского нападения с тыла. В самом деле, Россия, как говорится, попала бы из огня в полымя. В этот момент Япония пыталась поставками снаряжения укрепить моральное состояние русских войск, которое ослабло вследствие недостатка вооружения. Япония ободряла Россию новым соглашением, которое вместе с тем обязывало ее не заключать никакого договора с третьей державой, враждебной Японии, и тем самым не допустила заключения сепаратного мира с Германией, несмотря на расставленные последней сети. Переговоры относительно нового русско-японского договора начались вскоре после того, как автор получил портфель министра иностранных дел, и закончились через шесть месяцев. Вот текст соглашения:

> «Японское императорское правительство и русское императорское правительство, решив совместно стремиться к сохранению продолжительного мира на Дальнем Востоке, согласились на следующем:
>
> 1. Россия не будет участвовать в какой-либо политической комбинации, направленной против Японии. Япония не будет участвовать в каком-либо соглашении или политической комбинации, направленных против России.
>
> 2. В случае, если территориальные права или особые интересы одной из договаривающихся сторон на Дальнем Востоке, признанные другой договаривающейся стороной, окажутся в опасности, Россия и Япония будут совещаться относительно мер, которые необходимо будет принять для взаимной поддержки и сотрудничества, а также для защиты их прав и интересов.
>
> В подтверждение вышеизложенного нижеподписавшиеся, надлежащим образом уполномоченные их правительствами, соответственно подписали настоящую конвенцию и приложили свои печати.
>
> Петроград, 20 июня 3 июля 1916 г. или 3-го дня, 7-го месяца 5 года Тайсё».

Через полгода после заключения этого соглашения в России

разразилась революция, и династия Романовых, которая правила величайшей в мире империей, была свергнута и погибла. Еще через шесть месяцев последовала вторая революция, и Россия стремительно заключила в Брест-Литовске сепаратный мир с Германией. Таким образом, оптимизм Эдуарда Грея оказался необоснованным. Что касается добрососедской политики Японии по отношению к России, то она оказалась совершенно напрасной.

Глава шестая
Специальные интересы Японии в Китае

1. История специальных интересов Японии

Параграф I первого англо-японского договора о союзе гласит:

> «Высокие договаривающиеся стороны, взаимно признав независимость Китая и Кореи, заявляют, что ими не руководят какие бы то ни было агрессивные стремления в той или иной стране. Имея в виду, однако, свои специальные интересы, из коих интересы Великобритании касаются главным образом Китая, между тем как Япония, кроме своих интересов в Китае, особенным образом заинтересована в политическом, равно как и в торговом и промышленном отношениях, в Корее, высокие договаривающиеся стороны признают, что будет допустимо для каждой из них принимать такие меры, какие могут явиться необходимыми для охраны таковых интересов, если им будут угрожать какие-либо агрессивные действия какой-либо другой державы, либо беспорядки, возникающие в Китае или Корее и вызывающие вмешательство той или другой из высоких договаривающихся сторон для защиты жизни и имущества ее подданных».

Сначала английское правительство предложило попросту заявить, что Япония имеет специальные интересы в Корее, а Великобритания — в Китае; однако с точки зрения Японии такое заявление было совершенно недостаточным. В прошлом Корея часто играла роль невольного пособника своих более могущественных соседей, желавших вторгнуться в Японию; в других случаях она сама была в первых рядах военных сил, нападавших на Японию. Как было отмечено в предыдущих главах, история показывает, что Корейский полуостров был путем, по которому шли все желавшие покорить Японию. Чтобы обеспечить мир повсюду на Дальнем Востоке, Япония должна была учиться на уроках истории и сделать так, чтобы ни один из ее враждебно настроенных соседей не мог использовать Корею против нее. Но после японо-китайской войны контроль Японии над Кореей оказался недостаточным, потому что Россия, Германия и Франция, нагло вмешавшись в мирные переговоры между Японией и Китаем, начали своевольничать в Китае. Их примеру последовали другие державы. Во-первых, Россия, заняв Северную Манчжурию, двинулась на юг и укрепилась на полуострове Ляодун. Затем Германия заняла Шаньдун, Франция — Хучжоу и

Англия— Вэйхайвэй. Италия тоже попыталась захватить порт в Южном Китае. Раздел Китая, казалось, был неминуем. Перед лицом таких событий Япония была вынуждена потребовать от Китая обязательства не отдавать провинции Фуцзянь никакой иностранной державе. Но нельзя сказать, чтобы одно такое обязательство было гарантией безопасности Японии.

В древности Корея была столбовой дорогой, по которой сильные манчжурские и монгольские племена двигались на Японию. Теперь, однако, положение Японии стало гораздо более ненадежным, потому что Россия и другие европейские морские державы обосновались в Северном Китае, который от Японии отделяется лишь узкой полосой моря. Таким образом, ей угрожало нападение не только через Корею, но и прямо из портов Китая. Вследствие этого она вынуждена была обеспечить свою безопасность не только в Корее, но и в самом Китае. Когда Китай стал так же важен для Японии, как и Корея, тогда началась новая эра в дипломатической истории Японии. Именно эти перемены сделали первоначальные предложения английского правительства относительно специальных интересов неприемлемыми для Японии. Другими словами, Япония считала, что, кроме интересов первостепенной важности в Корее, она имела в Китае интересы, не менее значительные, чем интересы любой европейской или американской державы. Великобритания признала справедливость доводов Японии, и параграф I англо-японского договора о союзе был переделан в соответствии с желаниями Японии.

Таким образом, первым международным документом, упоминающим о специальных интересах Японии в Китае, был англо-японский договор о союзе; иными словами, Великобритания, союзник Японии, была первой державой, официально признавшей ее специальные интересы в Китае. Впоследствии эти интересы были также признаны, прямо или косвенно, Францией и Россией во франко-японской конвенции 10 июля 1907 г. и в русско-японском соглашении 30 июля 1907 г. После этого только Германии и Соединенным штатам осталось признать эти интересы. Как было объяснено в предыдущих главах, сначала Япония не имела оснований обращаться по этому поводу к Германии, а затем она оказалась в состоянии войны с ней. Соединенные штаты же не давали Японии никаких возможностей начать переговоры по этому вопросу. Американское правительство тщательно избегало всяких действий, которые можно было бы рассматривать как признание специальных интересов Японии в Китае. Оно даже сделало оговорку, что не считало себя обязанным признавать японо-китайское соглашение

1915 г. Отказ Америки, признать специальную заинтересованность Японии в Китае, от которого она была отделена лишь узкой полосой моря, казался тем более несправедливым, что согласно доктрине Монро интересы Соединенных штатов простираются до самой южной точки Южной Америки, на пять тысяч миль от их границ. У Америки были на это свои основания. В экономическом и финансовом отношении Китай с четырехсотмиллионным населением предоставлял беспредельные возможности для американских капиталовложений и торговли; американские банкиры и промышленники начинали понимать это. Кроме того, лично президент Вильсон в прошлом высказывался против сфер влияния, установленных в Китае; поэтому нельзя было ожидать, чтобы он признал какие-нибудь «специальные интересы», грозившие подорвать принцип открытых дверей и равных возможностей в Китае.

2. Совместная японо-американская декларация

а. Японское правительство посылает чрезвычайного посла военного времени в Соединенные штаты

В июне 1917 г. японское правительство назначило автора чрезвычайным послом и, соответственно обстановке, приказало ему немедленно отправиться в Соединенные штаты в качестве посла военного времени. Его миссия была похожа на миссию Бальфура из Великобритании и Вивиани из Франции. Целью ее было выразить удовлетворение и приветствие Японии по поводу того, что Америка вступила в войну на стороне союзников. Миссии послов Англии и Франции ограничились несколькими приветственными речами, поездкой на могилу Вашингтона в Маунт-Вернон и посещением различных городов, где они поднимали энтузиазм в пользу дела союзников. Что касается Японии, то ей необходимо было проделать дополнительную работу. Японское правительство хотело воспользоваться этим случаем и путем откровенного обмена мнениями с американскими деятелями относительно китайских вопросов добиться какого-нибудь соглашения. Однако оно не было уверено, что американское правительство в эти военные дни было заинтересовано китайским вопросом; поэтому автор не получил никаких точных инструкций, а лишь самые общие указания. Со своей стороны он и не просил детальных инструкций.

1 сентября автор приехал в Вашингтон. По пути через Гонолулу и Сан-Франциско должностные и частные лица встречали его овациями. Военный энтузиазм был удивительный. В течение первых нескольких дней в Вашингтоне он занимался исключительно разговорами о войне. От бесконечных приемов в его честь у автора закружилась голова. Он имел беседы с президентом, со старшими чиновниками американского правительства и с виднейшими деятелями обеих палат конгресса. Морской и военный министры не имели времени для длительных бесед, но президент Вильсон и государственный секретарь Лансинг нашли время для обстоятельных разговоров. У автора появилась надежда на откровенный разговор с ними.

Когда в первый раз в разговоре с президентом автор затронул окольным путем вопрос о Китае, господин Вильсон ответил, что Америка не желает в Китае ничего, кроме того, чтобы все

государства честно выполняли принцип открытых дверей и равных возможностей. Он добавил, что его огорчало, что в некоторых частях Китая державы установили даже сферы влияния, которые угрожали свободному осуществлению этого принципа. Автор подумал, что если таково было мнение президента, то можно надеяться на успешные переговоры, и заметил как бы между прочим: «Вы совершенно правы, господин президент. Но надо помнить, что даже Германия и Россия, которые первые установили сферы влияния в Шаньдуне и в Манчжурии, поддерживали принципы открытых дверей и равных возможностей, провозглашенные вашим государственным секретарем господином Хеем, а что касается торговли и промышленности, то они не посмели закрыть двери или ограничить возможности. Любое государство, не соблюдающее принципы господина Хея, можно было бы упрекать в непоследовательности. Как вам известно, Япония в результате русско-японской войны имеет базу в Манчжурии, однако она всегда придерживалась принципа открытых дверей и равных возможностей».

Возможно, президент считал нужным выяснить намерения Японии, и он сказал, что разговор показался ему очень интересным, а потому он надеется, что автор поговорит об этом с государственным секретарем Лансингом. Беседа на этом окончилась, но все было готово для японо-американских переговоров относительно Китая.

Возвратившись в гостиницу, автор послал телеграмму своему правительству; он вкратце передал содержание разговора с президентом и изложил свое мнение по вопросу о сферах влияния в Китае.

По его мнению, сферы влияния в Китае не были такими же, как сферы влияния на других континентах и в других частях света. В Китае различные державы стали добиваться сфер влияния сразу же после тройственного вмешательства. Тогда Россия получила в аренду Ляодун в Манчжурии, а Германия — залив Киао-Чао в Шаньдуне. Эти насильственные действия угрожали целостности Китая и нарушали не только суверенные права Китая, но и права других государств. Была также опасность, что эти сферы влияния приведут к столкновению между заинтересованными державами. Поэтому ради сохранения мира на Дальнем Востоке было бы желательно упразднить сферы влияния в Китае. Кроме того, ввиду изменившихся обстоятельств в сферах влияния не было нужды. Японии, которую подозревали в действиях, не совместимых с политикой открытых дверей, особенно приличествовало выступить против сфер влияния.

Япония сначала официально получила от Китая обязательство не отдавать провинцию Фуцзянь, а затем, вытеснив Россию из Южной Манчжурии, заняла там ее место. Этим она навлекла на себя обвинение в том, что ради выгоды своей торговли и промышленности она закрывала путь в Манчжурию для. торговли других стран. Оправдываясь тем, что они лишь следуют по стопам Японии в Южной Манчжурии, другие державы проводили эгоистическую политику в своих сферах влияния. Товары различных стран Европы и Америки доходят до китайского рынка только на второй месяц, в то время как Япония может доставить свои изделия через один-два дня, а самое большее через неделю. Япония имеет огромные преимущества в Китае не только в отношении сроков поставки, — она платит меньше за перевозку и за страховку. До тех пор пока в Китае будет эффективно проводиться политика открытых дверей и равных возможностей, японская торговля там непременно обгонит торговлю европейских и американских стран и займет господствующее положение. Некоторых японских купцов не удовлетворяют эти естественные преимущества, и для защиты их торговля в Манчжурии они требуют дополнительных искусственно созданных преимуществ. Такие люди не имеют права участвовать в соревновании с народами, которые уверены в себе. Государству нет никакого расчета поддерживать предприятия, которые так мало уверены в себе. Для Японии выгоднее всего, если торговля Манчжурии останется открытой и одинаково доступной для всех стран. При политике равных возможностей японские купцы в Шаньдуне и в долине Янцзы, где другие державы предъявляют права на сферы влияния, оказывались в выгодном положении и далее вытесняли своих конкурентов. В настоящий момент им приходится только бояться, что двери там будут закрыты и их возможности будут ограничены. Любое вмешательство в торговлю провинций, расположенных по реке Янцзы, этих богатейших районов Китая, на долю которых приходится большая часть его торговли, будет чрезвычайно невыгодно для Японии, которая так зависит от торговли с Китаем. Она должна делать все, что в ее силах, чтобы Янцзы и другие провинции Китая были постоянно открыты для торговли.

По вышеуказанным причинам автор был глубоко уверен в том, что будет разумно и своевременно согласиться с желаниями президента Вильсона и, не теряя времени, стремиться к упразднению сфер влияния в Китае. Вследствие этого он сообщил токийскому правительству, что согласен с господином Вильсоном относительно сфер влияния, добавив, что, угодив господину Вильсону по этому вопросу, Можно будет убедить его согласиться

с Японией по другим вопросам.

б. Японо-американские переговоры

К его разочарованию, автор не получил из Токио ответа на свою телеграмму. Впоследствии он узнал, что министр иностранных дел Мото, но передал его предложение относительно упразднения сфер влияния в совет исследования внешней политики, где возникли большие споры по этому вопросу. Большинство выступало против предложения автора, потому что оно опасалось последствий упразднения сфер влияния. Не получив от своего правительства указаний, автор был в конце концов вынужден взять на себя ответственность и начать переговоры с государственным секретарем Лансингом.

Основные моменты первой беседы автора с господином Лансингом были следующие:

> **Исии.** — Теперь, когда мы вынуждены бороться с общим врагом, надо быть начеку и не допустить, чтобы враг воспользовался нашими спорами. Вопросы об иммиграции и о Китае стоят на пути дружбы между Японией и Соединенными штатами. Первый вопрос в настоящее время не может заинтересовать общественное мнение, китайским же вопросом смогут воспользоваться и посеять раздор между нами.
>
> **Лансинг,** — Я полностью согласен с вами. Распространяется пропаганда, которая уже дошла до меня, о том, что во время борьбы государств Европы не на жизнь, а на смерть Япония делает все, что хочет, на Дальнем Востоке и в особенности в Китае, где она постепенно занимает господствующее положение. Эта пропаганда доказывает, что Япония не откажется от своих приобретений, и ее заявления о территориальной целостности, открытых дверях и равных возможностях в Китае становятся пустыми фразами. Поэтому мне кажется, что если бы в настоящее время американское и японское правительства согласились опубликовать совместную декларацию о территориальной целостности Китая и о принципах открытых дверей и равных возможностей, то они бы не только заглушили вредную пропаганду врага, но и направили общественное мнение обеих стран по правильному пути. Каков ваш взгляд на это?

Исии. — Проект, который вы так тщательно продумали, по-видимому, не подходит к современным условиям. Вы прекрасно знаете, что между Соединенными штатами и Японией уже существует соглашение 1908 г. Рут — Такахира, непосредственно касающееся территориальной целостности Китая и принципа равных возможностей. Англо-японский договор о союзе, который предшествовал этому соглашению, поддерживал те же принципы, так же как и конвенции, впоследствии заключенные с Францией и Россией. Поэтому моему народу показалось бы бессмысленным соглашение с Соединенными штатами, которое лишь подтвердило бы то, что уже давно официально провозглашено. Если мы неосмотрительно снова подтвердим те же принципы, японский народ, по всей вероятности, придет к заключению, что ваше государство, заподозрив Японию в недостойных намерениях, принудило ее сделать такое заявление. Мое правительство должно избегать подобных недоразумений. Поэтому я не могу считать, что такая совместная японо-американская декларация будет своевременной. Чтобы наша декларация имела какой-нибудь смысл, она должна содержать, кроме старых принципов, что-нибудь новое. С нашей точки зрения, во всем Китае и в особенности в соседних с Японией районах Япония больше заинтересована, чем какая-либо другая страна, так же как и ваша страна больше, чем другие державы, заинтересована в западном полушарии — в Мексике и в различных государствах Центральной Америки. Такое положение представляет собой реальную действительность, проистекающую из природных условий. Так же как доктрина Монро существует независимо от того, признается она другими державами или нет, так же особые отношения Японии с Китаем существуют независимо от признания их другими странами. Однако при некоторых обстоятельствах признание другими странами имеет свои преимущества, поэтому о специальных интересах Японии в Китае говорилось в англо-японском договоре о союзе, во франко-японской конвенции и в русско-японском соглашении. Если к японо-американской декларации, в которую вы предлагаете вновь включить утверждение принципов территориальной целостности Китая, открытых дверей и равных возможностей, будет

прибавлено заявление об отношениях между Японией и Китаем, то вероломная пропаганда будет в значительной мере обезврежена, а кроме того, будет устранено недоразумение со стороны японского народа. В то же время такое заявление отразит действительное положение на Дальнем Востоке.

Лансинг. — Этот разговор неожиданно стал очень серьезным. Я хотел бы снова поговорить с вами после того, как мы оба тщательно обдумаем этот вопрос.

Итак, хотя разговор с Лансингом имел самый общий характер, автор сразу затронул самое основное в этом вопросе. Лансинг как будто был удивлен такой откровенностью, и его сдержанность разочаровала автора. Однако замечания президента, сделанные накануне, давали автору некоторую надежду, и он с нетерпением стал ждать ответа господина Лансинга.

Не имея из Токио ответа на свое предложение об уничтожении сфер влияния в Китае и будучи обязанным ехать в Нью-Йорк для встречи с мэром и другими официальными лицами, автор решил отложить до возвращения из Нью-Йорка свои переговоры с государственным секретарем. На ряде приемов в его честь в Ныо-Йорке автор имел возможность объяснить политику Японии в Китае. Он отметил, что политика открытых дверей и равных возможностей в Китае приносила пользу японской торговле, поэтому Япония желала, чтобы эта политика впредь строго соблюдалась повсюду в Китае. В то же время он прямо заявил, что принципы доктрины Монро имели такое же право на существование на Дальнем Востоке, как и в Западном полушарии. Слушатели автора были настроены благосклонно. Они любезно слушали его речь и, казалось, были довольны его откровенностью и искренностью. Во всякое случае, он говорил чистосердечно, и они по-видимому, воспринимали его слова также с чистым сердцем. Его выступления, несомненно, дошли до президента и до государственного департамента, и надо было предполагать, что их подозрения — по крайней мере подозрения, которые обнаружил президент Вильсон в беседе с автором несколько дней тому назад, — относительно пожелания Японии придерживаться политики открытых дверей и равных возможностей в Китае, начинали рассеиваться. Автор считал, что, рассеяв эти подозрения, он наполовину выполнил свою миссию, так что его будущая работа в значительной мере упростится.

Иностранному послу в Соединенных штатах, где государственная политика определяется общественным мнением,

приходится, ведя переговоры с властями в Вашингтоне, одновременно объяснять свою точку зрения народу. Тогда власти под давлением общественного мнения скорее соглашаются с ним. Ныо-Йорк, конечно, является местом в Америке, где важнее всего завоевать доверие, общественного мнения. Вследствие этого, не обращая внимания на колебания правительства и робость некоторых элементов в министерстве иностранных дел, автор смело объяснил нью-йоркским слушателям политику Японии в отношении Китая. В особенности он остановился на политике открытых дверей и равных возможностей, подчеркнув необходимость сохранить территориальную целостность Китая, и даже решился заговорить, если ее можно так назвать, об азиатской доктрине Монро. Азиатская доктрина Монро является чрезвычайно деликатным вопросом, который американский парод почти наверняка мог понять неправильно. Однако официальные и частные лица так радушно приняли автора и его спутников, что он осмелился коснуться этой опасной темы. К счастью, слушателям понравилась его прямота и серьезность; в то же время газеты благожелательно отнеслись к его взглядам. После того как общественное мнение отнеслось явно сочувственно к доводам автора, можно было надеяться, что и власти в Вашингтоне тоже благосклонно примут его предложения.

Возвратившись в Вашингтон после недельного пребывания в Нью-Йорке, автор посетил президента и нашел, что он был настроен еще более благоприятно, чем раньше. Президент поздравил автора с его выступлениями в Нью-Йорке, сказав, что они в значительной степени помогли устранить недоразумения между японским и американским народами. Лансинг также был менее уклончив, чем во время предыдущей беседы, и заметил, что, внимательно обдумав предложение автора, он разработал план, который должен был удовлетворить обе стороны. Касаясь заявления автора о том, что Япония была заинтересована во всем Китае и в особенности в соседних с Японией районах более, чем какая-либо другая держава, Лансинг спросил автора, как он предполагает сформулировать это положение в договоре. Автор ответил, что слова «важнейшие интересы» точнее всего выразят политику Японии в Китае. Лансинг немедленно возразил против такого выражения, заявив, что оно слишком' сильно. Он отметил, что, признав важнейшие интересы Японии, другие державы будут вынуждены соглашаться с любыми действиями Японии в Китае. Поэтому американское правительство никоим образом не может согласиться на такую формулировку. Тогда автор заметил, что, по его мнению, слова «важнейшие интересы» не так сильны, как это кажется Лансингу, потому что они употреблялись

государственным секретарем Сюардом, а позже господином Фрелингхюзеном для определения американских интересов в Мексике. Ввиду того что нет разницы, продолжал автор, между интересами Японии в Китае и интересами Соединенных штатов в Мексике, он решил употребить американскую терминологию. Америка имела важнейшие интересы в Мексике, но это не устанавливало никаких ограничений открытых дверей во внешней политике Мексики. Разве, спросил автор, торговля всех других стран в Мексике не идет гладко, несмотря на статью о праве наибольшего благоприятствования в ее договорах?

Лансинг не ответил на замечания автора, а несколько раз решительно повторил, что президент также сочтет выражение «важнейшие интересы» слишком радикальным. Поэтому, сказал он, о согласии американского правительства на эту формулировку не могло быть и речи. Так как автор не намеревался настаивать на словах «важнейшие интересы», он ответил, что он не будет возражать против замены их каким-нибудь другим подходящим выражением. После дальнейшего разговора он предложил слова «специальные интересы и влияние». Лансинг вновь высказался против. Однако он предложил оставить слова «специальные интересы» и вычеркнуть слово «влияние». Выражение «специальные интересы» употреблялось в первой статье англо-японского договора о союзе, и поэтому Япония не имела оснований возражать против него. Итак, этот вопрос был разрешен компромиссом.

Вспоминая впоследствии свой разговор с Лансингом, автор понял, почему слова «важнейшие интересы» были так решительно отвергнуты, несмотря на их американскую окраску. Те же слова, а именно: «Япония имеет важнейшие политические, военные и экономические интересы в Корее», употреблялись в третьей статье второго англо-японского договора о союзе, и вскоре после заключения этого договора Корея была присоединена к Японии. Вполне возможно, что именно по этой причине американское правительство смотрело с опаской на это выражение. Опасения эти, конечно, были совершенно необоснованными, но можно предполагать, что они все же существовали.

Точные слова, которые должны были определить интересы Японии в Китае, оказались мелью, на которую сели японо-американские переговоры. Однако, преодолев это затруднение, корабль переговоров вышел в открытое море и стал продвигаться успешно вперед. 2 ноября 1917 г. в государственном департаменте произошел обмен официальными нотами между секретарем Лансингом и автором. Эти ноты, известные под именем соглашения Исии — Лансинг, были чем-то вроде японо-

американской декларации и гласили:

> «Для того чтобы опровергнуть вредные слухи, которые распускаются время от времени, мы считаем полезным опубликовать новое заявление о желаниях и намерениях, которые наши правительства имеют в отношении Китая.
>
> Правительства Соединенных штатов и Японии признают, что территориальная близость порождает особые отношения, и поэтому правительство Соединенных штатов признает, что Япония имеет специальные интересы в Китае, в особенности в соседних с ней областях.
>
> Однако территориальный суверенитет Китая остается незыблемым, и правительство Соединенных штатов сохраняет полное доверие к неоднократным заверениям императорского японского правительства о том, что, хотя географическое положение Японии порождает специальные интересы, оно не намеревается ограничивать торговлю других стран и игнорировать тем самым коммерческие права, которые им предоставил Китай.
>
> Правительства Соединенных штатов и Японии отрицают, что они намереваются каким-либо образом нарушить независимость и территориальную целостность Китая, а кроме того, они заявляют, что они продолжают придерживаться принципа так называемых «открытых дверей» или равных возможностей для торговли и промышленности в Китае.
>
> Они также заявляют, что они возражают против приобретения каким-либо правительством специальных прав и привилегий, которые могли бы затронуть независимость и территориальную целостность Китая или лишить подданных или граждан какой-нибудь страны возможности полностью использовать равные возможности в торговле и промышленности Китая».

в. Трудности в переговорах

Лансинг, казалось, склонялся на сторону Китая, возможно, из-за его родственных связей. Его жена была дочерью бывшего государственного секретаря Фостера, который впоследствии стал

советником китайского правительства. Одно время сам Лансинг помогал своему тестю защищать Китай. При таких обстоятельствах понятна кажущаяся пристрастность Лансинга. Автор имел делю с Лансингом не первый раз. Приблизительно в 1893 г., когда в Париже третейским судом решался долго тянувшийся спор между Англией и Америкой насчет права рыболовства в Беринговом проливе, автор числился секретарем японского посольства во Франции; будучи глубоко заинтересован этим вопросом, он ежедневно посещал заседания суда. Американским представителем на суде был господин Фостер, а его личным секретарем — муж его дочери Лансинг. Однажды возник вопрос относительно того, считать ли главный рыболовный участок в Беринговом море внутренним морем. Одна из сторон для подтверждения своего заявления привела пример Японского Внутреннего моря. Тогда Лансинг со стороны Соединенных штатов и Кервуд, бывший советник японского правительства, представлявший английскую сторону, пришли в японское посольство и попросили дать им материалы о договорах и внутренних правилах, касающихся внутреннего моря. Автору было поручено принять этих господ, и он снабдил их всеми имеющимися документами по этому вопросу. Так автор познакомился с Лансингом. Прошло двадцать четыре года, прежде чем они вновь встретились.

Очевидное пристрастие Лансинга, возникшее из его родственных связей, причинило бесконечные неудобства и затруднения в переговорах по китайскому вопросу. Когда автор откровенно говорил с Лансингом, он обнаружил, что между их взглядами была целая пропасть. С самого начала они условились, что переговоры будут искренние и откровенные, и, так как это условие честно выполнялось, переговоры часто оживлялись и теряли связь с обсуждаемым вопросом. Во время переговоров была заметна странная закономерность. В дни, когда Лансинг докладывал о ходе переговоров президенту и потом являлся на следующее совещание, он был более благоразумен и уступчив, чем во время предыдущего совещания. Однако в этих переменах не было ничего необычайного. Президент Вильсон, по всей вероятности, смотрел на переговоры объективно, и, когда находил доводы автора разумными, он, будучи справедливым человеком, соглашался с ними и заставлял Лансинга делать то же самое. У автора создавалось впечатление, что он вел переговоры непосредственно с самим президентом. Несомненно, переговоры окончились бы разрывом, если бы не умеренность Вильсона. Не следует думать, что если Лансинг склонен был сочувствовать Китаю, то он питал какие-либо враждебные чувства против

Японии.

Объясняя Лансингу, что Япония подразумевала под выражением «специальные интересы» в Китае, автор заявил:

> «Специальные интересы Японии никоим образом не нанесут ущерба Китаю. Соединенные штаты особенно заинтересованы в территориальной целостности Южной и Центральной Америки, но Южная и Центральная Америка от этого никак не страдают. Наоборот, они чувствуют от этого себя в большей безопасности. Государства Центральной и Южной Америки должны быть благодарны Соединенным штатам за их особую заинтересованность в них. Разве Китай не должен быть так же счастлив, что его территориальная целостность гарантируется «специальными интересами» Японии? В конце концов целью настоящих переговоров является обеспечение безопасности Китая путем совместной японо-американской декларации».

Лансинг согласился с этими замечаниями, и, казалось, они его успокоили.

В переговорах с Лансингом было еще одно затруднение — вопрос о сферах влияния. Если бы автор тотчас же подчинился желаниям Лансинга по этому вопросу, другие задачи были бы решены значительно быстрее. Но японское правительство, так же как и старейшины в Совете по исследованию внешней политики, колебалось. Оно не могло найти серьезных оснований, для того чтобы отклонить предложение автора об упразднении сфер влияния, и не могло ни на что решиться, предоставив дело самотеку. Не имея никаких сведений о мнении своего правительства, автор был вынужден считать, что молчание его правительства объясняется не тем, что оно возражало против упразднения сфер влияния, а тем, что оно не решалось послать указания по вопросу, который требовал длительного обсуждения и который не мог быть разрешен одной Америкой и Японией, без консультации с другими державами. Но, несмотря на все сказанное, американское правительство продолжало с подозрением смотреть на отказ японского правительства упразднить сферы влияния в Китае. Подозрение это было тем более прискорбно, что оно явилось основной причиной отказа Соединенных штатов принять выражение «важнейшие интересы», которые предложил автор.

Прошло больше десяти лет с тех пор, как японское правительство и Совет исследования внешней политики, подняв такой шум насчет вопроса о сферах влияния в Китае, не могли

притти ни к какому решению. Что стало со сферами влияния? Почему мы о них больше не слышим? Потому что они являются лишь формой выражения вышедших из моды принципов национальной экспансии и агрессивной дипломатии. Они умерли естественной и ранней смертью, и сейчас они не более чем анахронизм. Когда автор из Вашингтона послал предложение об их упразднении, сферы влияния были еще ценной дипломатической монетой, за которую Япония могла бы получить большие для себя выгоды. Теперь они не стоят старых, изношенных сандалий. Приходится сожалеть, что ими не воспользовались, когда они еще имели цену.

г. Толкование государственным секретарем Лансингом специальных интересов Японии в Китае

> «Специальные интересы» Японии в Китае, о которых говорится в соглашении Исии — Лансинг, не являются политическими. Виконт Исии также считал, что в фразу «специальные интересы» не должно вкладываться никакого политического смысла. Это ясно из того, что он предложил выражение «специальные интересы и влияние» после того, как я отверг выражение «важнейшие интересы», которые он предложил вначале».

Это — удивительное толкование. Однако, прежде чем его рассмотреть, надо вспомнить обстоятельства, при которых оно было дано. Сенатор Бора и другие республиканские сенаторы допрашивали Лансинга на заседании комиссии по иностранным делам. Они хотели знать, почему правительство демократов согласилось «уступить» Японии специальные права в Китае и как случилось, что виконт Исии перехитрил Лансинга. Будучи вынужден придать наименьшее значение специальным интересам, «уступленным» американским правительством, Лансинг не мог дать никакого другого толкования.

Как уже неоднократно повторялось, выражение «специальные интересы» употреблялось до японо-американской декларации. В первой статье (первого) англо-японского договора о союзе находится то же самое выражение для объяснения особых интересов Великобритании и Японии в Китае; поэтому, чтобы быстрее всего и вернее всего установить настоящее значение этого термина, надо обратиться к англо-японскому договору. Объяснение фразы «специальные интересы», упомянутой в первой

статье, можно найти во вступлении к договору, а именно:

> «Правительства Японии и Великобритании, движимые исключительно желанием сохранить status quo и всеобщий мир на Дальнем Востоке и будучи, кроме того, специально заинтересованы в сохранении независимости и территориальной целостности Китайской империи и Корейской империи и в обеспечении в этих странах равных возможностей для торговли и промышленности всех государств, соглашаются…»

Итак, специальные интересы Японии и Великобритании в Китае следующие: во-первых, сохранение независимости и территориальной целостности Китая и, во-вторых, обеспечение равных возможностей для торговли и промышленности всех государств. Следовательно, специальные интересы Японии в Китае заключаются в независимости и территориальной целостности Китая и в равных возможностях для торговли и промышленности. Ввиду того что выражение «специальные интересы» обычно понимается как относящееся только к политическим вопросам, в японоамериканской декларации одна статья говорила о специальных интересах, а другая — о принципе открытых дверей и равных возможностей. Другими словами, господин Лансинг признал, что «специальные интересы» относились в основном к политическим вопросам, и поэтому он включил в соглашение отдельные параграфы, которые касались коммерческих и промышленных дел. Если, как господин Лансинг объяснил в комиссии по иностранным делам, специальные интересы Японии в Китае были не политические, то какие же они могли быть? Может быть, экономические и финансовые, одним словом, коммерческие? Но если это были коммерческие, то не были ли лишними и не имеющими смысла следующие параграфы относительно открытых дверей и равных возможностей?

Первоначально, для того чтобы защитить жизнь и собственность своих граждан в Китае, державы при помощи договоров приобрели экстерриториальные права и права консульского суда. Оба этих права имеют политический характер. Для специальных прав в торговле и промышленности имелись отдельные статьи. С увеличением количества иностранных резидентов и с расширением капиталовложений в Китае политические и коммерческие интересы сильно возросли. Во время заключения англо-японского союза английские граждане в Китае были после японских подданных самыми многочисленными. Английские капиталовложения в Китае были

самыми крупными; они превышали даже японские. Вдобавок Великобритания владела Гонконгом и Вэйхайвэем. Что касается Японии, то количество ее подданных в Китае далеко превосходило все другие страны, а ее капиталовложения были, на втором месте после Великобритании. Но нет необходимости сравнивать цифры резидентов и капиталовложений, чтобы увидеть, что у Японии были и специальные интересы в Китае. Историческое прошлое Японии, в особенности японо-китайская война, тройственное вмешательство и, наконец, русско-японская война, во время которой Япония, чтобы изгнать Россию из Манчжурии, поставила на карту свое национальное существование, ясно показывают, каковы были эти интересы. Однако не надо даже обращаться к истории, чтобы доказать, что Япония имеет основания требовать специальных прав в Китае. Перед нами факты географии — узкая полоса воды, отделяющая Формозу от провинции Фуцзянь, и общая граница длиной в 200 миль в Корее. Нет необходимости вдаваться во все эти подробности. Всему миру хорошо известно, что Япония так же связана с Китаем, как зубы с губам, как колесо с осью. Вместо того чтобы снова повторять все эти доводы, будет интереснее привести здесь несколько заметок, которые сделал автор, читая заявление Лансинга в комиссии по иностранным делам сената.

> «Пусть посторонние думают, что хотят, о тех специальных интересах Японии в Китае, о которых говорится в японо-американской декларации. После того как было опубликовано мнение, высказанное в сенате одним из лиц, подписавших декларацию, второе лицо, подписавшее ее, считает нужным изложить на бумаге свои взгляды по этому вопросу.
>
> Чтобы понять смысл японо-американской декларации, известной под именем соглашения Исии — Лансинг, надо изучить переговоры, которые привели к ее подписанию. Вначале я предложил слова «важнейшие интересы», а впоследствии выбрал выражение «специальные интересы и влияние», потому что по смыслу оно ближе подходило к словам, «важнейшие интересы». Я прибавил слово «влияние» потому, что мне казалось, что термин «специальные интересы» не полностью передавал политическое значение декларации, а также потому, что по взаимному соглашению я желал придать декларации политический характер. Поэтому заявление Лансинга о том, что я не вкладывал в фразу «специальные интересы»

политического значения, ни на чем не основано. Нельзя отрицать тот факт, что те «специальные интересы», которые в этой декларации Соединенные штаты признали за Японией, были политическими интересами, а экономические интересы играли в декларации лишь второстепенную роль. В ином случае японоамериканская декларация не имела бы никакого смысла.

Если бы, как Лансинг объяснил в сенатской комиссии, эти «специальные интересы» были исключительно экономическими и не имели политического значения, то это было бы нарушением принципов равных возможностей и открытых дверей, о которых говорилось в других статьях декларации. Как может Япония иметь особые экономические интересы в Китае, в то время как принципы равных возможностей и открытых дверей остаются в силе? Со времени русско-японской войны Япония неоднократно заявляла, что она не намерена монополизировать торговлю и промышленность Манчжурии. Разве эти декларации не стали возможными только потому, что Япония одобрила и признала правильность американской политики открытых дверей в Китае? Если бы Япония стремилась к специальным экономическим интересам в Китае, разве она давно не попыталась бы закрыть двери и начать гонения против иностранцев в Китае? Кроме того, территориальная близость не является основанием для специальных коммерческих и экономических отношений, и нет ничего необычного и удивительного, когда два соседних государства ведут лишь незначительную торговлю между собой, а имеют тесные коммерческие и экономические связи с другими странами, находящимися на расстоянии десятков тысяч миль. В Южной Америке, например, торговля и капиталовложения Великобритании и довоенной Германии далеко превосходили торговлю и капиталовложения Соединенных штатов. Такое же положение наблюдалось в Мексике и Центральной Америке. В торговле Китая первые места занимают не Сиам или Аннам, а Великобритания, Япония, Германия и Соединенные штаты. А Сиам ведет торговлю в основном не со своими соседями — Китаем или Индией, а с Англией и Германией. Одним словом, спрос и предложение на мировых рынках никоим образом не зависят от территориальной близости и географии.

Рассматривая этот вопрос со всех точек зрения, я не могу обнаружить никакой последовательности в утверждениях Лансинга о том, что Япония имеет специальные интересы в Китае на основании территориальной близости и географического положения, и в его заявлении о том, что эти интересы не являются политическими».

д. Основное значение специальных интересов Японии в Китае

«Каковы же специальные интересы Японии в Китае? И почему Япония настаивала на них? Чтобы ответить на эти два вопроса, я несколько разовью заявления, которые я сделал Лансингу, и для примера приведу несколько возможных положений.

1. Возникновение в Китае стихийных бедствии, которые угрожали бы жизни и собственности иностранцев, в том числе японцев.

2. Появление в Китае серьезных эпидемий, которые подвергли бы опасности жизнь и собственность иностранцев, в том числе японцев.

3. Вспышка гражданских войн в Китае, которые нельзя было бы подавить.

4. Рост опасных мыслей в Китае, которые, возможно, распространились бы в другие страны.

Что при вышеуказанных гипотетических обстоятельствах предпримут иностранные правительства и их граждане и что сделают японское правительство и японские резиденты? В случае опасности и бедствий, помимо помощи, которую окажут дружественные правительства и дружественные иностранцы из филантропических мотивов, европейские и американские правительства и их граждане могут в конечном счете продать свою собственность и удалиться из Китая. Но японское правительство и японские подданные не могут таким простым путем выйти из затруднительного положения.

Если Китай будет разорен стихийными бедствиями, если начнутся эпидемии и на улицах будут валяться трупы, если гражданская война станет обычным явлением в Китае, если Китай превратится в очаг

большевизма, — существование европейских и американских государств не будет находиться под прямой угрозой. Положение же Японии иное, потому что она не может существовать без Китая, а японский народ не может прожить без китайского. Чем бы Китай ни болел — гражданской войной, эпидемией или политическими ересями, — зараза перекинется в Японию, и японский народ будет также страдать. Эти соображения лежат в основе необычайной заинтересованности Японии в Китае и делают Китай столь важным для Японии. Независимо от того, нравится ли это Японии или нет, небеса и природа предрешили для нее такую судьбу, и она не может ее избежать. И европейские и американские страны, даже если бы они хотели этого, не могут изменить специальные отношения Японии с Китаем, потому что эти отношения являются неизменной действительностью. Когда европейские и американские государства оказывают помощь Китаю, сооружая плотины против наводнений, улучшая здравоохранение и борясь против эпидемий, когда они пытаются усовершенствовать методы правления страной и устранить поводы к народным волнениям в Китае, когда они стараются распространить культуру и преодолеть вредные идеи, они делают это лишь из соображений гуманности. Но Япония находится в ином положении. Япония должна оказывать помощь Китаю не только в интересах гуманности, но и для самосохранения. Так же как интересы Японии в Китае несравненно шире и важнее интересов других стран, так и ее ответственность и влияние в китайских делах должны быть значительно больше. Вот что подразумевается под специальными интересами Японии в Китае.

Так как основное значение выражения «специальные интересы Японии в Китае» — политическое, то и значение соглашения Исии — Лансинг — политическое. Разве может быть иначе, если соглашение начинается признанием специальных интересов Японии в Китае и в дальнейшем указывает, что хотя Япония имеет специальные интересы в Китае, «тем не менее территориальный суверенитет Китая остается незыблемым».

Если, как объяснил Лансинг, специальные интересы Японии имеют экономический, а не политический

характер, то зачем поднимать вопрос о территориальной целостности Китая и какой смысл в ограничивающих словах «тем не менее»? Эти слова были включены потому, что политические интересы были основным предметом переговоров, и потому что, признавая эти интересы, необходимо было каким-то словом оградить территориальный суверенитет Китая.

По этим причинам я без колебаний заявляю, что под специальными интересами Японии в Китае подразумевались прежде всего политические интересы и лишь между прочим экономические интересы».

Вышеуказанные заметки были внесены в дневник автора в сентябре 1919 г., когда он, отдыхая в Икао, узнал о защите Лансингом «соглашения Исии — Лансинг» перед комиссией иностранных сношений сената. Автор помнит, что он послал копию этих заметок как справочный материал в министерство иностранных дел и вновь назначенному японскому послу в Вашингтоне, который готовился отправиться к месту своего назначения. В настоящее время автор не видит надобности изменить хоть одно из своих замечаний. Однако надо добавить, что его толкование «специальных интересов» является широким и схематическим. Это только изложение общих принципов. Применение принципов к конкретным обстоятельствам является настоящим, живым делом дипломатии, и то, как эти живые задачи будут разрешены, зависит от способностей дипломатов. Время от времени можно столкнуться с неудачным решением вопроса, но, если тот или иной вопрос бывает неумело разрешен, это не обязательно затрагивает принципы, лежащие в основе этого вопроса.

Газеты и журналы воспользовались критикой манчжурской политики кабинета Танака для того, чтобы высказать свои взгляды относительно специальных интересов Японии в Манчжурии. Этот спор должен бы был возникнуть во время японо-американской декларации, но теперь, спустя двадцать пять лет после опубликования декларации, когда она уже больше не действует, он кажется несвоевременным. Однако лучше поздно, чем никогда.

При изучении мнений, высказанных по этому вопросу, можно видеть, что имеется немало лиц, которые отождествляют специальные интересы («токусю ри-еки») Японии в Манчжурии с арендой Квантуна, Южно-манчжурской дороги, Фушуньских каменноугольных копей и других прибыльных владений. Такой взгляд неправилен. Южно-манчжурскую дорогу, Фушуньские копи

и т. д. надо рассматривать как отражение «специальных интересов» Японии, а не как самые интересы. Японское выражение «токусю ри-еки» — дословный перевод английских слов «специальные интересы», причем «интересы» здесь представляют собой не физические интересы, которые можно взять в руки и которые видны глазом, а интересы, касающиеся благополучия. По-английски обычно употребление слова «интересы» для обозначения дел, касающихся благополучия, поэтому в английском языке не возникают недоразумения при толковании его. По-японски же только одно слово «ри-еки»[86] (в прямом смысле) употребляется для перевода английского слова «интересы», поэтому трудно передать абстрактное значение заинтересованности, в результате возникают ошибки в определении «специальных интересов Японии в Китае». Другими словами, употребление иероглифов «ри-еки» для обозначения английского слова «интересы» привело к тому, что многие японцы повторили ошибку Лансинга и рассматривали специальные интересы в Китае не как политические, а как экономические, например Южно-манчжурская железная дорога, Фушуньские копи и Другие конкретные приобретения. Что касается Лансинга, то с его стороны это было не неправильное толкование иероглифов, а умышленное извращение смысла. Надо полагать, что критика японцами политики их правительства в Китае основана на неправильном понимании иероглифического перевода английского слова «интересы».

Автор вспоминает, что, вернувшись в конце ноября 1919 г., после подписания японо-американской декларации, из Соединенных штатов в Японию, он заметил, что его дом охраняется полицией. Когда он спросил о причине этого мероприятия, ему ответили, что это было мерой предосторожности против возможных выступлений китайских студентов в Токио, которые были взволнованы японо-американской декларацией. Этим студентам казалось, что автор обманом добился признания Америкой некоторых важных японских интересов в Китае, которые ограничивали суверенные права Китая. Этот случай показывает, как иероглифы «ри-еки» могут сбить с толку, если их понимать в буквальном смысле. У китайцев есть пословица, что Япония и Китай с их общей культурой и общим расовым происхождением так же близки друг к другу, как колеса и ось. Если бы было объяснено, что «специальные интересы» Японии в Китае основаны на взаимной зависимости, которая так же велика, как в указанной старой поговорке, то может быть даже китайские студенты повяли бы истинное значение декларации. По сегодняшний день

поразительно много людей вроде тех китайских студентов рассматривает специальные интересы Японии как чисто материальные.

е. Отмена японо-американской декларации

Когда в конце апреля 1923 г., перед отъездом в качестве посла в Париж, автор посетил министра иностранных дел в Касумигасеки, чтобы попрощаться с ним, он узнал удивительную новость. Американское правительство выразило желание, чтобы соглашение Исии — Лансинг считалось более недействительным, и японское правительство удовлетворило это желание. Пока происходили эти переговоры, автор находился в Японии в отпуску, но ему было сообщено о них лишь тогда, когда соглашение уже было отменено. Автор должен был в тот же день уехать в Париж, и, чувствуя, что всякие переговоры по этому вопросу были бы бесполезны, он промолчал. Итак, чтобы угодить новому правительству республиканцев в Соединенных штатах, японо-американская декларация, известная под именем соглашения Исии — Лансинг, была выброшена как ненужный хлам.

Переговоры, которые привели к аннулированию соглашения, не совсем ясны для автора. Можно было предположить, что соглашение было отменено на Вашингтонской конференции, но это не так. На самом деле отмена имела место больше чем через год после конференции, точнее, 14 апреля 1923 г. Вот текст нот, которыми по этому поводу обменялись государственный секретарь Юз и японский посол Ханихара:

> **«Государственный департамент**
> **Вашингтон, 14 апреля 1923 г.**
>
> *Ваше превосходительство,*
>
> Имею честь сообщить вашему превосходительству мое понимание взглядов, которые были выявлены во время недавних переговоров, происходивших между мной и вашим посольством относительно статуса нот, которыми обменялись господин Исии и государственный секретарь Лансинг 2 ноября 1917 г.
>
> Переговоры между нашими двумя правительствами выявили единство мнений, и в свете соглашений, достигнутых на Вашингтонской конференции по

ограничению вооружений, американское и японское правительства согласились считать переписку Лансинг — Исии от 2 ноября 1917 г. отмененной и более недействительной.

Я буду рад получить от вас подтверждение достигнутого соглашения.

Примите, ваше превосходительство, уверения в моем искреннем к вам уважении.

Чарльз Юз.

Его превосходительству господину Масанао Ханихара, японскому послу»

«Японское посольство
Вашингтон, 14 апреля 1923 г.

Сэр,

Имею честь подтвердить получение вашей ноты от сегодняшнего числа с уведомлением меня о вашем понимании взглядов, выявленных во время недавних переговоров, которые происходили между вами и нашим посольством относительно статуса нот, которыми обменялись господин Исии и государственный секретарь Лансинг 2 ноября 1917 г.

Я счастлив подтвердить, согласно инструкций моего правительства, ваше понимание взглядов, выявленных во время переговоров в следующем виде:

Переговоры между нашими двумя правительствами выявили единство мнений, и в свете соглашений, достигнутых на Вашингтонской конференции по ограничению вооружений, американское и японское правительства согласились считать переписку Лансинг — Исии от 2 ноября 1917 г. отмененной и более недействительной.

Примите, сэр, мое уверение в высоком к вам уважении.

М. Ханихара.

Почтенному Чарльзу Юзу, государственному секретарю»

Японо-американская декларация признает три принципа:

специальные интересы Японии в Китае, территориальную целостность Китая и политику открытых дверей и равных возможностей в нем. То обстоятельство, что декларация была отменена, еще не значит, что принципы эти исчезли. Второй и третий принципы были первоначально провозглашены в 1899 г. Хейем, государственным секретарем при правительстве республиканцев. С тех пор они продолжали быть руководящими принципами американской дипломатии по отношению к Китаю. Что касается Японии, то эти три принципа включены в договоры не только с Америкой, но и с Францией, Россией и Великобританией. Поэтому соглашение с одними Соединенными штатами не дает Японии права отказаться от них. Ведь по природе своей эти принципы вечны. Таким образом, отменено только признание американским правительством специальных интересов Японии в Китае, о которых говорилось в первой статье декларации. Но, как уже было отмечено, специальные интересы Японии в Китае — реальность, проистекающая из природных условий и географии, а не созданная по милости Соединенных штатов. Господин Лансинг и автор лишь сыграли роль, так сказать, фотографов, зафиксировавших истинное положение. Если американцы уничтожат позитив, потому что он им не нравится, негатив все же останется. И даже если и негатив будет уничтожен, разве не останется то, с чего эта картина была снята?

Одним словом, специальные интересы Японии в Китае — вечная реальность, которая не нуждается в признании другими странами. Тем не менее такое признание, как показывает пример с Соединенными штатами, бывает иногда полезным. Бесполезно оплакивать то, что ушло уже в прошлое, но специальные интересы Японии в Китае не исчезли. Пусть соглашение Исин — Лансинг отменено, но специальные интересы Японии в Китае продолжают сохранять всю свою силу. Если бы даже специальные интересы Японии в Китае не были признаны международными договорами, все равно их нельзя уничтожить.

Глава седьмая
Лига наций

1. Новая Европа и новый мир

В июне 1912 г. автор впервые поехал во Францию в качестве японского посла. Прослужив там три с половиной года, он возвратился в Японию и в октябре 1920 г. вторично отправился в Париж, снова на пост посла и представителя Японии в Совете Лиги наций. Приехав в Европу во второй раз, он был поражен тем, насколько изменилась за этот короткий срок политическая и дипломатическая атмосфера на европейском континенте. Возвращаясь в последний раз в Японию, он оставил Европу разделенной на два непримиримо враждебных лагеря. Политические деятели были до крайности возбуждены, выступали с воинственными патриотическими речами и вели дипломатические переговоры, словно во время военного похода. Теперь он нашел Европу совершенно другой. Эта новая Европа была чрезвычайно истощена после войны. Вдовы и сироты наполняли города и деревни. Победители и побежденные в одинаковой мере страдали от последствий войны. Правительства, стонавшие под тяжестью государственного долга, и народы, обремененные огромными налогами, были подавлены войной и мечтали о сохранении мира. Дипломатия снова перекочевывала из походной обстановки в залы для совещаний, и политические выступления стали более сдержанными. В самом деле, казалось, родилась новая Европа. Когда автор присутствовал в Женеве на собрании Совета Лиги наций и на первой сессии Ассамблеи Лиги, он был поражен еще одной вещью. В результате постоянного общения друг с другом различные делегаты в значительной мере утратили свой ярый патриотизм и превратились в умеренных и сговорчивых людей, готовых приступить к разумному обсуждению международных вопросов. Войну они теперь считали преступлением и от всего сердца желали мира. Женева была по сравнению с прошлым как бы другой планетой. Премьеры и министры иностранных дел малых и больших европейских государств стали поклонниками мира. Они собирались в этом храме мира. Автор присоединился к этому объединению и вскоре сделался одним из его рьяных почитателей.

Лига наций возникла в результате мировой войны невиданных размеров. Она быстро распространила повсюду свое благотворное влияние. Женева, местонахождение Лиги, стала священным городом, откуда были изгнаны все формы государственного эгоизма, исключительности и изоляционизма и откуда на весь мир провозглашались идеи всеобщего братства и принцип «живи и жить давай другим». В этом священном месте

рождалась миротворная сила, которая распространялась по всем частям света. Лиге было только десять лет от роду, а она уже разрешила мирным путем многочисленные споры между большими и малыми государствами, склонила общественное мнение на сторону мира и добилась огромного успеха.

По просьбе японской ассоциации Лиги наций автор в марте 1928 г. написал для органа «Новый мир и Япония» статью относительно достижений и целей Лиги. Так как его статья соответствует его теперешнему мнению о Лиге, он ее здесь приводит.

> «Прошло восемь лет с тех пор, как была основана Лига, наций, и все те, кто любит мир, могут с удовлетворением отметить достигнутые успехи. Широкие слои населения, по-видимому, судят о Лиге только по осязаемым результатам. Я хочу, напротив, обратить внимание читателей на моральные достижения и работу Лиги.
>
> Пытаясь мирным путем разрешить международные конфликты, Лига в то же время старалась развить и укрепить среди всех стран миролюбивые чувства. Я без колебаний могу заявить, что неосязаемые плоды стараний Лиги, ее попытки внушить миролюбивые настроения имеют гораздо большую цену, чем все ее материальные успехи.
>
> Миролюбивые настроения, пробужденные уроками мировой войны, тянутся к Женеве. Они породили в этом городе тот особый дух, который называется «духом Женевы». Этого нельзя достичь за одну ночь. Необходимо длительное время, чтобы вызвать страсть к нему. Со всех концов света через океаны и горы миролюбивые элементы движутся к Женеве, где они объединяются и превращаются Лигой наций в «дух Женевы».
>
> Эта атмосфера особенно хорошо излечивает от военной лихорадки и отбивает охоту к войне. Через женевскую лупу международные конфликты представляют собой поистине удивительное зрелище. Эта лупа безошибочно обнаруживает софистику и выявляет истинное значение любого дела. Вот какое впечатление создалось у меня после семи лет, проведенных в женевской атмосфере в непосредственной близости к Лиге.
>
> Пакт Локарно[87] — вундеркинд, порожденный

женевским духом.

Чем внимательнее изучаешь пакт Локарно, тем очевиднее становятся его достоинства. Повсюду считается, что лучший путь к мирному разрешению международных конфликтов есть признание обязательной передачи международных конфликтов на арбитраж. Однако требуется большая решимость, чтобы связать себя подобным обязательством; и чтобы набраться решимости, в свою очередь необходимы большое мужество и твердость.

Под руководством и под влиянием Бриана и Штреземана Франция и Германия в какой-то мере признали необходимость арбитража. Это было замечательным событием и большим шагом вперед в международных отношениях. Если бы подобное соглашение было заключено между каким-нибудь южноамериканским государством, скажем Бразилией, и какой-нибудь европейской страной, например Швейцарией, то оно не особенно послужило бы делу мира, потому что заключение такого пакта не потребовало бы ни от одной стороны особых жертв и тяжелой работы. Трудно представить, чтобы между ними возник какой-нибудь серьезный географический или политический конфликт. Кроме того, другие государства, по всей вероятности, не стали бы им подражать. Напротив, пакт об обязательном мирном решении конфликтов между такими двумя великими державами, как Франция и Германия, которые имеют общую границу и которые в прошлом много раз вели между собой отчаянные войны, имеет вид настоящего антивоенного договора и подает прекрасный пример другим странам. Я повторяю: пакт Локарно, который обязывает Францию и Германию передавать на арбитраж все конфликты между ними, является важным этапом на пути к всеобщему миру. Нобелевская мирная премия увенчала главных инициаторов пакта — Бриана, Штреземана и Остина Чемберлена.

Как же случилось, что Франция и Германия, которые раньше никогда не могли мирно ужиться, смогли заключить договор об арбитраже? Это, несомненно, было результатом семилетнего мирного влияния Лиги наций. Другими словами, «дух Женевы» сблизил эти две непримиримые стихии. Семена, посеянные Лигой, были оплодотворены «женевским духом» и произвели на свет

Локарнский договор. «Дух Женевы» ослабил напряженное положение между Францией и Германией и способствовал заключению договора. Но это было еще не все. «Дух Женевы» распространился по всему свету, и теперь мы видим, как в питомнике Лиги вызревают балканское Локарно и балтийское Локарно. Как далеко распространяется влияние Женевы, можно судить хотя бы по тому, что теперь ходят слухи даже о тихоокеанском Локарно.

Как уже было сказано, «дух Женевы» образовался потому, что к Женеве тяготели миролюбивые элементы во всем мире. Этот дух, созданный центростремительной силой миролюбия, теперь действует как центробежная сила и далеко разносит ненависть к войне и агрессии и любовь к миру».

Подписывая Версальский мирный договор, покойный император Тайсё сказал мудрые слова: «Я искренно рад, что достигнуто новое соглашение, которое укрепит постоянный мир, и я счастлив, что закончено создание Лиги наций». В то же время он приказал своим министрам и народу «придерживаться всеобщих международных правил и соблюдать великие законы мира, с тем чтобы миротворческая работа Лиги наций была доведена до конца». Чтобы императорский приказ был исполнен, каждый японец должен соблюдать дух этого приказа и быть хорошим гражданином нового мира.

2. Прогресс и теперешнее состояние Лиги

Вначале в состав Лиги наций входили Соединенные штаты, Великобритания, Франция, Италия, Япония и другие союзные державы, подписавшие Версальский договор, всего тридцать две страны. Позже, по приглашению Лиги, еще тринадцать государств, в том числе Аргентина, Чили, Голландия и Испания, стали членами Лиги. Таким образом, количество членов Лиги было доведено до сорока пяти. С течением времени, подав, в соответствии с условиями устава Лиги, заявления о приеме, вступили в Лигу Албания, Болгария, Австрия, Финляндия, Люксембург, Эстония, Литва, Латвия, Венгрия, Ирландия, Абиссиния, Сан-Доминго и Германия. Теперь число членов Лиги достигло пятидесяти восьми. Однако, ввиду того что Соединенные штаты, Эквадор и Геджас не ратифицировали договора о вступлении в Лигу наций, а Бразилия впоследствии вышла из Лиги, число ее членов уменьшилось до пятидесяти четырех. Оплата расходов Лиги распределяется между странами следующим образом (из-за вступления и последующего ухода из Лиги доля Коста-Рика исключена из этой таблицы):

Государство	Ежегодные взносы (в круглых цифрах, в тыс. иен)	Государство	Ежегодные взносы (в круглых цифрах, в тыс. иен)
Великобритания	1 050	Перу	90
Франция	790	Норвегия	90
Германия	790	Австрия	80
Италия	600	Венгрия	80
Япония	600	Греция	70
Индия	560	Уругвай	70
Китай	460	Колумбия	60
Испания	400	Португалия	60
Канада	350	Болгария	50
Польша	320	Персия	50
Аргентина	290	Венецуэла	50
Бразилия	290	Боливия	50
Чехо-Словакия	290	Литва	40
Австралия	270	Эстония	30
Голландия	230	Латвия	30
Румыния	220	Абиссиния	20
Югославия	200	Албания	10
Швеция	180	Сан-Доминго	10
Бельгия	180	Гватемала	10
Швейцария	170	Панама	10
Южно-Африканский союз	150	Сальвадор	10
Чили	140	Гондурас	10
Дания	120	Гаити	10
Финляндия	100	Либерия	10
Ирландия	100	Люксембург	10
Новая Зеландия	100	Никарагуа	10
Куба	90	Парагвай	10
Сиам	90		

Примечание. Взносы различных государств, указанных в таблице, определялись на основании природных богатств и

национальной мощи и утверждались после прений на Ассамблее Лиги. Поэтому они интересны как показатели относительного значения стран мира.

Лига наций — верховный орган сохранения всеобщего мира. Этот орган состоит из двух частей — Ассамблеи и Совета. Сессия Ассамблеи собирается каждый год в первый понедельник сентября в Женеве, в Швейцарии, и продолжается долгий или краткий срок, в зависимости от количества и характера поставленных вопросов. Однако, как правило, она тянется от трех недель до одного месяца. Когда бывает надобность, созывается чрезвычайная сессия Ассамблеи, как, например, сессия в марте 1926 г., которая должна была решить вопрос о вступлении в Лигу Германии. Каждое государство может послать на Ассамблею не больше трех делегатов. Совет в настоящее время состоит из представителей четырнадцати стран, пять из которых (Великобритания, Франция, Италия, Япония и Германия) являются постоянными членами, а девять выбираются на определенный срок Ассамблеей.

Кроме этих двух основных органов, при Лиге состоят Постоянный международный суд и Международное бюро труда. О первом будет речь в конце главы. Последнее является органом, созданным на основании XIII главы Версальского договора, и, за исключением бюджета и назначения должностных лиц, совершенно независимо. В настоящей работе автор не будет останавливаться на том, как случилось, что рабочий вопрос каждой страны стал подведомствен Лиге и как этот рабочий вопрос оказался связанным с международным миром.

Кроме этих двух полунезависимых органов, в системе Лиги действуют многочисленные подсобные учреждения, как, например, постоянный совещательный комитет по морским, сухопутным и воздушным вооружениям, комитет связи, экономический и финансовый комитет, комитет по гигиене, комитет по опиуму и комитет по защите женщин и детей. Все эти комитеты были организованы на основании устава Лиги. Они должны выполнять работу, связанную с задачами Лиги, и прямо или косвенно способствовать всеобщему миру. Так как многие другие сочинения о Лиге наций подробно описывают конституцию, работу и достижения этих подсобных органов, то подобное описание их не будет дано в настоящих комментариях.

3. Ассамблея и Совет Лиги

a. Отношения между Ассамблеей и Советом

Отношения между Ассамблеей и Советом носят своеобразный характер и не имеют параллели в каких-либо других подобных учреждениях. Некоторые сравнивают Ассамблею с законодательной властью, а Совет — с исполнительной, но это сравнение неосновательно. Другие сопоставляют Ассамблею с низшей, а Совет — с высшей законодательной палатой, однако такая аналогия обнаруживает теоретическое и практическое незнакомство с уставом Лиги. Здесь необходимо подчеркнуть, что Ассамблея (второй параграф третьей статьи устава) и Совет (четвертый параграф четвертой статьи устава) оба обязаны и имеют право заниматься отдельно и независимо друг от друга любым вопросом, попадающим в сферу действия Лиги и касающимся всеобщего мира. В отличие от законодательного собрания, где законопроект не входит в силу до тех пор, пока он не будет одобрен обеими палатами, в Лиге решение, одобренное одной лишь Ассамблеей или одним Советом, вступает в силу и не должно быть передано другому органу на утверждение. Что касается многочисленных вопросов, переданных по условиям мирного договора или устава в ведение одного из этих органов, то в тех случаях, когда затронут вопрос о мире, один орган может делать замечания и высказывать свое мнение другому органу. Например, на основании XXII статьи устава вопросы, касающиеся мандатов, должны решаться в Совете, но, ввиду того что эти дела подпадают под сферу действий Лиги и имеют влияние на всеобщий мир, они неизменно ставятся на обсуждение ежегодных собраний Ассамблеи. Вопросы, связанные с военным контролем бывшей вражеской территории (статья 213 Версальского договора), тоже относятся к этой категории. Одним словом, Ассамблея и Совет независимы друг от друга и имеют равное значение. Если вообще проводить параллели между различными формами представительных учреждений, то Ассамблею и Совет Лиги можно сравнить с исполнительной властью, а входящие в состав Лиги государства, которые могут поддержать и одобрить действия исполнительной власти, — с законодательной. Однако государства, входящие в состав Лиги, находятся в отдалении от Лиги и не собираются на общее собрание; они держат связь с Лигой индивидуально, путем переписки.

Ассамблея и Совет — два совершенно независимых органа,

но они работают, как два крыла или два колеса Лиги. Их отношения всегда были гармоничны, и они справедливо могут гордиться, что до сих пор между ними не было и намека на столкновение или вражду. Эти два органа отделены друг от друга, но по существу они едины и по своим целям и намерениям составляют одно целое. Представитель каждого члена Лиги в Совете является в то же время главным делегатом этой страны в Ассамблее, и то обстоятельство, что представители четырнадцати членов Совета (т. е. пяти великих держав и девяти держав, выбранных в Совет Ассамблеей) также занимают первые места в Ассамблее, способствует предотвращению конфликтов между Ассамблеей и Советом. Кроме того, Ассамблея и Совет стремятся к одинаковой цели — к благополучию всех народов и ко всеобщему миру, и поэтому в конечном счете они разделяют бремя одной и той же работы. Непрактично часто созывать сессии Ассамблеи, в которую входят представители, съехавшиеся на короткий срок со всех концов света. Даже ежегодные сессии кажутся слишком обременительными, и представители всех отдаленных стран надеются, что со временем Лига настолько укрепится, что будет достаточно проводить сессию раз в два или даже в три года. С самого начала Ассамблея была занята великим делом укрепления всеобщего мира и другими вопросами, которые имеют косвенное отношение к миру. Подобного рода деятельность не приносит плодов в один день. Прогресса надо ждать терпеливо, не теряя надежды, многие годы. Кроме того, характер работы, которой занимается Ассамблея, не требует повседневных занятий. Напротив, Совет состоит из небольшого числа членов, может собираться с меньшим трудом и чаще. Кроме того, когда ответственность падает на немногих, от них можно ожидать большей серьезности и обстоятельности. С января 1920 г. Совет собирался приблизительно шестнадцать раз, или в среднем шесть раз в год. Совет занимался, главным образом, разрешением международных конфликтов. Ассамблея же, которая должна укреплять всеобщий мир, занимается созидательной работой для будущего. Следовательно, одной из ее обязанностей является воспитание общественного мнения путем пропаганды во всем мире. Совет тоже трудится для дела мира, но его задачи более непосредственные, — он старается сделать государства более миролюбивыми и более сговорчивыми для разрешения мирными путями возникающих конфликтов.

б. Ассамблея и вопрос об ограничении вооружений

Закладывая фундамент всеобщего мира, Ассамблея первым делом обратилась к вопросу об ограничении вооружений. Обеспечение национальной безопасности является необходимым условием разоружения, поэтому в качестве такого обеспечения в 1923 г. было предложено заключить пакт о взаимной помощи. Согласно статьям X и XVI устава, каждое входящее в состав Лиги государство, если его независимость находится в опасности или его территория подверглась нападению, имеет право получить помощь от других членов Лиги. Но статьи, предусматривающие эту помощь, неопределенны и не указывают, как далеко должна идти эта помощь и как скоро она должна быть оказана, поэтому один устав Лиги не дает достаточной гарантии членам ее. Целью проекта пакта о взаимной помощи было упразднить этот недостаток. Однако ввиду несогласия Великобритании и двух или трех других держав эти мероприятия не удалось осуществить. Вопрос об ограничении вооружений затрагивает не только страны, являющиеся членами Лиги, поэтому он будет рассмотрен в следующей главе.

в. Женевский протокол

В 1924 г. Ассамблея единогласно одобрила так называемый Женевский протокол[88], который предусматривал полное упразднение войн. Быстрота, с которой этот протокол был принят, заставила более серьезных приверженцев Лиги задуматься. Однако вскоре легкомысленные делегаты получили серьезный урок. Незадолго до утверждения Женевского протокола премьер лейбористского правительства Великобритании Макдональд и премьер Франции радикал-социалист Эррио, оба рьяные защитники мира, пригласили на дружескую конференцию в Лондон премьера и министра иностранных дел Германии. Принятием плана Дауэса[89] и соглашением о выводе французской оккупационной армии из Рурской области им удалось разрешить вопрос о немецких репарациях. Эти события оказали большое влияние на политику всей Европы. Они превратили европейскую дипломатию из военной в мирную и дружескую. Это главное достижение либеральных, миролюбивых французских и английских кабинетов было с удовлетворением встречено во всем мире. Действительно, это было выдающееся мировое событие за июль и август 1924 г. Воодушевленные успехом на Лондонской конференции, Макдональд и Эррио приехали в Женеву с намерением добиваться новой победы на

Ассамблее Лиги. Они установили мир в Европе и попутно готовились упрочить мир в остальных частях света. До сих пор в Ассамблее и в Совете всегда были существенные разногласия между Великобританией и Францией, и в этих спорах другие страны принимали одну или другую сторону. Однако эти разногласия в конце концов улаживались уступками и компромиссами. На этот раз положение было иным. Премьеры Великобритании и Франции сотрудничали, и. надо было ожидать их полной победы. Кроме того, оба премьера предлагали мероприятия для укрепления всеобщего мира (ограничение вооружений и обязательный арбитраж), которые соответствовали желаниям общественного мнения других стран, в особенности малых. Были все основания предполагать, что ни одна рука не поднимется против, и движение за немедленный всеобщий мир, как бешеный поток, прорвавший плотину, сметет с пути все препятствия.

Охваченные психозом толпы, женевские деятели проявляли фанатическое рвение и порешили на первом же собрании составить Великую хартию всеобщего мира. Было решено предложить третьей комиссии тотчас же заняться вопросом (который был в ей ведении) о сокращении вооружений; а первой комиссии было предложено: 1) изменить те статьи устава, которые признавали возможность войны при определенных обстоятельствах, с тем чтобы возможность войны была полностью уничтожена, и 2) составить проект статей, которые сделали бы обязательным мирное разрешение всех международных конфликтов путем арбитража. Некоторые даже требовали, чтобы государство, нарушившее эти статьи, было бы объявлено агрессором и нарушителем мира и наказано общими усилиями членов Лиги. Намерения этих людей были, несомненно, благородны и идеалы их прекрасны, но разве можно разрешить непродуманными действиями такую гигантскую задачу, как установление вечного мира?

Японские делегаты опасались, что сооружение, которое так поспешно воздвигалось на песке, станет предметом всеобщих насмешек и будет препятствовать дальнейшим успехам Лиги. Они желали, чтобы развитие Лиги было постепенным и подлинным. Они пытались охладить пыл своих коллег, но те настолько разгорячились, что не могли прийти в себя от одного холодного компресса. Энтузиасты мира были похожи на охотников, которые заблудились в лесу в поисках оленя. Они напрасно спешили в своей работе и создали неудачный продукт. Это было особенно верно в отношении определения агрессивной войны и практических выводов из этого определения. Энтузиасты

предложили считать агрессором ту сторону, которая нанесла первый удар, даже если война началась из-за спора, который Совет Лиги, согласно параграфу седьмому статьи XV устава, считал внутренним делом, находящимся вне компетенции Лиги. На собрании подкомиссии первой комиссии все делегаты, за исключением японского, голосовали за это предложение.

Параграф седьмой статьи XV устава предусматривает, что если одна из сторон во время спора заявляет, что на основании международного права разбираемый вопрос является вопросом внутренней политики и не подлежит международному арбитражу и если Совет это подтвердит, то он не должен выносить никакого решения по этому вопросу. Для иллюстрации практического применения предложения Ассамблеи предположим, что между Соединенными штатами и Японией возникнет конфликт по поводу несправедливого отношения к иностранцам в Соединенных штатах, и предположим, что этот спор будет представлен на рассмотрение Совета Лиги. Допустим, что, согласно утверждению американского правительства, Совет заявляет, что этот спор касается внутренней политики Соединенных штатов; поэтому Совет не может дать какое-либо заключение и предложить какое-либо решение. Конфликт этот, от рассмотрения которого уклонилась Лига, становится все серьезнее, и, наконец, между двумя странами возникает угроза войны. Япония, которой сказали в Лиге, что она не имеет права вмешиваться во внутренние дела Америки, берется за оружие. Тогда Лига объявляет Японию агрессором и призывает всех членов Лиги начать против нее карательную войну. Трудно поверить, чтобы подкомиссия могла принять такое неразумное предложение.

Конечно, автор считает, что война между Японией и Америкой ни при каких обстоятельствах не может возникнуть. Но, когда было, опубликовано абсурдное предложение подкомиссии первой комиссии, японские делегаты, до сих пор молчавшие, вынуждены были высказать свое мнение. Они лично посетили делегатов главных держав и сообщили им об абсолютном несогласии Японии с предложением подкомиссии. Японские делегаты заявили, что успеха в разрешении этого вопроса можно было бы ожидать только в случае, если это предложение будет отвергнуто или принято с изменениями, предложенными Японией. На это их опрометчивые коллеги ответили, что если Япония не согласна с предложением, она сможет, когда придет время для голосования, воздержаться от голосования, а они не могут допустить, чтобы дело такой важности провалилось из-за несогласия Японии. Некоторые даже

угрожающе намекали, что при таких условиях ответственность за всеобщий мир ляжет всецело на плечи Японии. На эти замечания японские делегаты отвечали, что Япония полностью берет ответственность за свои поступки, но в этом чрезвычайно серьезном вопросе она желает уклониться от ответственности за ошибки, которые были результатом чрезмерной поспешности. Япония ни в коем случае не воздержится от голосования по вопросу такой важности, а со всей решительностью подаст свой голос против.

В конце сессии Ассамблеи произошло неожиданное смятение из-за отказа японских делегатов присоединиться к их нетерпеливым коллегам. Этот случай впоследствии стал называться «японским инцидентом». После выступления японской делегации главные деятели Совета, председатель и некоторые другие члены Ассамблеи устроили закрытое собрание, на котором обсуждались причины возникновения подобного положения. На этом собрании автор заметил, что Лига решила чрезвычайно серьезный вопрос легкомысленно и с необоснованной поспешностью и что предложение подкомиссии было неразумно. Он сравнил положение стороны, которую считали агрессором, с положением сильно страдающего больного, который пришел к врачу за помощью. Несчастному отказали в лечении, потому что врач не был специалистом по этой болезни. Не будучи в состоянии больше терпеть боль, больной тогда принял яд. Неужели, спросил автор, Лига накажет больного за то, что он незаконно принял яд?

Представитель Франции Бриан первый выступил с ответом на иносказательный вопрос автора. Отметив, что доводы виконта Исии были разумны и вопрос действительно был серьезный, он признал, что предложение подкомиссии не было вполне удовлетворительным. Далее Бриан выразил личное мнение, что надо каким-то образом пойти навстречу возражениям Японии. Затем и другие участники собрания пришли к точке зрения Бриана. Тогда было решено пересмотреть предложение подкомиссии. Позднее предложение было пересмотрено в соответствии с желаниями Японии, и так называемый японский инцидент был благополучно ликвидирован. Впоследствии представители различных стран, среди которых многие разделяли точку зрения Японии, но не смели в этом признаться, посетили японское представительство и выразили свое удовлетворение по поводу успеха Японии.

Различные делегации теперь осознали необходимость тщательного рассмотрения и изучения Женевского протокола. Со временем этот протокол был утвержден, но не как официально

подписанный договор, а в форме постановления Ассамблеи. В этом постановлении предлагалось просить государства, являющиеся членами Лиги, высказать свое мнение относительно протокола. Итак, гора после больших усилий родила мышь, а с течением времени из-за постоянных возражений Великобритании появились сомнения, жива ли мышь. С 1924 г. на каждой сессии Ассамблеи поднимался вопрос о Женевском протоколе, а в 1927 г. в Ассамблее была высказана мысль, что если протокол еще жив, то его надо сделать более эффективным, а если он мертв, его надо возродить. Однажды, в сентябре 1927 г., в Женеве во время сессии Ассамблеи, на завтраке Международного общества печати, автор в присутствии своих коллег из Совета выступил с небольшой речью, суть которой была в следующем:

> «Меня постоянно спрашивают, жив ли Женевский протокол. На это я заявляю, что ответ на этот вопрос зависит от страны, в которой он задается, так же как от лица, который его задает. Вместо прямого ответа я расскажу японскую аллегорию.
>
> В начале XVII века Япония все еще страдала от гражданских войн, которые бушевали много сот лет. Ее народ жаждал мира. Как бы в ответ на это желание на исторической сцене один за другим появились три великих человека — Ода Нобунага, Тойотоми Хидейоси и Иэясу Токугава. Все они стремились к тому, чтобы объединить страну вокруг сильного правительства. Эта цель была, наконец, достигнута при Иэясу Токугава. Кто-то удачно сравнил характер и методы этих трех людей в стихотворении из трех семнадцатисложных строф типа «Хайку». Темой стихотворения служило отношение каждого из трех вождей к кукушке, которая никак не могла начать петь.
>
> Ода Нобунага сказал бы:
> «Если кукушка не поет — убейте ее».
> Тойотоми Хидейоси в свою очередь сказал бы:
> «Если кукушка не поет — заставьте ее петь».
> А Иэясу Токугава сказал бы:
> «Если кукушка не поет — давайте подождем, пока она запоет».

Как показывает это стихотворение, Нобунага был нетерпелив и своенравен, Хидейоси — горд и деспотичен, а Токугава —

терпелив и мудр.

Своим мудрым и терпеливым правлением последний из трех вождей объединил небольшой японский мир под твердой властью дома Токугава, и в течение трехсот лет страна наслаждалась миром и спокойствием. В истории различных стран мира я не мог найти столь длительного периода спокойствия. Я надеюсь, что Лига наций, чья цель заключается в укреплении всеобщего мира, будет осторожна и не убьет кукушку мира, а подождет, пока она сама запоет свою сладостную песню. При настоящей международной обстановке мне кажется, что это будет самый мудрый путь».

На следующий день парижский «Petit journal» на видном месте поместил заметку об этом завтраке в Женеве, причем было сказано, что японская притча виконта Исии, которую он рассказал с намеком на Женевский протокол, очаровала слушателей своей тонкостью и мудростью. Газета добавила, что эта притча должна отражать отношение к Женевскому протоколу.

Злосчастный случай с Женевским протоколом показал Лиге, как опасно пытаться решать большие вопросы поспешно и необдуманно. Теперь она подходит к великой задаче международного мира осторожно и спокойно. Подготовительная комиссия по сокращению вооружений уже четвертый год изучает вопрос о вооружениях, а другая подкомиссия изучает проблему международной безопасности. Нельзя ожидать быстрых успехов в выполнении огромной задачи подобного рода. Работа должна подвигаться медленно, но верно, и все время надо ясно представлять себе законченное сооружение. Несмотря на все, Женевский протокол сыграл важную роль, показав Лиге мудрость политики терпеливой настойчивости.

г. Совет Лиги

В обязанности Ассамблеи в основном входит самая общая работа для будущего, в то время как Совет должен решать непосредственные, повседневные вопросы. Таким образом, задача мирного разрешения международных конфликтов падает на Совет. Поэтому деятельность Совета, несомненно, обращает на себя большое внимание. Когда Совету приходится разбирать жизненные вопросы прав и требований и перед ним разыгрывается драма, в которой участвуют премьеры и министры иностранных дел спорящих сторон, тогда кажется, что Совет

действительно является судьей всего мира.

Вначале Совет состоял из восьми представителей, среди которых было четыре постоянных члена — Великобритания, Франция, Италия и Япония, и четыре временных члена — Испания, Бельгия, Бразилия и Греция. Благодаря своей немногочисленности Совету удалось без труда и в дружественной атмосфере проделать большую работу. Председательское место занимала, по очереди и в алфавитном порядке, каждая из стран, представленных в Совете. Нескольким членам Совета было поручено в качестве комиссий изучить отдельные вопросы. На этих небольших собраниях царила дружественная атмосфера; ни председатель, ни докладывающая комиссия не стремились получить особую власть. Тем не менее распространилось мнение, что Совет был похож на обычный совещательный орган, что от председателя и от докладывающей комиссии фактически зависит решение вопроса. Это предположение породило много критических замечаний, которые иногда забавляли, а иногда раздражали.

На девятом собрании Совета обсуждался следующий вопрос. Данцигский арсенал получил от перуанского правительства заказ на винтовки и военное снаряжение. Заказ был выполнен, и товар был готов к отправке. Данциг — свободный город, и его независимость находится под защитой и контролем Лиги наций в соответствии со статьей 102 Версальского договора, и поэтому Данцигу не разрешено вступать в войну или производить военные материалы. Лига не могла смотреть сквозь пальцы на производство и продажу этим городом орудий войны. Запросив мнение каждого из членов Совета, секретариат Лиги написал доклад, и комиссия объявила его своим официальным докладом по этому вопросу. Автору пришлось в качестве докладчика комиссии читать доклад секретариата на официальном собрании Совета, после чего единогласным голосованием было вынесено решение Лиги по этому вопросу. Перу заказало оружие потому, что ее отношения с соседом Чили были неудовлетворительными. Когда перуанский народ узнал, что в самый последний момент Лига наций задержала отправку оружия, он был чрезвычайно возмущен. Перуанские газеты и журналы не были знакомы с обстоятельствами дела и яростно нападали на Лигу, а перуанское законодательное собрание приняло решение заявить протест Лиге по поводу вмешательства. Раздавались даже призывы к бойкоту японских товаров лишь потому, что докладчиком комиссии оказался японский представитель. Тогда автор объяснил своему перуанскому коллеге в Париже, а японское правительство — перуанскому правительству через японского посланника в Лиме

порядок ведения дел в Совете. После этих объяснений удалось предохранить торговлю двух стран от ущерба.

В другой раз, когда перед Советом стоял вопрос об определении границ Верхней Силезии[90], автору случилось быть председателем. Когда было объявлено решение Совета по этому делу, автор получил от неизвестного немца письмо, полное угроз. Составитель письма объявил, что Бальфур, английский представитель, Буржуа, французский представитель, и автор были зачинщиками этого решения о Силезии, а составитель письма будет орудием божьей кары. Бальфур и Буржуа были выделены, по-видимому, ввиду их выдающегося положения в Совете, но единственной видимой причиной включения в число намеченных жертв автора было его случайное положение в качестве председателя Совета. Непонимание роли председателя Совета и докладывающей комиссии не ограничивалось помешанными немцами, а было свойственно интеллигентным немцам того времени. Через несколько лет после того как Германия вступила в Лигу наций и стала постоянным членом Совета, а немецкий представитель Штреземан был, когда пришла его очередь, председателем Совета, автор рассказал ему о том, как какой-то немец угрожал его жизни, потому что автору пришлось председательствовать во время обсуждения вопроса о Силезии. На шутливый вопрос, не сожалеет ли Штреземан, узнав теперь, какой мягкий человек был тогда председателем, что ему угрожал немец, Штреземан задумчиво ответил, что даже он сам в то время ясно не представлял себе порядка работы Совета. Другие члены Совета также имели неприятности в связи с выполнением своих обязанностей. Эти случаи хорошо показывают, насколько недостаточно было знакомство с работой Лиги в первые дни ее существования.

д. Вопрос о Силезии

Из множества международных конфликтов, успешно улаженных Советом Лиги, следует особенно отметить вопрос об определении границ Верхней Силезии, потому что этот вопрос был особенно удачно разрешен. По площади Силезия не больше острова Сикоку в Японии, но почва ее плодородна и земля богата ископаемыми. Добыча угля в Силезии равна добыче угля во всей Японии. Много лет тому назад прусский король Фридрих II, охваченный алчностью, отнял Силезию у Австрии. Во время Версальской мирной конференции было неофициально

предложено передать эту землю вновь созданному польскому государству, но затем, по настоянию Великобритании, было решено рассмотреть вопрос о Силезии в соответствии с последним параграфом статьи 88 мирного договора. Другими словами, Германия должна была признать границы Верхней Силезии, установленные главными союзными державами, и согласиться на передачу значительной территории Польше. По когда главные союзные державы (Великобритания, Франция, Италия и Япония) начали решать вопрос о границах, то между Великобританией и Францией возникли самые горячие споры, из-за которых Верховный совет нередко должен был откладывать свои заседания. Считаясь с общественным мнением в своих странах, Ллойд Джордж и Бриан не смели уступить друг другу ни на шаг, и их переговоры ни к чему не приводили. Автор и барон Хаяси были представителями империи в Верховном совете, и они регулярно посещали заседания, но спор был такой резкий и позиция спорящих была столь непримирима, что ни им, ни итальянским делегатам не удалось уладить спор.

После полутора лет всевозможных переговоров Верховный совет передал вопрос о Силезии на рассмотрение Совета Лиги. Это случилось, когда срок председательства автора в Совете приближался к концу. Совместно с генеральным секретарем Лиги автор должен был выделить члена Совета в качестве докладчика комиссии. Эта обязанность была предложена испанскому представителю господину Кинонес де-Леону, но, посоветовавшись со своим правительством, он отказался, боясь навлечь на себя злобу французов и англичан. Бельгия и Швеция также имели основания отказаться от места в комиссии. Других подходящих членов не было. Бремя шло, а вопрос был спешный. В конце концов по настойчивой просьбе генерального секретаря Эрика Друммонда автор с согласия своего правительства принял предложение быть докладчиком комиссии. Началась сессия Совета, и на месте председателя оказался Веллингтон Ку, представитель Китая. После того как автор в качестве докладчика комиссии закончил чтение своего доклада, французский представитель Буржуа предложил создать особую комиссию из трех, со специальный председателем, которая занялась бы этим вопросом, столь важным, что его не могли разрешить обычным путем. Кроме того, он предложил избрать Исии, который был хорошо знаком с вопросом, председателем этой комиссии. Бальфур одобрил предложение Буржуа, и, так как остальные члены его поддержали, автору неожиданно было поручено разрешить чрезвычайно важный спор о Силезии.

Председатель и другие члены особой комиссии, а также

работники секретариата Лиги долго и прилежно изучали все тонкости вопросов о Силезии. Через две недели они составили проект решения, который впоследствии был единогласно одобрен Советом Лиги. Верховный совет принял проект решения, предложенный Советом Лиги, и определил границы Верхней Силезии в соответствии с его предложениями. Новые границы не удовлетворяли ни Германию, ни Польшу, из чего можно было заключить, что проект был беспристрастным. В основном решение было встречено благоприятно, и область Силезии, в течение стольких лет не имевшая покоя, снова приобрела мир, которым она пользуется вот уже девять лет. Таким образом, сложный вопрос, не разрешенный методами обычной дипломатии и Верховным советом, был в течение трех недель спокойно улажен дипломатией Лиги наций, т. е. работой Совета. Теперь часто говорят, что огромное уважение, которое завоевала Лига как орган всеобщего мира, имело свое начало в успешном решении вопроса о Силезии.

е. Организация Совета

Совет Лиги стал привлекать к себе все большее внимание. С ростом его престижа обнаружились два явления. Государства, которые не являлись членами Совета, проявляли желание вступить в него и всеми способами стремились попасть туда. В то же время государства, не являющиеся постоянными членами Совета, но выбранные туда, беспокоились во время перевыборов, происходивших каждые два или три года, будут ли они вновь переизбраны, и стремились получить в Совете места постоянных членов.

В этом стремлении не было ничего предосудительного, но практически удовлетворить всех оказалось гораздо труднее, чем раньше предполагалось. Согласно статье IV устава Лиги, Совет должен состоять из представителей основных союзных и связанных с ними держав, а кроме того, из представителей четырех других членов Лиги, которые должны избираться время от времени, по усмотрению Лиги. Вопрос о том, каким образом будут выбираться эти четыре временных члена, оставался нерешенным в течение четырнадцати лет, до седьмой сессии Ассамблеи, в 1926 г. Во втором параграфе той же статьи говорится, что с согласия большинства Ассамблеи Совет имеет право назначить из числа членов Лиги дополнительных членов Совета с постоянными местами в нем. Он также может увеличить

число членов Лиги, которые будут избираться в Совет Ассамблеей на определенный срок.

Эти положения ясно отражают три различных принципа. Прежде всего, 1) имеется пять постоянных против четырех непостоянных членов Совета, так что постоянные члены всегда имеют большинство; затем, 2) в случае увеличения числа постоянных членов Совета новых членов назначает Совет, причем власть Ассамблеи ограничивалась простым одобрением решения Совета (творцы устава предусматривали возможность вступления России и Германии в Лигу и необходимость предоставления им постоянного членства в Совете и поэтому установили, что назначение новых членов должно оставаться в руках Совета, где постоянные члены имеют большинство); 3) власть определять, имеется ли необходимость увеличения числа непостоянных членов, также принадлежит Совету. Другими словами, инициатива во всяком вопросе, оказывающем влияние на состав Совета, сохранена за Советом. Таково было намерение составителей устава.

На первом заседании Ассамблеи много разговоров было относительно предшествовавших Ассамблее десяти заседаний Совета. Малые державы считали, что влияние постоянных членов Совета делает роль непостоянных членов незначительной, и если это положение не будет изменено, то может появиться опасность развития деспотизма постоянных членов. Чтобы помешать этому и устранить эту опасность, появилась мысль об увеличении числа непостоянных членов. И так как мысль об увеличении числа непостоянных членов Совета облегчала избрание в члены Совета, естественно, она не встретила оппозиции. Все же вопрос официально не мог обостриться в условиях, когда инициатива и первоначальное обсуждение вопроса такого характера остается в руках Совета. Соответственным образом вопрос об увеличении числа непостоянных мест в Совете был поднят в нем непостоянными членами, и с течением времени под давлением многих непостоянных членов Совета вопрос этот сделался вопросом морали.

Независимо от того, как стоял вопрос принципиально, всегда великие державы определяли ход мировых событий. Так как изоляция, вражда и интриги среди великих держав не способствовали стабилизации международных отношений, дипломатия и политика Европы со времени наполеоновских войн, точнее говоря, после Венского конгресса, заключалась в руководстве мировой политикой главнейшими державами, действующими в едином концерте. Управляя миром при помощи концерта, состоящего из них самих, великие державы были

склонны игнорировать меньшие государства. Однако система, при которой несколько больших государств были всем и большое число малых государств ничем, не могла долго держаться, и когда концерт главных держав перестал существовать, система распалась. На основании уроков прошлого Лига наций была создана исходя из политической теории, по которой хотя главнейшие державы удерживают большую часть реальной силы, но все государства, независимо от их размеров, являются равными. Несмотря на эту теорию устава Лиги, влияние великих держав оставалось преобладающим, и на основании этого положения малыми государствами было выдвинуто в отношении постоянных членов Совета обвинение в деспотизме. По своему принципу и по своим целям разрешение международных споров мирными, а не военными средствами и полное равенство всех государств мира представляют собой восхитительные правила. Но только одни великие державы могут сделать эти правила реальными и поддержать их. Более того, наказание за будущие нарушения этих правил среди современных государств по природе вещей должно выполняться большими государствами. С этих двух точек зрения было естественно, что голос и положение великих держав должны были получить преимущества. Однако не приходится удивляться, что малые государства, которые ожидали, что после учреждения Лиги наций настанет золотой век, были разочарованы и обеспокоены тем, что иго больших государств еще тяготеет над ними. Малые государства пришли в Женеву с настроением людей, которым дан был кусочек и которые желали получить все, и неудивительно, что при этом состоянии умов они начали ворчать по поводу тирании великих держав. С другой стороны, великие державы, которые принесли благо мира и должны были взять на свои плечи бремя сохранения мира, в душе своей считали несправедливым, что малые нации, вместо того чтобы быть благодарными за наслаждение миром, стали настаивать на абсолютной власти большинства. Великие державы частным образом жаловались, что если имеется тирания, то это как раз тирания малых государств, а не больших. Однако слабым местом в положении группы великих держав было то, что некоторые члены ее в степени, зависящей от их индивидуальной силы, стремились приобрести и удержать сочувствие малых государств, и в результате под давлением малых государств большие государства должны были делать уступки.

Постоянные члены Совета полагали, что хотя было бы желательно в интересах согласованности и быстрого прохождения дел, а также их секретности, чтобы Совет был насколько возможно ограничен в своих размерах, все же им казалось

нежелательным, чтобы среди малых государств в отношении великих держав снова, с самого начала деятельности Лиги, возникло недовольство. Они пришли поэтому к заключению, что необходимо считаться с желаниями малых государств и что следует занять великодушную позицию, чтобы удовлетворить малые государства. Группа великих держав заранее предвидела, что хотя число постоянных членов Совета равнялось четырем (Великобритания, Франция, Италия, Япония), но не так далеко время, когда Америка ратифицирует устав и, кроме того, Германия и Россия присоединятся к Лиге, и так как каждая из этих стран имела право на постоянное место в Совете, число постоянных членов Совета увеличится до семи. Если поэтому прибавятся два лишних непостоянных члена Совета и таким образом число непостоянных членов Совета будет доведено до шести, принцип сохранения большинства за постоянными членами Совета не будет нарушен. Во всяком случае временный перевес малых государств, так рассуждали постоянные члены, не удержится благодаря вступлению в Лигу Соединенных штатов, Германии и России. Это был сомнительный аргумент, но его было достаточно, чтобы принудить Совет увеличить число своих членов на два непостоянных места. Это случилось в 1922 г. и дало большое удовлетворение малым государствам. Однако события не шли предположенным ходом. Россия и Соединенные штаты год за годом оставались в стороне, и вступление Германии также откладывалось. Таким образом, долгое время соотношение между непостоянными и постоянными членами Совета было шесть к четырем, и гости, так сказать, стали хозяевами. Во всяком случае вопрос об увеличении числа непостоянных членов был разрешен, но оставался еще один источник неудовлетворенности и возбуждения — претензии некоторых государств на честь стать постоянными членами Совета.

Испания, этот ветеран среди непостоянных членов Совета, давно уже имела претензию и надежду получить повышение и сделаться постоянным членом Совета. Испанцы до сих пор не могут забыть золотое время Карла V, когда солнце не сходило с горизонта их могущественной империи. Поэтому, когда на первой сессии Ассамблеи Испания увидела 18 государств Южной и Центральной Америки, которые все, за исключением Бразилии, говорили на ее языке, имели ту же культуру и называли ее своею матерью, она почувствовала себя великой державой. Она считала, что может рассчитывать на 19 голосов из 45 голосов Ассамблеи и выступить вождем этой могущественной группы в Лиге. Воспоминание о своем великом прошлом, подогретое вновь обретенным влиянием, дало Испании уверенность, что она вскоре

будет удостоена постоянного места в Совете.

Но Бразилия считала, что, если Испания может претендовать на постоянное место в Совете, то она также имеет на это право. С точки зрения естественных богатств, а также престижа и силы Бразилия претендовала на первое место среди южноамериканских государств и государств Центральной Америки. Ее требование нельзя было признать неосновательным, тем более что после ухода Аргентины с той же сессии Ассамблеи ни одна латиноамериканская страна не могла оспаривать претензий Бразилии. Бразилия также доказывала, и по праву, что Совет в своем составе уже имеет три европейских и одно азиатское государство и несправедливо, если западное полушарие не будет иметь ни одного постоянного представителя. Рассуждения Бразилии были весьма убедительны и в некоторых отношениях побивали аргументы Испании.

В то время как Испания и Бразилия спорили друг с другом из-за места в Совете, мир двигался по пути прогресса, и появился Локарнский договор. Польша, считавшая, что она оказала большую услугу при заключении Локарнского договора, имела право ожидать, на основании неофициальных заявлений и намеков, сделанных британским и французским министрами иностранных дел, что ей будет предложено постоянное место в Совете. Польский министр иностранных дел, вернувшийся из Локарно с пустыми руками, утешал свой разочарованный народ, говоря, что Лига наций каким-либо образом вознаградит Польшу.

Таким образом, имелись уже три претендента на руку еще не рожденной дочери Лиги наций, именно: Испания, Бразилия и Польша, и можно было ожидать появления других претендентов. Существовала Бельгия, тоже ветеран среди непостоянных членов Совета, которая не только воевала на стороне союзников с самого начала мировой войны, но которая после войны держала оккупационные армии на Рейне, имела большую долю в германских репарациях, была представлена как в Совете послов, так и в Верховном совете союзных держав и вообще участвовала в разрешении послевоенных проблем. Могла ли Бельгия, так тесно связанная с вопросами войны и мира, быть удовлетворенной, если Испания, остававшаяся во время войны нейтральной, получила бы постоянное место в Совете? Не является ли в конце концов Лига наций наградой для победителей в мировой войне? До тех пор пока постоянные места в Совете предназначались для шести великих держав, Бельгия, естественно, хранила скромное молчание, но когда Испания, Бразилия и даже вновь появившаяся Польша выступили кандидатами на эти места, Бельгия тоже выдвинула свою кандидатуру на постоянное место.

Труднее всего разрешить тот парламентский вопрос, который затрагивает благополучие самих парламентариев. Когда таких заинтересованных парламентариев много и они имеют противоположные интересы, разрешение этого вопроса становится еще более затруднительным. Совет Лиги, который так блестяще справился с вопросом о Силезии, оказавшимся слишком трудным для Верховного совета, теперь столкнулся с проблемой изменения своей собственной организации. Внутри Совета были по крайней мере три заинтересованных члена, и, кроме того, вне его находилась Польша, ясно указывавшая, что она рассчитывает не быть забытой в этом деле. Весь мир следил за развитием этой драмы.

В начале марта 1925 г. собралась чрезвычайная сессия Ассамблеи для обсуждения просьбы Германии о принятии ее в Лигу. Оппозиции вступлению Германии в Лигу не было, но, как было объяснено раньше, присоединение Германии к Лиге немедленно поднимало вопрос об увеличении числа постоянных мест в Совете. Совершенно неизбежно Испания, Бразилия и Польша увидели в этом случай добиться удовлетворения их давней претензии на постоянное членство в Совете.

Так случилось, что наступила очередь автора снова председательствовать в Совете, когда в порядке дня стоял деликатный вопрос об увеличении числа постоянных членов Совета. В течение 40 лет своей дипломатической карьеры автору не пришлось никогда так много работать и уставать, как на этот раз. Сначала предполагалось, что Совет соберется в назначенный день, 4 марта, что приготовления для принятия Германии в Лигу закончатся после одного или двух дней обсуждения, что предложение увеличить на одного число постоянных членов Совета будет внесено на Ассамблее, что большинство Ассамблеи примет это предложение и вслед за тем Совет сделает Германию своим постоянным членом. В предварительных предположениях было решено, что, если кто-либо несет предложение о создании нового постоянного места в Совете для какой-либо другой страны, помимо Германии, это предложение будет быстро отвергнуто соответствующими мероприятиями и что будет достаточно трех дней, чтобы закончить все формальности со вступлением Германии в Лигу. Соответственно этому должна была состояться чрезвычайная сессия Ассамблеи. В то же время Германия была уведомлена, что как только Совет и Ассамблея закончат необходимые формальности, она будет приглашена присоединиться к Лиге, и поэтому она должна прислать своих делегатов в Женеву к 8 марта, для того чтобы она могла принять участие в обсуждениях Совета и Ассамблеи. Получив такое

неофициальное приглашение, большая германская делегация во главе с премьером и министром иностранных дел прибыла в Женеву до 8 марта.

Вопреки всем ожиданиям, как только открылось заседание Совета, разразилась буря горячих дебатов. Обсуждение, конечно, происходило при величайшей секретности, помимо членов Совета только один генеральный секретарь Лиги имел разрешение присутствовать, даже переводчики не допускались. Много дней подряд происходили заседания утром и вечером и иногда даже поздно вечером, но, несмотря на проявленную энергию, когда наступило 8 марта делу еще не было видно конца. Прибыли делегаты различных государств на специальную сессию Ассамблеи, но заседание ее не открывалось. По установленному обычаю, председатель Совета должен был открыть Ассамблею. Автора со всех сторон бомбардировали требованиями торопиться. Премьер-министр. и министр иностранных дел Германии со своей свитой остановились в той же самой гостинице, в которой находилась японская делегация, и хотя они, естественно, хранили сдержанное молчание, тем не менее автор чувствовал их нетерпение. Дебаты в Совете продолжались со страстным напряжением, и чем дольше они продолжались, тем более обнаруживалось расхождение. Решения Совета должны были приниматься только единогласно, так что возражения одного делегата могли сорвать всякое предложение. В силу этого предложение, принятое Советом, было очень авторитетно, но это преимущество, однако, имело свою отрицательную сторону, так как достижение единогласия было делом очень трудным. В данном случае каждый член Совета, выдвигавший свою кандидатуру на постоянное место в Совете, без колебаний и твердо решил заявить «нет» в отношении всякого предложения, расходящегося с пожеланием его страны. Не было ни малейшей склонности уступить по какому-нибудь пункту, и все дело оставалось на мертвой точке. Не было оппозиции вступлению Германии в Лигу и занятию ею постоянного места в Совете, но Испания дала понять, что она уйдет из Лиги, если не получит одновременно постоянного места; точно так же Бразилия указала, что она будет принуждена покинуть Лигу, если не получит постоянного места одновременно с Испанией. Если можно было спасти лицо Испании и Бразилии, никакими аргументами нельзя было обойти надежды Польши и Бельгии. И если все четыре страны сделались бы постоянными членами в одно и то же время с Германией, число постоянных членов Совета в одну ночь прыгнуло бы с четырех до девяти. С ожидавшимся со временем присоединением к Лиге Соединенных штатов и России число

постоянных членов Совета поднялось бы до одиннадцати.

В этом случае соотношение между постоянными и непостоянными членами Совета было бы нарушено, и для того чтобы восстановить его до надлежащей пропорции, было бы необходимо прибавить еще четыре или пять непостоянных членов, доведя общее число таких членов до десяти, что превратило бы Совет Лиги в большую организацию с числом членов больше двадцати. При этих обстоятельствах Совет стал бы второй Ассамблеей, в которой быстрота и согласованность действий стала бы невозможной. По мнению как Совета, так и Ассамблеи, надо было избежать такого положения, во что бы то пи стало. В добавление к этому, когда Ассамблее стало известно о том, что происходит в Совете, в ней было высказано мнение, что наступило время, когда необходимо отложить в сторону эгоизм отдельных государств и считаться с благом всей Лиги как целого, а потому было выдвинуто предложение как выход из создавшегося положения, чтобы число, постоянных членов Совета было ограничено представителями великих держав и чтобы число непостоянных членов было увеличено.

Так как было ясно, что обсуждение вопроса о реорганизации Совета Лиги не окончится на этом заседании, Совет в конце концов решил передать вопрос на рассмотрение комиссии с указанием приготовить доклад для представления сентябрьской сессии Ассамблеи. Таким образом, вопрос о постоянных местах в Совете для Испании, Бразилии, Польши и Бельгии был отложен на полгода. Это решение было доложено Ассамблее автором от имени Совета. Так как этому не было оппозиции какой-либо страны, то вхождение Германии в Лигу было после выполнения требуемых формальностей одобрено Ассамблеей, и немедленно после этого по требованию Совета Германия стала постоянным его членом[91].

Приняв решение отложить дискуссию о реорганизации Совета, последний шел на риск, что Испания может уйти из Лиги, Но для него не было другого выхода. Испанский представитель, как того можно было опасаться, на ближайшем заседании Совета заявил, что его правительство телеграфировало ему, что Испания выходит из Лиги. Хотя во время обсуждения вопроса о постоянных местах в Совете Бразилия не указывала, что она будет делать, если не получит постоянного места, но, как только Испания заявила о своем' уходе, Бразилия также уведомила, что она покидает Лигу. Удовольствие приобретения Германии для Лиги, таким образом, сопровождалось печалью потери в конце двухлетнего срока Испании и Бразилии.

Доклад, который был подготовлен специальной комиссией по

реорганизации Совета для представления сентябрьской сессии Ассамблеи в том же году (1926), содержал прекрасные пожелания, чтобы постоянные места имели следующие пять держав: Великобритания, Франция, Италия, Япония и Германия, что непостоянных мест должно быть всего девять — шесть уже имеющихся и три дополнительных места, и что при выборах будет действовать правило о сохранении места по крайней мере за одним из непостоянных членов, который может, таким образом, неограниченное число раз переизбираться, т. е. он будет иметь, по всем данным, положение постоянного члена. В это время уход Испании и Бразилии был совершившимся фактом, и так как не оставалось больше конкурентов, Польша была полна надежды, что она получит это полупостоянное место, предусмотренное докладом. Хотя существовало большое опасение, что Совет, составленный, как это было предложено специальной комиссией, из четырнадцати членов (пять постоянных и девять непостоянных), будет недееспособным и не имеющим должного единства, однако опыт показал, что он работал с неожиданным успехом и рассеял эти опасения.

После заявления об уходе из Лиги Испании и Бразилии в Женеве было много разговоров, что новый президент Бразилии, как горячий сторонник Лиги, после вступления в должность быстро вернет свою страну в лоно Лиги. Однако три года прошли, и не было ни малейшего указания, что Бразилия снова присоединится к Лиге. Но, с другой стороны, Испания, которая считалась окончательно потерянной, после короткого срока решила вернуться в Лигу, и в 1928 г. Ассамблея проделала формальные шаги для принятия ее в число своих членов. Надо надеяться, что Бразилия также вскоре сочтет благоразумным исправить свою ошибку и вернется в Лигу.

ж. Совет и международные споры, в которых участвовали великие державы

Наиболее трудными спорами, которые Совет Лиги должен был улаживать, были те, в которых одной из сторон являлась великая держава, т. е. постоянный член Совета. Надо признать, что Совет относился с большим уважением к достоинству первоклассных государств. В спорах между малыми государствами мирное решение было возможно, когда большие государства действовали объединенным фронтом, но в случаях, когда в числе спорящих находился постоянный член Совета,

разрешение опора было очень деликатным делом. Так как Совет действовал на основании принципа единогласия, то спорящие государства не только имели право присутствовать на всех собраниях, во могли сделать любое заседание недействительным, отказавшись на нем присутствовать (§ 5 ст. IV устава указывает, что спорящая сторона, является ли она членом Совета или нет, должна присутствовать на всех заседаниях Совета, имеющих отношение к этому спору). Однако часто при рассмотрении дела был необходим свободный обмен мнений без участия спорящих сторон. Уже одна организация такого заседания была проблемой, так как были большие колебания по поводу исключения из заседания постоянного члена и, кроме того, такое заседание не имело законного характера.

Первый спор, в котором участвовал и должен был явиться на заседание Совета постоянный член Совета, произошел в 1923 г., когда автор в третий раз занимал кресло председателя заседания Совета. Спор возник между Италией и Грецией из-за бомбардировки и оккупации правительством Муссолини греческого острова Корфу после убийства греческой толпой итальянского генерала, который был председателем комиссии по установлению границ между Грецией и Албанией. Италия предприняла этот шаг в то время, когда шли переговоры с греческим правительством, и греческое правительство обратилось в Совет Лиги на том) основании, что Италия нарушила международное право, начав военные действия в мирное время. Так как заседания Совета были непродуктивны по своим результатам, ибо сдержанность мешала обсуждению, то автор пригласил всех членов Совета, за исключением итальянского и греческого, к себе в гостиницу обсудить вопрос за чашкой чая. Как автор и предполагал, он получил письмо от итальянского представителя, протестующее против такого порядка. На это письмо автор просто ответил, что он вовсе не организует незаконного заседания Совета в своей гостинице и что он пригласил своих коллег на чай не в качестве председателя Совета и не для заседания последнего. Этот метод частных встреч между членами Совета получил в Женеве название «чай Исии» и явился прецедентом для Совета.

Другой спор, в котором участвовал постоянный член Совета, произошел, когда в Лиге был поставлен вопрос о Мосуле. Спор возник во время определения границ между Турцией и королевством Ирак и относился к владению местом, называвшимся Мосул. Так как Великобритания имела мандат на Ирак, фактически спорящими сторонами явились Великобритания и Турция. В противоположность позиции

итальянцев во время инцидента с Корфу англичане вели себя в этом случае, как настоящие спортсмены. Британский представитель просил, чтобы представители спорящих сторон без церемоний уведомлялись, когда их присутствие на официальных или неофициальных заседаниях Совета будет создавать затруднение, так как он готов отсутствовать в этих случаях. Даже генеральный секретарь сэр Эрик Друммонд, ввиду того что он был британцем, поручил своему помощнику заменять его, чтобы он не имел никакого отношения к данному случаю. Поведение британского правительства и деликатность генерального секретаря в этом деле должны служить примером корректного поведения в будущем.

4. Лига Наций, как высший орган мира

С момента своего образования Совет Лиги наций развил большую энергию. Он добился выдающихся успехов и опубликовал бесчисленное количество документов и исследований. Достаточно упомянуть несколько заслуживающих внимания международных споров, которые были мастерски разрешены Советом Лиги. Например, вопрос о Верхней Силезии, вопрос об Аландских островах, греко-болгарский спор, вопрос о владении Мосулом. Если бы не было своевременного действия этого органа мира, война в этих и других случаях едва ли могла быть предупреждена. И в самом деле, Лига может гордиться своими достижениями. Автор твердо верит, что Лига имеет многообещающее будущее.

Следует поставить гипотетический вопрос, которым можно было бы измерить действительную силу Лиги. Предположим, что в июле 1914 г. существовала такая же влиятельная Лига наций, какая существует сейчас, разразилась ли бы война, несмотря на это, или нет?

Сазонов, бывший тогда русским министром иностранных дел, в начале войны высказал мнение, что если бы Великобритания официально заявила, что в случае войны она присоединится к России и Франции, тогда германская агрессия была бы предупреждена. Президент Франции Пуанкаре держался того же взгляда, и говорят, что в частном письме английскому королю, написанном приблизительно 31 июля, он горячо отстаивал этот взгляд. Вопрос о том, насколько своевременное заявление британского правительства могло бы удержать Германию, — это дело предположений. Какой бы на него ни был ответ, автор не может допустить, чтобы Германия осмелилась выступить против высшего органа международного мира, столь влиятельного, каким является в настоящее время Лига наций. Какими бесконечно сильными ни чувствовали бы себя германские милитаристы, какое бы самообольщение ни владело умами германского народа, нельзя поверить, чтобы они вызвали войну против себя как наказание со стороны пятидесяти союзных государств Лиги. Более того, если бы тогда существовала Лига наций, Сербия бесспорно, как только она получила австрийский ультиматум 24 июля, обратилась бы к Совету Лиги, и Совет в этом случае собрался бы на чрезвычайную сессию для рассмотрения вопроса. И если бы австро-сербский опор подвергся беспристрастному рассмотрению третьих сторон, это был бы первый шаг к его мирному разрешению. Именно к этому и

стремился сэр Эдуард Грей, тогдашний министр иностранных дел Великобритании, когда предложил, чтобы австро-сербские разногласия были переданы па рассмотрение конференции четырех держав, состоящей из Великобритании, Германии, Франции и России. Но Германия резко отвергла его практическое предложение, и война была ускорена. Если бы тогда существовала Лига, не было бы нужды в британском предложении и в горячих переговорах между Россией и Австрией. Простая нота сербского правительства передала бы дело в руки Совета, и если бы Совет направил свой мощный прожектор на этот случай, коварные германские милитаристы были бы полностью разоблачены, и спор вступил бы на путь мирного решения. В действительности одна из спорящих сторон, Австрия, была встревожена возбуждением Германии и 30 июля совершила поворот, согласившись возобновить переговоры с Россией. Нельзя допустить, чтобы при существовании Лиги наций Австрия объявила бы войну Сербии, несмотря на ясно выраженное мнение Совета. Рассматривая вопрос со всех сторон, приходишь к заключению, что, без всякого сомнения, существование Лиги наций предупредило бы мировую катастрофу 1914 г. Надо полагать поэтому, если такое большое несчастье, как мировая война, могло быть предупреждено одним существованием Лиги наций, меньшие причины войны могли быть еще более легко разрешены Лигой наций мирным путем.

Особое слово надо сказать относительно косвенной пользы, извлекаемой различными государствами мира из существования Лиги наций и Совета Лиги. Для того чтобы показать эти выгоды, автор может сослаться на свой собственный опыт. Когда он первый раз присутствовал на заседании Совета и когда он в первый раз оказался среди представителей сорока государств на Ассамблее, он видел всюду чужие лица, и никто не говорил друг другу ничего, кроме официальных приветствий. Но после нескольких дней общения дружеские чувства стали возникать там и здесь, и с течением времени общение продолжалось, и эти чувства превратились в настоящее товарищество. При посредстве Лиги наций Япония вступила в официальные сношения со многими государствами, с которыми она до тех пор не имела дипломатических сношений или в которых она не имела дипломатических представительств или консульств; к числу их принадлежали: в Европе — Эстония, Латвия, Литва, Болгария, Югославия; в Южной Америке — Колумбия, Парагвай, Венесуэла и республики в Вест-Индии[92]; в Африке — Либерия и Абиссиния. Благодаря ежедневному общению с представителями этих государств получалась взаимная информация о

государственных делах и местных условиях, происходил обмен статистическими данными, обсуждались политические и торговые вопросы, развивалась дружба и появлялись возможности для взаимного осведомления и пользы во многих других отношениях. Польза сношений с коллегами по Совету была еще больше, так как члены Совета собирались часто в течение года и проводили вместе каждый год десять недель. В Женеве, например, автор имел больше возможности видеть как коллегу по Совету французского министра иностранных дел, чем мог его видеть во Франции в качестве японского посла. Подобным образом у него установился контакт с министрами иностранных дел Великобритании, Германии, Бельгии, Чили и Румынии. Вообще говоря, члены Совета, подобно директорам большой компании, в данном случае компании, которая имеет целью сохранение международного мира, оформление и содействие распространению правильных взглядов по всему свету, участвуют в общей работе, переживают те же разочарования и имеют те же удовольствия. Лига является местом международных расчетов в отношении дипломатических и военных трудностей, административных, экономических, финансовых проблем, проблем народного здравия и множества других вопросов, затрагивающих благополучие человечества. Это большой рынок для обмена, музей знаний и культуры, место, где создается и укрепляется международный мир. Это священное место, куда паломничают государственные деятели всех стран, — волшебное зеркало, которое разоблачает интриги, агрессии милитаризма, исправительный дом для нарушителей международного мира. Автор вполне уверен, что при благоволении и защите богов с высот Монблана и озера Леман Лига достигнет еще большего величия, и автор возносит свои молитвы за ее процветание.

5. Постоянный международный суд

Постоянный международный суд предусмотрен статьей XIV устава Лиги наций и был организован в 1921 г. на основании протокола, принятого на первом заседании Ассамблеи Лиги, составленного на оснований доклада, подготовленного для Ассамблеи комиссией Совета Лиги. Автор не видит необходимости обсуждать здесь работу и достижения суда, так как этот вопрос подробно рассматривается в других произведениях. Суд состоит из одиннадцати судей и их четырех заместителей. Избрание судьи происходит одновременно в Ассамблее и в Совете Лиги, отдельно в каждом из них, й лица, получившие наибольшее количество голосов в каждой палате, считаются избранными. Кандидаты для избрания не должны иметь какую-нибудь особую квалификацию, все же Ассамблея приняла резолюцию в форме пожелания, чтобы при избрании судей учитывался принцип справедливого географического распределения, чтобы могли быть представлены культура, религия и традиции разных стран[93].

Резолюция Ассамблеи не только разумна с точки зрения справедливости, но имеет практические достоинства, состоящие в том, что она устраняет трудности, являющиеся результатом отсутствия в Суде лица, которое имеет непосредственное знакомство со всеми сторонами спорного вопроса. Если бы случилось так, что все судьи принадлежали к одному типу цивилизации и религии, вполне возможно, что государства, принадлежащие к другим типам цивилизации и религии, могли бы поставить вопрос о компетентности, что привело бы к уменьшению авторитета Суда.

Решение Суда принимается большинством голосов присутствующих судей и по своему характеру не является советом или арбитражным решением, но представляет собой окончательный судебный приговор, на который нельзя апеллировать. В этом отношении Постоянный международный суд отличается от других органов Лиги. Избрание судей проходит две стадии. Прежде всего, каждое государство выдвигает своих кандидатов из числа крупнейших умов, затем Ассамблея Лиги и Совет производят выборы среди этих блестящих кандидатов, принимая во внимание их личный характер, их способности и часть света, которую они представляют. В результате такой твердой, но вместе с тем либеральной, избирательной системы судьи, которые таким образом избираются, являются в своей области лидерами в Европе, Азии и Южной Америке и

соответственно этому вполне подходят для того, чтобы выносить окончательные решения в спорах между государствами. В силу этого престиж Суда рос из года в год, и все время увеличивалось желание разных стран как внутри, так и вне Лиги обращаться в Суд. В отличие от мало занятого, давно существующего Гаагского суда[94], Постоянный международный суд не был в состоянии разрешать все вопросы во время регулярных сессий, поэтому пришлось созывать каждый год специальные сессии. Таким образом, и бюджет Суда рос из года в год.

Япония, в качестве представителя дальневосточной цивилизации, могла по праву ожидать, что один из ее сынов всегда будет иметь место в Международном суде. Если японцы твердо рассчитывают на постоянное место судьи, они должны позаботиться о кандидатуре человека самых высоких качеств. Теперешний их представитель доктор Ман Ода является человеком требуемых качеств, но срок его пребывания в Суде вскоре должен закончиться. Если он не будет иметь желания оставаться на другой срок, нельзя терять времени и надо заняться поисками подходящего преемника. Следует заметить, что в прошлом японские ученые в общем не занимались тщательным изучением иностранных языков, вследствие этого лишь в некоторых случаях они имели возможность высказывать свои ценные мнения на иностранных языках. Это препятствие, к несчастью, приводит к тому, что большинство выдающихся японских ученых неизвестно за границей. В отличие от того, как решается вопрос о постоянных местах в. Совете, которые предоставляются первоклассным государствам, выборы судей в Международный суд основываются на голосовании всех членов Лиги. Если таким образом Япония выдвигает своего кандидата и имя последнего недостаточно популярно или он не имеет достаточной поддержки, чтобы быть рекомендованным: представителям других стран, он, по всей вероятности, провалится на выборах. Для того чтобы его интеллектуальная сила могла быть оценена за границей, японский ученый должен быть в состоянии читать лекции и писать на языке, понятном для иностранцев. Но большинство выдающихся японских ученых читают лекции и пишут только на японском языке, который по природе вещей является ценностью в весьма ограниченных пределах. Точно так же официальная японская информация редко появляется па одном из официальных языков Лиги. Приходится сожалеть, что вне области медицинских и естественных наук японские ученые неизвестны миру. Японская армия и ее флот заслужили уважение других государств, японская торговля и промышленность, несмотря на их недостатки, тоже играют

активную роль на международных рынках. Но в области политических наук и юриспруденции достижения Японии сильно отдалены и неясны для других. Поэтому японские представители в Лиге наций, когда ставится вопрос о выборе судей в Международный суд, чувствуют себя неважно. Благодаря упомянутой раньше резолюции Ассамблеи Лиги, выразившей пожелание, чтобы при выборе судей в Постоянный суд учитывались географические соображения, для того чтобы было обеспечено надлежащее представительство нескольких цивилизаций, религий и расовых психологий с разных концов земли, а также благодаря настойчивости японских представителей, подчеркивавших важность этой резолюции, Япония до сих пор избегла стыда быть пропущенной при выборах в Суд. Но полагаться целиком на резолюцию Ассамблеи является делом рискованным. Вместо того чтобы рассчитывать при выборах в Международный суд на свое расовое отличие и религиозные убеждения, японцы должны своими научными трудами добиться репутации, которая сама по себе обеспечит им эту честь. Надо надеяться, что эта сторона дела привлечет к себе внимание научных кругов Японии.

По общему убеждению, Постоянный международный суд является международным трибуналом, занимающимся только делами юридического характера. Это представление ошибочно. Статья XIV устава Лиги устанавливает: «Суд компетентен выслушивать и решать всякий спор международного характера, который заинтересованные стороны передадут ему на рассмотрение». Таким образом, основные положения, предусматривающие организацию Суда, указывают, что он может рассматривать споры не только юридического характера, но также и политического характера, тем более что все международные споры являются более или менее политическими спорами. Толкование договора, например, на первый взгляд кажется вопросом строго правовым. Но благодаря последствиям, которые толкование может иметь в отношениях между заинтересованными сторонами, оно приобретает политическое значение и возбуждает общественное мнение. Чтобы иллюстрировать это положение, можно привести вопрос о национальности иностранных граждан, родившихся в Тунисе. Этот вопрос вызвал разногласия между Францией и Италией, и они перенесли спор в гаагский трибунал. Вопрос был поставлен в судебном порядке, но спор относительно определения положения иностранцев, который при поверхностном взгляде является только вопросом права, был, поскольку это касалось Франции, серьезной политической проблемой, так как оказывал влияние па

вопросы финансов и обороны.

Со времени своего образования Международный суд выслушал около 20 дел, и все они были двойственного, т. е. юридического и политического, характера. Из этого примера видно, что если судьи, которые рассматривают дело в Международном суде, будут рассматривать его только глазами адвоката, они не отвечают своему назначению. Помимо юридических знаний, судьи должны иметь некоторую долю политического суждения, и на основании этого Лига в поисках кандидатов на должности судей в Международном суде склонна благожелательно относиться к кандидатурам профессоров университетов, а не судей и адвокатов, к кандидатурам ученых, занимающихся политическими и экономическими вопросами, а не юристов.

Как было уже указано, Постоянный международный суд Лиги наций является не обычным судом, а учреждением, имеющим целью мирное разрешение разногласий между государствами как юридического, так и политического характера. Чтобы примирить государства в серьезных политических спорах, требуются услуги Совета Лиги, по для разрешения мелких споров между государствами Международный суд особенно подходит. Так как Суд является постоянным учреждением и так как нигде в мире не имеется трибунала, подобного ему, его порядок дня бывает очень стеснен большим количеством вопросов, поставленных перед ним. Поэтому требуются частые специальные сессии.

Изложенное выше затрагивало только обычные функции Международного суда. Но в добавление к ним Суд по решению Ассамблеи или Совета призван высказывать свое мнение по переданным ему делам, и ему приходится давать довольно много разных заключений. Эти дополнительные обязанности предусматриваются последней фразой статьи XIV устава Лиги, которая гласит: «Суд может давать также свои заключения по поводу любого спора и вопроса, переданных ему Советом или Ассамблеей».

До настоящего времени Ассамблея не обращалась к Суду за его мнением, но Совет часто требовал его заключения, и так как Суд в таких случаях давал весьма обоснованное мнение, всеобщее уважение к нему, как к органу, дающему свое заключение, постоянно возрастало.

6. Секретариат Лиги

Прежде чем закончить эту главу, будет уместно сказать несколько слов о Секретариате Лиги. Организация и деятельность Секретариата являются предметом удивления, и надо видеть его собственными глазами, чтобы поверить в возможность такой согласованной, высоко дисциплинированной и плодотворной работы сотни чиновников, собранных со всех концов света по усмотрению генерального секретаря.

Генеральный секретарь является одновременно родителем и добрым гением Лиги. Автор пользуется случаем, чтобы привести несколько замечаний, которые он когда-то записал относительно генерального секретаря Лиги:

> «Большой авторитет, достигнутый Лигой наций за сравнительно короткий период со времени ее образования, является частью результатом того обстоятельства, что Лига удовлетворяет потребность, которую ощущает усталое от войны человечество, и частью результатом воодушевленной поддержки, оказанной Лиге значительным числом крупных государственных деятелей; достаточно назвать покойного Буржуа из Франции и лорда Бальфура из Англии. Однако лицом, которому Лига больше всего обязана своим успехом, является генеральный секретарь сэр Эрик Друммонд. Сэр Эрик имеет три качества — большой административный талант, способность к самому напряженному труду и, наконец, изобретательность и серьезность. Нет никакого сомнения, что приобретенным влиянием Лига обязана тому, что во время критического периода ее образования она пользовалась услугами такого идеального человека, как сэр Эрик.
>
> Когда по окончании наполеоновских войн открылся конгресс в Вене, на сцене появился человек необыкновенных способностей — шевалье фон Генц, проницательный, мудрый, красноречивый, с немалым писательским талантом. Его слава быстро распространилась по всей Европе, и в его время ни одна конференция международного характера не собиралась без его участия как ее главного секретаря. Карьера и характер фон Генца и сэра Эрика Друммонда поразительно похожи друг на друга, и трудно найти в

мировой истории еще несколько людей с таким сходством. Как наполеоновские войны, кроме значительного числа известных воинов, выдвинули великого фон Генца, так и мировая война произвела не только великих генералов, но и государственных деятелей и дипломатов, среди которых сэр Друммонд занимает выдающееся место. И сэр Эрик Друммонд и фон Генц до мирной конференции оставались почти что неизвестными, но как только они вышли из неизвестности, их крупный ум, их творческая и быстрая мысль и их замечательные способности вскоре сделали их господствующими фигурами на сцене. Имея одинаковый титул генерального секретаря, оба эти человека возвысились над крупными фигурами соответствующих конференций, вносили и составляли большинство выдающихся предложений, которые приписываются разным лицам, присутствовавшим на конференции. Так же как Генц был господином положения в начале XIX века, точно так же в начале XX века сэр Эрик Друммонд прокладывал пути мира для новой эры. Оба человека обладали удивительным гением и неустанной энергией. Ни один из них не допускал, чтобы срочные дела завтрашнего дня препятствовали им принимать участие в различных приемах, на которых они были приятнейшими гостями, охотно пившими вино, занимавшими интересными разговорами и уходившими последними с приемов. Оба были писателями редкого таланта. Французский язык Генца, говорят, был равен языку лучших современных ему французских писателей, точно так же ежедневные диктовки стенографисткам сэра Эрика являются превосходными литературными произведениями. Оба имели способность к быстрому составлению проектов парламентских решений. В искусстве записи протокола заседаний, говорят, Генц не имел себе равного среди современников. То же самое верно относительно сэра Эрика, который являлся предметом зависти молодых людей из секретариата Лиги. Какая бы пи происходила заминка в работах Совета, сэр Эрик быстро предлагал выход из создавшегося положения. Если Совет возражал против его плана, у сэра Эрика был готов второй план, и если были возражения также и против этого плана, он имел взамен третье и четвертое предложения. Действительно, его изобретательность была неистощима. Если судить по

мемуарам князя Меттерниха, Генц обладал теми же талантами.

Пруссаки обвиняли фон Генца в измене своей родине — Пруссии, потому что он жертвовал ее интересами, чтобы помочь благополучию Австрии, страны, приемным сыном которой он стал. Однако, если вспомнить, что местом его рождения была Силезия, которую вытянул у австрийской Марии-Терезии Фридрих Великий прусский, вряд ли можно сказать, что он предал свою родину. По имевшимся сведениям, фон Генц питал слабость к деньгам, поэтому были неизбежные подозрения в отношении его честности. Надо принять во внимание и другую сторону, что одновременно с должностью генерального секретаря мирной конференции он был личным секретарем князя Меттерниха, что должно было делать трудным для него сохранение строгой беспристрастности в своей работе.

Сэр Эрик Друммонд был совершенно свободен от коварных сплетен, связанных с его официальной позицией, которые возникали относительно фон Генца. Действительно, раздавались голоса со стороны англичан, критиковавших сэра Эрика за то, что он пренебрегал благом Англии в своем рвении в интересах Лиги. Но такая критика является доказательством замечательной честности сэра Эрика и скорее увеличивает, чем уменьшает наше уважение к этому человеку. Он англичанин и патриот, но он порвал свои связи с британским правительством и работает теперь в качестве генерального секретаря Лиги наций. В таком качестве он больше не англичанин, но верный слуга Лиги. Однако особым достоинством сэра Эрика является то, что он одновременно и англичанин и лояльный слуга Лиги. Секретариат Лиги имеет много верных работников, но ни один из них В своей верности не может сравниться с преданностью сэра Эрика. После внимательного рассмотрения этого вопроса мы с уверенностью можем заявить, что высокое положение Секретариата Лиги в настоящее время не является случайным».

Глава восьмая
Разоружение

1. Риск войны

Согласно последнему обзору, составленному Статистическим бюро японского кабинета, население, богатство, общие государственные расходы и военные расходы различных государств представляются приблизительно следующими:

Государство	Население (в млн. чел.	Национальные богатства на душу населения (в иенах)	Доход на душу населения (в иенах)	Общая сумма правительственных расходов (в млн. иен)	Военные расходы (в млн. иен)	% военных расходов к общей сумме правительственных расходов	Правительственные расходы на душу населения (в иенах)	Военные расходы на душу населения (в иенах)
Япония	61	1 731	218	1 759	469	26,7	28,83	7,68
Великобритания . .	45	5 247	977	8 336	1 151	13,8	185,25	25,58
США	117	6 607	1 272	7 144	1 389	19,4	61,06	11,85
Франция	41	2 549	549	3 954	637	16,1	96,44	16,75
Италия	40	1 117	260	2-183	470	21,5	54,56	11,74
Германия	64	1 119	398	4 566	316	7,0	71,34	4,73
Россия	146	549	—	4 960	742	15,0	33,97	5,08

Как видно из этой таблицы, сумма ежегодных расходов на вооружение семи государств равняется приблизительно 5 174 миллионам иен. Доход японского народа на душу в год составляет 218 иен, а тяжесть государственных расходов на душу составляет 28,83 иены, или приблизительно 13 % от дохода. Из 28,83 иены государственных расходов 7,68 иены, или приблизительно 26 %, идут на военные расходы. Если сравнить доход с тяжестью расходов на вооружение в нескольких странах, то окажется, что итальянцы несут наибольшую тяжесть, тратя на оборону 11,74 иены, или 4,5 % их общего дохода, равного 260 иенам на душу. Дальше идут японцы с 3,5 % их дохода, за ними — французы с 3 %, потом — англичане с 2,6 %, за ними — немцы с 1,2 % и, наконец, американцы с 0,9 %. Тяжесть национальной обороны меньше всего у богатых американцев и англичан и наиболее велика у относительно бедных итальянцев, японцев и французов. Такое положение дел является ненормальным. Что касается доли расходов на вооружение к общей сумме государственных расходов, она наиболее высока в Японии, достигая 26,7 %, и значительно выше, чем в других странах, в Италии—21 %, за ней идет Америка с 19 %, Франция с 16 %, Россия с 15 %, Великобритания с 13,8 % и Германия с 7 %. Рассматривая вопрос со всех точек зрения, нужно сказать, что тяжесть вооружения, которую несет на себе японский народ, чересчур велика. За исключением' англичан и американцев,

ресурсы и доходы которых велики, военная тяжесть других народов, показанная в таблице, не может выноситься ими бесконечно.

Чтобы создать и укрепить силу государства, нет более действительного пути, как уменьшить наибольшую статью государственных расходов, а именно расходы на вооружение. Другие административные расходы, как правило, являются производительными расходами, и если они слишком сильно уменьшаются, это может оказать неблагоприятное влияние на силу нации. Из непроизводительных расходов расходы на вооружение могут быть сокращены без вреда для экономического положения страны.

Но если, однако, не будет общего соглашения между всеми государствами об уменьшении военных расходов, ни одно государство без ущерба для своей безопасности не сможет значительно уменьшить эти расходы. Отсюда возникает движение, стремящееся к сокращению вооружений одновременно и по общему согласию.

Предыдущие абзацы ставили вопрос о сокращении вооружений с точки зрения внутренних условий. Но имеется и другая сторона в этом вопросе — ограничение вооружений, очевидно, способствует международному миру.

Первый параграф статьи VIII устава Лиги гласит:

> «Члены Лиги признают, что укрепление мира требует уменьшения вооружений до наиболее низкого уровня, совместимого с национальной безопасностью и с необходимостью принуждения общими усилиями к выполнению международных обязательств».

Признавая, таким образом, что военные организации необходимы для национальной безопасности, нельзя не видеть, что существует угроза чересчур большого увеличения их. Этот параграф напоминает китайскую басню времен династии Тан о человеке, нарушившем мир, потому что он не мог удержаться от соблазна испытать свой меч, который оттачивал десять лет. Можно привести случай с молодым Вашингтоном, который срубил вишневое дерево, для того чтобы испробовать, остроту топора, который дал ему его отец. Вспоминается также история о кайзере, который вздыхал по поводу своего несчастья, что он при всей своей военной мощи должен сохранять нейтралитет во время русско-японской войны. После русско-японской войны Европа разделилась на два лагеря — Тройственный союз и Тройственное согласие. Каждый из них точил свои мечи, тренировал своих солдат и непрестанно увеличивал свою

военную машину. Но вооруженный мир не может долго продолжаться, и поэтому разразилась мировая война. Несомненно, указанный параграф устава основывается на горьком опыте Европы в 1914 г.

Сокращение вооружений благодаря связанному с ним уменьшению военного энтузиазма способствует международному миру. Благодаря уменьшению налогового гнета оно также облегчает положение налогоплательщиков. Каждое из этих двух обстоятельств само по себе достаточно, чтобы оправдать сокращение вооружений. Если рассматривать их вместе, то вопрос о сокращении вооружений представляется весьма важным и срочным. Однако, как уже было сказано, разрешение этого вопроса не может быть предпринято каждой нацией в отдельности. Сокращение вооружений является лишь частью большой проблемы. Двумя другими частями являются гарантии безопасности и арбитраж, и все три должны действовать одновременно. Но так как невозможно заставить все государства разрешить все три части этой проблемы одновременно, было бы всего практичнее, с одной стороны, сосредоточить усилия на более неотложной из них, а именно, на разоружении (даже частичном разоружении на суше, на море и в воздухе, в зависимости от того, какое из. них является наиболее срочным), а с другой стороны, систематически настаивать на договорах, гарантирующих безопасность, и на договорах об арбитраже.

Уровень, до которого вооружения могут быть сокращены, зависит от того, как далеко государства готовы идти в направлении дополнительных обязательств об арбитраже и взаимной безопасности. Если все государства согласятся передавать каждый спор между ними на арбитраж или на судебное разбирательство, они будут иметь солидную гарантию безопасности и смогут отказаться совершенно от вооруженных сил, за исключением тех, которые необходимы для целей внутренней политики. Однако, как было уже указано в предыдущей части, заключения договоров об арбитраже, необходимых для мирного разрешения всех международных споров, нельзя ожидать в настоящее время. Самое большее, к чему можно стремиться, это к созданию средств, дающих возможность передавать на арбитраж или на судебное рассмотрение юридические споры и те споры, которые не являются, как их обычно называют, политическими, которые каждое государство считает жизненно важными для себя. Для настоящего времени надо удовлетвориться сокращением вооружений, пропорциональным размеру созданных средств.

В настоящее время 90 % государств входят в Лигу наций. По

уставу Лиги, эти государства признают свою обязанность передавать или соглашаться на передачу на рассмотрение Советом Лиги всех споров, возникающих между ними, и притом не только юридических споров, но также и споров, достаточно серьезных, могущих привести к разрыву отношений между ними. Результаты рассмотрений их Советом представляются в форме пожеланий. Слово «пожелание» (рекомендация) является мягким словом, так как фактически невозможно отказаться следовать пожеланиям Совета. В действительности поэтому пожелание Совета незначительно отличается от окончательного судебного приговора, и в силу этого можно сказать, что обязательство защищаться против жалобы перед Советом представляет собой известную гарантию безопасности. Почему тогда, можно спросить, несмотря на эту гарантию, разоружение не осуществляется? На этот вопрос можно ответить, что настоящий устав Лиги имеет много недостатков.

Хотя устав Лиги говорит, что ее члены обязаны давать ответ на жалобы, поданные на них в Совет, но нет соответствующего обязательства с их стороны исполнять пожелания Совета, основанные на рассмотрении им этих жалоб. При некоторых обстоятельствах даже разрешается прибегать к оружию после известного срока, прошедшего со времени решения Совета. Более того, Совет может не достичь единогласия в своем пожелании, и тогда нет гарантии, что некоторые члены Лиги не прибегнут к агрессивным действиям в нарушение устава Лиги. Другими словами, настоящий устав имеет трещины, через которые может проникнуть война. Другой важной стороной вопроса является тот факт, что к Лиге наций не принадлежат некоторые великие державы. Ввиду этих недостатков и основательной тревоги невозможно в одну минуту добиться доверия и произвести (разоружение. По уставу Лиги, в нижеследующих случаях можно прибегнуть к войне, и Лига наций не сможет ее остановить благодаря только что указанным пробелам в уставе.

а. Война как законная самооборона

Надлежащие меры безопасности являются неотъемлемым правом самосохранения государства и не могут быть запрещены, если бы даже другие этого хотели. Лига не только не запрещает мер самозащиты, но даже поддерживает их. Таким образом, когда член Лиги подвергается агрессии со стороны другого государства, обязанность Лиги — принять меры, чтобы агрессивное

государство уважало территориальную целостность и политическую независимость пострадавшего государства.

б. Война, возникающая по мотивам, предусмотренным в статье XIII

Когда возникает спор, который признается подходящим для передачи на арбитраж или судебное решение, такой спор должен быть передан органу арбитража или Суда. Если одна из сторон отказывается следовать постановлению или решению последних, война против нее допустима. Однако споры, предусмотренные этой статьей, ограничиваются теми, которые раньше определялись как подлежащие арбитражу или Суду. В общем — это разногласия юридического характера, которые не являются достаточно важными, чтобы привести к разрыву. Поэтому невероятно, чтобы из-за них могла возникнуть война.

в. Война, возникающая по мотивам, предусмотренным параграфом пятым статьи XV

Если спор достаточно важен, чтобы привести к разрыву, и передан на рассмотрение Совета, причем все члены Совета, за исключением представителей спорящих сторон, единогласно приняли постановление и нашли путь для разрешения спора или рекомендовали примирение, война против стороны, которая отказалась следовать пожеланию Совета, признается законной. Хотя из этого /параграфа можно вывести заключение, что в случае, когда спорящая сторона отказывается следовать пожеланиям Совета, война, поскольку идет речь о вопросе, могущем привести к разрыву, является неизбежной, все же очевидно, что в действительности спорящая сторона всегда охотно примет пожелания Совета, так как другим выходом будет защита себя против противоположной стороны. Таким образом, на практике при таких обстоятельствах война не может возникнуть. Если по какому-либо случаю слабая сторона отвергнет, в то время как сильная сторона примет пожелание Совета, слабая сторона пойдет на самоубийство. Если рассмотреть различные условия, при которых война, предусмотренная этим параграфом, представляется возможной, можно причти к заключению, что такая война может произойти

лишь в случае, когда обе спорящие стороны имеют равную военную силу. При таком положении война не может считаться невероятной.

г. Война, возникающая вследствие отсутствия единогласия в Совете

Если Совет не в состоянии единогласно принять решение, спорящие стороны могут предпринять такие действия, которые им кажутся правильными, и им не запрещается начать военные действия (§ 6 статьи XV устава). Когда относительно спора, угрожающего отношениям между двумя государствами, существует расхождение взглядов в Совете, и члены Совета, за исключением представителей спорящих сторон, не в состоянии принять единогласное решение, остается только прибегнуть к войне, и создается положение дел точно такое, какое было до образования Лиги. Однако нельзя себе представить, чтобы все члены Совета, за исключением (Представителей спорящих государств, действительно не могли достигнуть единогласия и тем самым вызвали нарушение мира, поэтому опасность, проистекающая из этого гипотетического случая, практически не существует. За десять лет существования Совета состоялось 59 заседаний, и ни по одному из споров, которые рассматривались во время этих заседаний, не было ни одного случая, чтобы Совет не достиг единогласия. Если для Совета было нетрудно достигнуть согласия но вопросам, в которых не было риска войны, будет ли труднее для него достигнуть соглашения в отношении споров, из-за которых могла возникнуть война? Как было объяснено раньше, если пожелание принято Советом единогласно, война будет избегнута тем, что более слабая сторона первая примет это пожелание. В случае, если одно из государств членов Совета займет непримиримую позицию и, разрушив единодушие Совета, тем самым даст более сильной стороне возможность взяться за оружие, оно возьмет на себя полную ответственность за войну, которая благодаря этому возникнет. Нельзя представить себе, чтобы в Лиге наций нашлось государство, которое столь равнодушно и безразлично взяло бы на себя такую большую ответственность. Хотя из формулировок устава может казаться, что в этой связи война вполне возможна, на самом деле риск войны чрезвычайно мал, так как практически невероятно, чтобы члены Совета, за исключением представителей спорящих сторон, не могли достигнуть единогласия.

д. Возникновение войны по мотивам, предусмотренным параграфом седьмым статьи XV

Параграф 7 статьи XV устава предусматривает, что спорящее государство может настаивать и Совет Лиги может с этим согласиться, что спор, происходящий по какому-либо вопросу международного права, является предметом юрисдикции только внутренних судов этого государства; тогда Совет соответствующим образом высказывается и не выносит пожеланий относительно разрешения спора. Если Лига объявляет себя некомпетентной относительно споров подобного характера, положение в отношении таких споров получается то же самое, какое было до образования Лиги. Иначе говоря, остается вероятность возникновения из этих споров войны. Однако международное право не является абсолютно ясным относительно того, какие вопросы подлежат внутренней компетенции каждого государства, и может случиться, что спорящее государство будет настаивать, что спор подходит под этот параграф, а Лига не займет определенной позиции. Так как Лига в этих случаях не может разрешить вопроса, она будет принуждена по характеру дела использовать в этом споре до конца возможность добрых услуг, что может предупредить войну. Хотя теоретически война согласно этому параграфу возможна, ее действительная вероятность очень мала.

е. Война для наказания государства, нарушившего устав

Если государство, принадлежащее к Лиге, прибегает к войне невзирая на статьи XII, XIII и XV устава, оно признается совершившим акт войны против всех остальных членов Лиги и соответственным образом рассматривается как их общий враг. Совет сообщает всем другим членам, что он признает подобные действия актом войны, вследствие чего другие члены прекращают дипломатические отношения с нарушившим устав государством и немедленно после этого прерывают все экономические и финансовые сношения и даже всякую связь с ним. Совет может пойти дальше и после тщательного обсуждения может поручить некоторым государствам начать против нарушителя военные и морские действия. Таким образом, согласно статье XVI может

возникнуть война для наказания нарушителя устава Лиги.

Из нескольких статей, которые приводились и рассматривались, можно вывести заключение, что в настоящем, уставе Лиги имеется шесть щелей, через которые может проникнуть война. Это не означает, однако, что, если по теории через эти щели может проникнуть война, имеется опасность, что это произойдет на самом деле. Фактически, как уже объяснено раньше, автор не колеблясь может утверждать, что, поскольку речь идет о войне (б) против государства, которое не подчиняется решению или постановлению судебных органов или арбитражу в споре, подлежащем арбитражу, или о войне (в) против спорящего государства, отказывающегося принять единогласное пожелание всех членов Совета, за исключением представителей спорящих сторон, в споре, угрожающем разрывом дипломатических отношений или войной, или о войне (г), возникающей вследствие невозможности для Совета достигнуть единогласия в случаях, предусмотренных подразделением (в), — все же практически невероятно, чтобы в этих случаях война действительно разразилась, хотя в теории известная вероятность этого существует.

Остается возможность войны в случае законной самообороны (а), войны, возникающей из вопросов, связанных с компетенцией внутренних судов (д), и для наказания нарушителей устава (е). Что касается войны как законной самообороны, нельзя допустить в наше время, когда желание международного мира так велико и престиж Лиги наций так значителен, появления государства, так пренебрегающего правом, чтобы оно двинулось на территорию другого государства и угрожало его независимости. Более того, если такое нашествие было бы возможным, то Совет всегда в состоянии принять меры и предупредить возникновение войны прежде, чем она началась.

В случае спора по вопросу, относящемуся к внутренней компетенции, мало вероятно, чтобы Совет Лиги принял толкование, представленное одной из старой, и предоставил ей свободу действия в этом опоре, так как не существует прецедентов и установленных правил международного права в отношении споров между государствами по вопросам внутреннего характера. Однако логично допустить, что в вопросах совершенно внутреннего характера не может быть элементов спора, которые могут привести к разрыву дипломатических отношений. В действительности спорящая сторона может выдвинуть аргумент о суверенных правах только для того, чтобы предупредить вмешательство Лиги в споре явно международного характера. Если Лига примет этот аргумент, и

воздержится от поисков решения, это будет означать ее отказ от собственных прав и от большой ответственности по поддержанию международного мира. Однако такую возможность трудно себе представить, и в таком случае Совет, несомненно, приложит все усилия, чтобы предупредить войну. Таким образом, вероятность войны, возникающей из споров относительно вопросов внутренней компетенции, в действительности гораздо меньше, чем это кажется. Все же параграф ˆседьмой статьи XV устава, относящийся к таким опорам, со времени, когда он был впервые составлен, до настоящего времени считался содержащим элемент опасности, и время от времени велась агитация, чтобы его пересмотреть. Надо признать, что, до тех пор пока этот параграф надлежащим образом не будет исправлен, в нем всегда будет скрываться опасность войны.

В отношении допустимости войны (е) для наказания государства, которое прибегает к военным действиям в нарушение статей XII, XIII и XV устава, надо сказать, что в послевоенное время мало вероятно, чтобы какое-либо государство нарушило эти статьи и двинуло свои войска на территорию другого государства. Совершенно невероятно, чтобы нашлось какое-нибудь государство в мире, которое могло бы сопротивляться первым мерам наказания со стороны Лиги в виде экономической и финансовой блокады и разрыва связи с ним. Всеобщее мнение таково, что никогда не может быть надобности для Лиги прибегнуть ко второй мере наказания в виде военных или морских действий.

Подводя итоги тому, что было сказано в этом отношении, можно признать, что в уставе Лиги имеется шесть щелей, через которые война может проникнуть. За исключением войны для законной самообороны, войны, проистекающей из вопроса внутренней компетенции, и карательной войны, другие войны, предусмотренные уставом, являются чисто теоретическими, и они очень мало вероятны. Соответственным образом автор без колебания утверждает, что в действительности риск войны очень невелик, и поэтому имеется много возможностей для ограничения и сокращения вооружений.

2. Ограничение сухопутных воздушных и морских сил

Существует три вида вооружений — сухопутные, морские и воздушные, и все три вида вместе составляют национальную оборону. На заседании подготовительной комиссии Лиги наций по сокращению вооружений французский член комиссии утверждал, что невозможно рассматривать ограничения каждого вида вооружения отдельно и если один из видов вооружений будет уменьшен чрезмерно, другой вид должен быть соответственно увеличен, причем на уменьшение третьего вида можно согласиться лишь тогда, когда второй вид достаточно силен что все три вида надо обсуждать одновременно и что уменьшение вооружений может быть достигнуто только в том случае, если будет установлено надлежащее равновесие между всеми тремя видами. Хотя в теории этот взгляд представляется логичным, на практике коллективное обсуждение всех трех отраслей государственной обороны может только осложнить вопрос и помешать успеху его разрешения. Соответственно этому практический подход требовал, чтобы только один вид разоружения рассматривался в данное время. Таким образом, один вопрос может (рассматриваться в Вашингтоне, другой — в Женеве, при сохранении общей перспективы. Например, на конференции по сокращению вооружений в Вашингтоне в 1921 г. рассматривались только морские вооружения; воздушные и сухопутные вооружения были исключены из рассмотрения. Кстати сказать, это было сделано по настоянию Франции. По убеждению автора, метод, применявшийся в Вашингтоне, больше всего подходит к потребностям момента.

В эпоху высокого технического и промышленного развития простое сокращение сухопутных и воздушных сил не может иметь большого значения для укрепления международного мира, так как любая передовая в промышленном отношении страна, мобилизовав свою промышленность, может в течение одной или двух недель произвести тысячи самолетов и миллионы комплектов снаряжения. Поэтому мир не может ощущать особую безопасность, даже если руководящие промышленные государства — Англия, Соединенные штаты, Франция, Германия и Италия — значительно уменьшат свои запасы пулеметов, ружей и самолетов. Эти страны имеют крупные резервы промышленного оборудования и громадные капиталы, и хотя их снабжение оружием может быть уменьшено, их скрытая возможность в

случае нужды производить горы военных материалов остается неизменной. И если страна, в промышленном и финансовом отношении более слабая, неосторожно последует примеру больших промышленных и богатых стран и уменьшит свое вооружение, она окажется в случае опасности в чрезвычайно невыгодном положении. Таким образом, сокращение сухопутных и воздушных сил со стороны больших промышленных держав в большинстве случаев не принесет чувства безопасности странам, в промышленном отношении отсталым, и не может явиться основанием для них произвести пропорциональное сокращение.

Те же замечания относятся к числу солдат в армии. В наше время, при системе всеобщей одногодичной или двухгодичной воинской обязанности, государства превращают в солдат все мужское население страны, и таким образом является возможным в течение самого короткого времени двинуть на войну несколько миллионов солдат. Более того, в современной войне больше не употребляются массовое построение войск и полевая тактика. Современные боевые построения состоят из тысяч и тысяч траншей, в которых в отличие от сражений прошлого продолжительная служба и предварительная индивидуальная подготовка солдата не играют большой роли. Ввиду этого некоторые страны не могут чувствовать себя в безопасности, несмотря на то, что их соседи уменьшат размеры своих армий. В общем при современных условиях уменьшение сухопутных и воздушных сил не имеет положительного значения. Иначе обстоит дело, однако, с ограничением морских вооружений.

Постройка военных кораблей и морских пушек требует много времени и большой суммы денег, поэтому уменьшение морских сил создает чувство безопасности не только между государствами, участвующими в соперничестве по морским вооружениям, но и для остального мира. Благодаря реальной пользе от уменьшения размера флота при настоящем обсуждении мы будем иметь дело только с этой частью разоружения. Это не означает, что автор не признает необходимости уменьшения сухопутных вооружений. Напротив, он признает, что страна, в географическом и в других отношениях расположенная подобно Японии, нуждается в уменьшении не только морских, но и сухопутных сил. Но уменьшение сухопутных вооружений является делом, которое должно рассматриваться скорее как внутренняя проблема, и поэтому здесь будет обсуждаться только вопрос о морском разоружении.

3. Конференция по ограничению морских вооружений

Конференция по ограничению вооружений, созванная в 1921 г. президентом Соединенных штатов, поскольку дело касалось крупных морских судов, имела большой успех. Безоговорочное решение Великобритании, Америки и Японии уничтожить часть линейных кораблей, этих плавучих крепостей, которые так возбуждали их гордость, было не только мудрым и не имеющим примеров в прошлом, но действительно благородным решением. Своим успехом конференция, конечно, была обязана усилиям всех участвовавших в ней государств, но наибольшая заслуга принадлежит американскому делегату Чарльзу Юзу. Когда государственный деятель его масштаба и дальновидности показал, что его страна готова принести наибольшие жертвы, для других государств было трудно уклониться. Результатом соглашения пяти морских держав явилось уменьшение их военно-морского флота. Соотношение между тоннажем линейных кораблей каждого флота было определено следующим образам:

Страна	*Тоннаж (в тыс. т)*	*Пропорция*
Соединенные штаты	500	5,00
Великобритания	500	5,00
Япония	300	3,00
Франция	175	1,75
Италия	175	1,75

Предельный тоннаж для линейных кораблей был установлен в 35 тысяч тонн, а для авианосцев в 27 тысяч тонн. В отношении крейсеров не было заключено подробного соглашения, но, так как предельный тоннаж был ограничен 10 тысячами тонн и было запрещено ставить на них пушки калибра больше 8 дюймов, явилась возможность значительного сокращения расходов. Кроме того, были установлены ограничения для боеспособности крейсеров, чем также был сделан важный шаг по направлению к разоружению.

В это время автор находился в Европе, и так как он принимал участие в усилиях Лиги по разоружению, он был особенно удовлетворен достижениями Вашингтонской конференции. На заседании Ассамблеи Лиги в 1922 г. он имел случай воздать должное результатам Вашингтонской конференции.

Представители других членов Лиги тоже воспользовались случаем, чтобы объявить, что их священная обязанность для дела международного мира — последовать примеру пяти великих морских держав и произвести сокращение вооружений. Вскоре после этого в Риме па заседании подготовительной комиссии Лиги по сокращению вооружений автор был разочарован тем, что прежние заявления о приверженности делу разоружения оказались пустыми словами. Несмотря на неудачи в Риме, все же конкретные результаты Вашингтонской конференции ободряли друзей международного мира и усиливали движение за разоружение во всех странах.

Вашингтонская конференция была первым шагом к ограничению морских сил великих держав. Так как достигнутое на конференции соглашение касалось, главным образом, линейных кораблей, все ожидали, что вскоре будет созвана вторая конференция для обсуждения ограничения вспомогательных судов. Это ожидание не было напрасным, и в 1927 г., также по приглашению американского президента, в Женеве состоялась вторая морская конференция. Благодаря некоторым обстоятельствам Франция и Италия официально не участвовали в этой конференции, а послали просто наблюдателей, превратив конференцию в дело треугольника — Соединенные штаты, Великобритания и Япония. Конференция трех держав в Женеве продолжалась шесть недель, па ней происходили горячие дебаты, по, к несчастью, соглашения не было достигнуто. Трудно понять, почему конференцию постигла такая полная неудача. Женевская конференция не окончилась, точно говоря, разрывом, но так как общей почвы не было найдено, делегаты трех держав просто отложили ее, с тем чтобы сделать доклад своим правительствам по принадлежности и чтобы возобновить обсуждение несколько позже. Но если даже допустить, что конференция окончилась разрывом, одна неудача едва ли оправдывает отказ от великой задачи морского разоружения. Во всяком случае, чтобы читатели могли понять суть дела на предстоящей конференции[95] здесь будут объяснены главные причины провала Женевской конференции.

Соединенные штаты заняли такую позицию, что равенство морских сил между Великобританией и Америкой должно существовать не только на словах, По и на деле, и поэтому принцип равенства должен быть применен как к вспомогательным судам, так и к линейным кораблям. В отношении Японии. Соединенные штаты хотели, чтобы соотношение между линейными кораблями было распространено также и на японские вспомогательные суда. Американское

предложение для вспомогательных судов трех стран состояло в следующем:

Крейсеры	
Великобритания, Соединенные штаты	от 250 тысяч до 300 тысяч тонн
Япония	от 150 тысяч до 180 тысяч тонн
Миноносцы	
Великобритания, Соединенные штаты	от 200 тысяч до 250 тысяч тонн
Япония	от 120 тысяч до 150 тысяч тонн
Подводные лодки	
Великобритания, Соединенные штаты	от 60 тысяч до 90 тысяч тонн
Япония	от 36 тысяч до 54 тысяч тонн

Соединенные штаты заявили, что они будут приветствовать сокращение вооружений на указанном базисе до крайних пределов, но что они будут против ограничения тоннажа отдельных кораблей и калибра пушек вне тех пределов, о которых было достигнуто соглашение на Вашингтонской конференции.

Великобритания утверждала, что она не отстает от Соединенных штатов и Японии в желании установить возможные ограничения в отношении как вспомогательных судов, так и линейных кораблей, но ввиду особого положения Британской империи, требующего большого количества крейсеров, должны быть установлены ограничения тоннажа отдельных судов и калибра их пушек, прежде чем она согласится на ограничение общего тоннажа. Аргументация Великобритании сводилась к тому, что если она одна будет иметь большое количество малых крейсеров, вооруженных пушками малого калибра, в то время как Япония и Соединенные штаты будут иметь меньшее количество судов большего тоннажа и вооруженных пушками большего калибра, она окажется позади этих стран в отношении боевых сил. Во избежание этого Великобритания принуждена настаивать, чтобы соотношение 5:5:3 применялось к крейсерам в 10 тысяч тонн, вооруженным восьмидюймовыми пушками, чтобы таким был тип наибольшего крейсера и чтобы для всех трех стран были установлены общие ограничения в отношении тоннажа отдельных судов и размера пушек малых кораблей.

Япония стояла на той точке зрения, что предварительным условием созыва конференции было бы признание необходимости честно и действительно принять меры к ограничению и уменьшению вспомогательных сил, поэтому цели конференции будут лучше всего достигнуты, если будет принят принцип, по которому каждый флот должен быть уменьшен исходя из существующего размера. Другими словами, так как чувствовалось, что и американское и британское предложения были направлены против принципа разоружения и имели

тенденцию вести дело к расширению морских вооружений, то японские уполномоченные не могли принять такие предложения. Японские делегаты считали, что для достижения цели конференции Англия и Америка должны сократить тоннаж своих вспомогательных судов приблизительно до 470 тысяч или 480 тысяч тонн, взамен чего Япония соглашалась уменьшить тоннаж подобных судов до размеров, не превышающих 315 тысяч тонн. Что касается британского требования о сокращении калибра пушек, Япония противилась этому из принципа, хотя на практике она имела план, предназначенный для того, чтобы уничтожить беспокойство Великобритании по этому поводу.

В предыдущем изложении была кратко обрисована позиция каждой из трех стран. Если бы было возможно как-нибудь согласовать эти позиции, конференция могла бы закончиться каким-либо общим соглашением. Противоречивые взгляды существовали также в отношении миноносцев, но можно было рассчитывать, что по этому вопросу может быть достигнуто соглашение. Успех или неудача конференции зависели от разрешения вопроса о тоннаже тяжелых крейсеров и особенно калибра пушек па этих судах. В общем по вопросу о крейсерах в 10 тысяч тонн, вооруженных восьмидюймовыми пушками, Великобритания готова была принять равенство с Соединенными штатами и соотношение 5:5:3 с Японией, но, для того чтобы пойти навстречу желаниям Японии, она готова была сделать последней некоторые уступки. В отношении легких крейсеров Великобритания выдвигала сильный аргумент, что она нуждается в большом количестве таких судов для защиты ее сообщений со своими далекими самоуправляющимися доминионами и колониями, и твердо заявляла, что она не согласится на большое уменьшение общего тоннажа таких судов. С другой стороны, Великобритания давала понять, что она не будет возражать, если Соединенные штаты и Япония будут иметь большое количество легких крейсеров. Но последняя уступка не имела значения, так как ни Соединенные штаты, ни Япония не хотели строить излишнее количество легких крейсеров только для того, чтобы не расходиться с Великобританией. Британское предложение в отношении легких крейсеров поэтому практически означало требование повышенного соотношения или превосходства в этой категории военных кораблей. Скрытый мотив британской политики был ясен. В военное время она может превратить свои бесподобные, быстрые торговые суда в крейсеры, и эти последние образуют линию обороны, сравнительно недоступную для тяжелых вражеских крейсеров, вооруженных восьмидюймовыми пушками. Если бы британское предложение было принято, то в

случае войны Великобритании, скажем, с Соединенными штатами первая может противопоставить тяжелым вражеским крейсерам равное количество крейсеров того же типа и вместе с тем иметь с ее большим количеством легких крейсеров и с ее превосходным флотом вооруженных торговых судов значительно более выгодную позицию, чем позиция ее врага. Соединенные штаты поняли истинную цель британского предложения об ограничении тяжелых крейсеров восьмидюймовыми пушками и об уменьшении тоннажа легкого крейсера до 6 тысяч тонн. Соединенные штаты поэтому упорно сопротивлялись сокращению тоннажа отдельных единиц или размера пушек в пределах установленного общего тоннажа. Конференцию поэтому пришлось прервать. Может быть, если бы обсуждение продолжалось, то было бы трудно избежать резкостей в спорах относительно соотношения между Англией и Соединенными штатами, с одной стороны, и Японией — с другой, или между Соединенными штатами и Японией. Поэтому вопросы об ограничении тоннажа отдельных судов и калибра пушек и о соотношении между вспомогательными судами трех стран были поставлены, в порядок дня следующей конференции.

Замечание. *На Женевской конференции британские представители предложили, чтобы максимум тоннажа линейного корабля был снижен с 35 тысяч тонн, принятых в Вашингтоне, до 30 тысяч тонн, чтобы водоизмещение авианосцев было уменьшено с 27 тысяч тонн до 25 тысяч тонн и чтобы калибр пушек на авианосцах был уменьшен с восьми до шести дюймов. Но американские представители на основании того, что эти предложения выходили за пределы вопросов, поставленных на конференции, не были склонны благоприятно отнестись к этим предложениям. Японские представители заявили, что если даже британские предложения выходят за пределы целей, для которых была созвана конференция, они не противятся тому, чтобы было внимательно изучено каждое предложение, могущее привести к сокращению вооружений. Но они считают правильным, чтобы конференция занималась новыми проблемами только после того, как будет решена главная задача конференции, а именно ограничение тоннажа вспомогательных судов. Соответственно этому поставленные вопросы также были отложены как весьма важные до следующей морской конференции. Один из британских делегатов частным образом информировал автора, что если бы британские предложения были приняты, один британский флот получал бы экономию от 40 до 50 миллионов иен ежегодно.*

Весной 1929 г., вскоре после вступления в должность нового

президента Соединенных штатов Гувера, в Англии пришло к власти рабочее правительство Рамзея Макдональда. Как все того ожидали, новый британский премьер быстро приступил к неофициальному обсуждению с новым американским правительством вопроса о дальнейшем морском разоружении. Говорят, что в результате откровенного обсуждения между Макдональдом и американским послом Дауэсом была найдена основа для соглашения между Соединенными штатами и Великобританией относительно вспомогательных судов, в особенности крейсеров. Вскоре после этого Макдональд отправился в Соединенные штаты и частным образом получил от Гувера поддержку выработанной им и послом Дауэсом схемы, сделав таким образом возможным созыв Лондонской конференции. Еще рано пророчествовать, каковы будут результаты Лондонской конференции, то автор разделял общую надежду, что Великобритания, Соединенные штаты, Япония, Франция и Италия достигнут удовлетворительного соглашения и тем самым дадут доказательство практической ценности антивоенного пакта (Келлог— Бриан) и будут далее способствовать делу международного мира.

На основании работ Женевской конференции можно полагать, что, если бы мог быть достигнут компромисс по вопросу о крейсерах между Великобританией и Соединенными штатами, это в значительной степени обеспечило бы успех Лондонской конференции. Все же самый трудный вопрос о соотношении между флотами пяти наций еще требует решения. Если вопрос о соотношении между флотами мог бы быть разрешен, не было бы никаких трудностей для осуществления однородного уменьшения морских сил. Надо приветствовать нахождение основы для соглашения между Соединенными штатами и Великобританией, потому что она дает ключ к соглашению между пятью государствами о соотношении морских сил.

Согласно сообщениям прессы, американское правительство желало разрешить вопрос о соотношении морских сил на основании принципа, что каждый флот должен быть так составлен, чтобы для него было трудно нападать, но легко отражать врага. Японские делегаты добивались решения, основанного на теории, что если флот достаточно сокращен, он не может представлять угрозу для кого бы то ни было. Обе схемы имеют свои положительные стороны, по должны встретиться трудности при их практическом применении.

Допустим, что соотношение 10:10:7 между морскими силами Британии, Америки и Японии соответственно обеспечивает для этих трех государств положение, при котором трудно нападать и

легко защищаться, но какое влияние это соотношение окажет на Францию и Италию? Соотношение между Великобританией и Америкой, Францией и Италией, равное 10:10:3,5:3,5, не только устранит всякую опасность нападения со стороны Франции и Италии, но сделает чрезвычайно легким нападение Великобритании и Америки на Францию и Италию. Япония благодаря ее географическому положению, которое требует превосходного вражеского флота для действий против нее за много тысяч миль от его базы, может чувствовать себя в безопасности при 70-процентном соотношении морских сил. Но Франция и Италия, не имеющие таких географических преимуществ, вероятно, будут испытывать известную степень беспокойства, если их морские силы будут установлены в 3,5 % морских сил Великобритании и Америки. На основании тех же рассуждений можно заключить, что при пропорциональном уменьшении флотов всех государств силы Британии и Америки и в меньшей степени Японии, Франции и Италии останутся источником опасности для других стран. Например, итальянский флот будет представлять угрозу Греции, греческий флот — угрозу Турции и т. д. Таким образом, некоторые предложения могут представляться непосвященному человеку довольно простыми, но они при практическом применении вызывают осложнения.

До тех пор пока институт войны не исчезнет с лица земли, общее разоружение может быть осуществлено только двумя путями: или исходя из существующей силы как образца, или посредством установления произвольного соотношения. Приняв существующую силу как образец, можно получить исходный пункт для разоружения и добиться уменьшения вооружений, несмотря на то что этот метод может в некоторых случаях действовать несправедливо и неразумно. Вашингтонская конференция 1922 г. была успешной, потому что она придерживалась этой схемы разоружения. Если метод, основанный на уменьшении существующей силы, не подходит, ничего не остается другого, как принять метод установления твердого соотношения. Произвольный метод соотношения может быть отвергнут на том основании, что он затрагивает вопрос о суверенитете, но если и этот метод отвергается, то уменьшение вооружений становится невозможным. Если нельзя согласиться на уменьшение вооружений, неизбежной становится конкуренция вооружений, а конкуренция вооружений является обычно прелюдией к войне. Если необходимо устранить войну и одновременно облегчить тяжесть военных расходов, которые несут налогоплательщики во всем мире, ничего другого не остается, как только принять соотношение, установленное общим

соглашением. Конечно, такое соотношение не должно быть неразумным. Проблема разоружения слишком серьезна и слишком сложна, чтобы можно было отделаться словами и поверхностными лозунгами. Это проблема, которая требует того, чтобы бесстрашно смотреть в лицо фактам.

Автор не берется судить, не будучи специалистом, является ли соотношение в 70 % (к британским и американским — 100 %), которое, как говорят, японские делегаты будут отстаивать на предстоящей Лондонской конференции, абсолютно необходимым для японской обороны или нет. Если цифры японских делегатов преувеличены в целях торга, они не должны ждать, чтобы другие делегаты на это указали, а должны сами выступить и сказать это. Поступая, так, они не сделают одолжения оппонентам, но будут действовать в интересах налогоплательщиков своей собственной страны. Это замечание, однако, бьет мимо цели. Если японское требование о соотношении в 70 % не будет принято Англией и Соединенными штатами, может создаться тяжелое положение. Международная обстановка теперь не та, какая была во время Вашингтонской и Женевской конференций. Пакт против войны (Келлог — Бриан) уже действует, и Лондонская конференция проникнута его духом. Если Великобритания и Америка будут противиться требованию Японии о 70 % их силы, они пренебрегут духом пакта, потому что пакт стремится уничтожить войну как орудие государственной политики, т. е. агрессивную войну. Если Лондонская конференция действительно будет придерживаться духа пакта, не должна ли она действовать решительно, чтобы лишить морские силы участвующих государств способности к агрессии и довести их до строго оборонительных пределов? С точки зрения обыкновенного человека автор, не понимает утверждения, что британские и американские морские силы, соответствующие 100 %, не будут иметь достаточной оборонительной силы против японских 70 %. Такого рода позиция несовместима с истинным духом мирного пакта. Автор занялся бы этим вопросом еще больше, но Лондонская конференция сейчас заседает, и он хочет отложить дискуссию.

4. Лондонская морская конференция [96]

Как и ожидалось, на Лондонской морской конференции разразился кризис, и, когда стал обсуждаться вопрос о соотношении между вспомогательными судами, создалась угроза разрыва. С одной стороны, было почти непримиримое расхождение во взглядах между Францией и Италией; с другой стороны, обнаружились серьезные разногласия в связи с англо-американской позицией в отношении ограничения вспомогательных судов Японии. Соглашение между Францией и Италией было отложено на будущее. Между Японией, Великобританией и Америкой в конце концов после повторных переговоров был достигнут компромисс. Было подписано соглашение между участвующими державами относительно срока замены линейных кораблей, двух-трех изменений в положениях Вашингтонского договора, а также ограничений деятельности подводных лодок в отношении торговых судов. Кроме того, было подписано соглашение, касающееся соотношения вспомогательных сил Японии, Великобритании и Соединенных штатов. 22 августа 1930 г. представители заинтересованных государств подписали так называемый договор пяти держав, обычно называемый Лондонским морским договором и заключающий указанные соглашения.

Третья часть соглашения Японии, Великобритании и Америки относительно вспомогательных судов является главной частью, может быть, даже оправданием существования Лондонского договора. Присоединение к договору Франции и Италии было почти номинальным.

Тоннаж вспомогательных судов Японии, Великобритании и Соединенных штатов был установлен договором в следующем виде:

	Великобритания	Соединенные штаты	Япония	Процент для Японии
Крейсеры				
А. С пушками больше 6,1 дюйма . . .	146 800	180 000	108 400	От Великобритании — 73,8, от США—60
Б. С пушками менее 6,1 дюйма . . .	192 200	143 500	100 450	От Великобритании — 52,2, от США—70
Миноносцы	150 000	150 000	105 500	От обеих стран—70,3
Общий тоннаж надводных судов . . .	489 000	473 500	314 350	От Великобритании — 64,3, от США—66,3
Подводные лодки .	52 700	52 700	52 700	Одинаковый для всех трех стран
Общий тоннаж вспомогательных судов	541 700	526 200	367 050	От Великобритании — 67,7, от США—69,7

Как видно из таблицы, японская доля вспомогательного надводного флота установлена, согласно Лондонскому морскому договору, в 64 % от британского надводного вспомогательного флота и 66 % — от американского. Тоннаж подводного флота каждого из трех государств установлен одинаковый — в 52 700 тонн. Таким образом;, общий размер тоннажа вспомогательного флота Японии составляет 67,7 % от соответствующего тоннажа Великобритании и 69,7 % — от такого же тоннажа Америки.

Автор был поражен величиной проявившейся в Японии оппозиции соотношению морских сил, установленному Лондонским договором. Центром нападения была установленная для Японии доля крейсеров, имеющих орудия калибром более 6,1 дюйма, от соответствующего тоннажа Америки, т. е. для крейсеров группы А. Если эта доля не будет повышена и не будет установлено соотношения 10:7, японский флот, так заявлялось, не будет в состоянии отразить нападения со стороны американского флота и наверняка будет разбит. Конечно, если 60 % тоннажа крейсеров группы А представляет собой соотношение, столь неблагоприятное для Японии, договор, который создает такую угрозу для национальной обороны Японии, должен быть во что бы то ни стало отброшен. Основание для утверждения, что соотношение в 60 % для крейсеров группы А бесполезно в предполагаемой войне, можно найти среди так называемых трех основных принципов схемы японской морской обороны. Эти принципы устанавливают минимум, необходимый для защиты империи, и требуют 70 % от тоннажа Америки по крейсерам группы А, сохранения существующей силы подводного флота в 78 тысяч тонн и общего тоннажа для вспомогательных судов, равного 70 % от соответствующего тоннажа Америки.

Исходя из этих основных принципов, поддерживаемых морскими авторитетами Японии, последние не могут принять условий Лондонского договора. Однако, если внимательнее изучить происхождение этих принципов и аргументацию, выдвигаемую для обоснования их, можно установить, что вопрос является недостаточно ясным и не имеет убедительных доказательств по существу. Что касается существующей силы подводного флота размером в 78 тысяч тонн, то действительный тоннаж японских подводных лодок, включая устарелые суда, во время Женевской конференции 1927 г. составлял 60 тысяч тонн. Добавочный тоннаж существовал только на бумаге. Кроме того, вице-адмирал Кобаяси от Японии и вице-адмирал Фильд от Великобритании тогда достигли полуофициального соглашения и установили одинаковый тоннаж подводных лодок в 60 тысяч тонн, поэтому можно считать, что японские морские авторитеты полагали такую силу достаточной для национальной обороны. Почему японские морские авторитеты в 1927 г. удовлетворялись 60 тысячами тоннажа для подводных лодок, а в 1929 г., только два года спустя, когда последовало приглашение на Лондонскую конференцию, заявили, что 78 тысяч тонн являются минимумом, необходимым для национальной обороны?

Если бы в течение этих двух лет создались новые союзы или соглашения о морском сотрудничестве между воображаемыми врагами — допустим, что действительно такие имелись, — было бы понятно изменение позиций японских моряков. Однако не только не было таких союзов и соглашений, но большие и малые государства мира заключили тем временем договор против войны. Если антивоенный договор был бессилен предотвратить войну, все же надо признать, что он до некоторой степени улучшил международные отношения и способствовал международному миру.

Так как автор, несмотря на долгое раздумье, не мог понять логику трех основных принципов, провозглашенных морскими авторитетами Японии, он просил последних Дать ему объяснение. Они ответили, что выражение «три основных принципа» появилось в течение Лондонской конференции в печати и в повседневных разговорах, но его не было в официальных документах. Таким образом, три основных принципа не представляют собой неизменных правил, установленных после Вашингтонской и Женевской конференций, но были сформулированы для Лондонской конференции. Иначе говоря, они представляют собой желательные положения, которые морские авторитеты хотели бы видеть осуществленными на Лондонской конференции. Чтобы их осуществить, прежде всего

необходимо было объединить общественное мнение для поддержки их и затем это объединенное мнение выдвинуть на помощь этим принципам. Соответственным образом три основных принципа были, сформулированы и изложены морским министром для генро[97] и других государственных деятелей и лидеров обеих палат парламента, причем морские офицеры излагали их в беседах с представителями печати. Три основных принципа представляли собой часть дипломатической стратегии, которую морские авторитеты применяли для того, чтобы получить желательные для них результаты на Лондонской конференции. Но эта стратегия не только ничего не добилась от Великобритании и Америки, но создала затруднительное положение дела. Мысль о том, что сила крейсеров группы А, равная 70 % от великобританского и американского тоннажа, и тоннаж подводных лодок в 78 тысяч тонн представляют необходимый минимум для национальной защиты, глубоко вкоренилась в умах народа, вместе со страхом, что меньшее означало бы поражение в войне. При создавшейся обстановке было вполне естественно, что часть народа была возбуждена, когда было сообщено, что но Лондонскому договору тоннаж Японии по крейсерам группы А зафиксирован в 73 % от соответственного тоннажа Великобритании и 60 % от такого же тоннажа Америки, а в отношении подводных лодок, хотя и было установлено равенство с другими двумя странами, их тоннаж был беспощадно уменьшен с 78 тысяч до 52 700 тонн. Морские авторитеты Японии оказались повинными в том, что пробудили в народе, незнакомом с техническими вопросами, соответствующие опасения. Среди противников Лондонского договора в Японии имеется некоторое число людей, которые не думали, что соотношение 10:6 по крейсерам группы А между Америкой и Японией и ограничение тоннажа подводных лодок 52 700 тонн означает верное поражение на войне, но они кипели от возмущения, что их страна была принуждена Великобританией и Америкой принять такие ограничения. Такое недовольство, несомненно, лежит в основе их вражды к договору, хотя оно произошло из совершенно ошибочных предположений. Разве Япония на Женевской конференции не делала Америке и Англии предложения о том, чтобы они уменьшили тоннаж своих вспомогательных судов до 1470 480 тысяч тонн, и не предлагала взамен этого понизить тоннаж своих судов до максимума 315 тысяч тонн? Разве пределы, установленные. Лондонской конференцией в этом отношении, именно, 489 тысяч тонн для Великобритании, 473 500 тонн для Соединенных штатов и 314 350 тонн для Японии, не являются точно тем, чего добивались и

публично поддерживали на Женевской конференции японские делегаты? На самом деле, с точки зрения Великобритании и Америки, если и было какое-либо принуждение, то оно исходило от Японии, и как раз они уступили этому принуждению. Кроме того, на Женевской конференции Соединенные штаты предлагали, чтобы британский и американский тоннаж подводных лодок был установлен между 60 и 90 тысячами тонн, а японский — между 36 и 54 тысячами тонн, и настаивали на соотношении 10: 10:6 по этому типу судов, не соглашаясь с проектом Кобаяси — Фильда об одинаковом тоннаже 60 тысяч тонн для всех трех государств. Но на Лондонской конференции все же Америка согласилась на равенство в 52 700 тонн. Несомненно, Америка считает, что японские делегаты одержали победу и что она сделала великодушную уступку, когда согласилась на равенство подводных сил.

Естественно, что японские моряки, которые готовы были в Женеве но англо-японскому соглашению уменьшить тоннаж подводных лодок с 78 тысяч до 60 тысяч тонн и снова в Лондоне по соглашению о равенстве уменьшить его с 60 тысяч до 52 700 тонн, могут чувствовать, что недостающие 7 300 тонн подводных лодок (разница между 60 тысячами тонн и 52 700 тонн) материально понижают их боеспособность и поэтому хотели бы возместить этот ущерб за пределами действия Лондонского договора. Каждый простой гражданин может это попить. Однако предполагаемый расход 500 миллионов иен, требуемый моряками для того, чтобы покрыть уменьшение тоннажа подводных лодок на 7 300 тонн, явно преувеличен. Во всяком случае убеждение, что Великобритания и Америка на Лондонской Конференции принудили Японию принять ограничение морских вооружений, создающее опасность для ее национальной обороны, не имеет оснований.

С другой стороны, нельзя отрицать, что бы ни говорилось в их защиту, что Великобритания и Америка действовали с довольно плохими намерениями, отказавшись принять три основных положения Японии. После антивоенного договора в обстановке, при которой агрессия не должна иметь места, максимум морских сил в 70 % создал бы в Японии ощущение безопасности и в то же время не причинил бы беспокойства другим двум государствам. В связи с Лондонским договором возникло много трудных проблем внутреннего характера, как, например, нарушение высших прерогатив (трона) определять государственную военную силу или ответ военного совета трону. Поскольку эти вопросы затрагивают только внутреннее управление и касаются партийной политики, они не будут здесь

обсуждаться. Па чем следует остановиться в данное время — это на оценке Лондонского договора с точки зрения международного мира. Нет надобности говорить, что целью Лондонского морского договора является обеспечение международного мира и облегчение тяжести налогов. Договор, который не достигает этой цели, как бы он ни был благодетелен для японской государственной обороны против иностранных государств, не может принести действительной пользы. Если, напротив, договор этот достигает указанной цели, мы должны признать, что если он невыгоден в некоторых отношениях, все же при данных обстоятельствах мудрая политика требует присоединения к нему при условии, конечно, если национальная оборона от этого серьезно не пострадает. Лучший способ определить, должна ли Япония принять или не принять Лондонский договор, — это предположить, что договор, благодаря тому что он отвергнут, провалился. В этом случае ясно, что Великобритания и Америка будут подозревать Японию в зловещих намерениях и будут готовы явно или тайно принять соответствующие меры. Таким образом, если Япония сделает в это время ложный шаг, это будет означать, что каждое ее действие будет рассматриваться Америкой и Великобританией с подозрением и расхождение между ними все время будет увеличиваться и будет отдалять их от нее. Если при такой атмосфере соберется следующая конференция по разоружению, Великобритания и Америка, несомненно, будут настаивать на условиях, еще более невыгодных для Японии, чем условия Лондонской конференции, и дадут противникам Лондонского договора действительное основание для беспокойства. В этом случае Япония не будет иметь другого выхода, как только отвергнуть англо-американские условия; в результате конференция разойдется, причем каждая сторона будет не удовлетворена и будет порицать другую за разрыв. Такое положение приведет к тому, что Япония на долгое время окажется под наблюдением британских и американских морских сил и что два британских и два американских корабля будут построены на каждый один японский корабль. В то же время антияпонские настроения дадут себя знать в англо-саксонском мире и найдут отклик среди малых государств, заинтересованных в англо-американском благоволении. Такую мрачную картину следует сравнить с тем положением, которое последует после того, как Лондонский договор войдет в силу.

Если принять на основании объяснений самих морских авторитетов, что заявление о трех основных принципах японского флота, которые вызвали оппозицию Лондонскому договору, является только дипломатическим маневром, примененным

специально для Лондонской конференции, то не может быть страха, что положения Лондонского договора, которые во всяком случае недалеко отходят от этих принципов, угрожают национальной безопасности. Нельзя забывать, что, подписывая Лондонский договор, Япония обнаружила дух примирения и действительное желание мира, что было с признательностью встречено во всем мире, особенно в Великобритании и Америке, и благодаря этому репутация Японии как государства, стоящего за справедливость и добрососедские отношения, чрезвычайно выиграла. Если бы Англия и Америка имели намерение на ближайшей конференции по морскому разоружению принудить Японию к еще более низкому соотношению, то ничто не может более смягчить их отношение к Японии, как принятие последней Лондонского договора. Отказ Японии от договора вызвал бы натянутые отношения и большую непримиримость и твердость их условий.

Когда Япония на Женевской конференции 1927 г. предложила, чтобы тоннаж ее вспомогательного надводного флота был определен несколько более 300 тысяч тонн, и требовала, чтобы соответствующие британские и американские силы были уменьшены до 470 480 тысяч тонн, в ответ на это Великобритания заявила, что особое положение ее империи требует не менее 70 крейсеров и что соглашение на предложенной основе невозможно.

Однако на Лондонской конференции, два с половиной года спустя, Великобритания согласилась понизить этот тоннаж до 480 тысяч тонн при соответственном уменьшении Японией тоннажа до 310 тысяч тонн, т. е. почти буквально приняла предыдущее японское предложение, сделанное в Женеве. Чем объясняется такое изменение позиций? Очень просто. Общее стремление к миру после Женевской конференции усилилось и привело лейбористскую партию к власти в Англии. Рабочее правительство, поддержанное мирными стремлениями британского народа, согласилось на предложение, сделанное Японией в Женеве, тогда как консервативное правительство объявило его совершенно неприемлемым. В самом деле, британский народ горячо приветствовал даже уменьшение силы крейсеров, что с британской точки зрения надо считать очень большой уступкой. За два с половиной года до этого Великобритания настаивала в Женеве, что если она не будет иметь 70 крейсеров, она не будет чувствовать себя в безопасности, но на Лондонской конференции она охотно срезала общий тоннаж крейсеров и миноносцев почти на 25 %, т. е. до 480 тысяч тонн, и не чувствует по этому поводу беспокойства. Такая перемена фронта вызывает с нашей стороны

большой интерес. По-видимому, национальная безопасность зависит столько же от международной доброй воли, сколько от надлежащих вооружений. Как бы превосходны ни были морские и сухопутные вооружения государства, если отсутствуют дружеские отношения и появляются конфликты со многими странами, неизбежно будут осложняться международные отношения, и ни одна страна не будет иметь сознания безопасности. Британский народ уважает Лигу наций, разумно полагается на договор против войны и, доверяя ему, уменьшает свои надводные вспомогательные морские силы до степени, удивляющей другие народы, потому что он не имеет никаких сомнений в действительной дружбе со стороны Соединенных штатов, Японии и континентальных европейских государств. Если существующая добрая воля в американо-английских и англо-японских отношениях будет продолжаться и британские чувства распространятся на американский народ, вполне возможно, что американские подозрения в отношении Японии исчезнут и на ближайшей морской конференции будет достигнуто новое, может быть, неожиданно удовлетворительное соглашение. Государственные деятели, интересующиеся иностранными делами, должны тщательно изучить эту идею и напрячь все усилия, чтобы использовать все имеющиеся в ней благоприятные возможности. Автор был сильно разочарован тем, что когда прошлым летом и осенью (1930) горячо обсуждались все аргументы за и против Лондонского договора, он ни разу не слышал в официальных и частных кругах Японии каких-либо замечаний относительно политической стороны вопроса.

5. Кодификация морских правил в военное время

Провал попытки Соединенных штатов, Великобритании и Японии достигнуть соглашения на конференции по морскому разоружению в Женеве заставил весь мир ожидать скорой конкуренции морских сил между Великобританией и Америкой и посеял пессимизм относительно перспектив морского разоружения. Хотя нельзя забывать об уроках истории, согласно которым две равные силы не могут таковыми оставаться долгое время, все же провал Женевской конференции нельзя приписать только конкуренции между Великобританией и Соединенными штатами. Уже больше столетия, как морские законы во время войны являлись предметом споров между этими двумя государствами. Американцы в общем думают, что неизменное в течение долгого времени пренебрежение к их пожеланиям и правам со стороны Великобритании объясняется существованием несравнимо более сильного британского флота. Вследствие этого, когда в результате войны 1914–1918 гг. мировой центр передвинулся в Западное полушарие, американцы твердо решили иметь такой же могущественный флот, как и британский, и больше не допускать попрания своих прав. Нельзя забывать, что эта позиция Соединенных штатов была важным фактором в провале Женевской конференции. Народ может понять потребность Великобритании в большом. числе крейсеров для охраны широко разбросанной империи, самоуправляющихся доминионов и колоний, но ему трудно понять, почему Америка, не имеющая такой проблемы обороны, настаивает на равном числе крейсеров. Эта неспособность понять американскую позицию происходит от незнакомства с ее только что упомянутым старинным спором с Англией. Если Англия уступит американской традиционной интерпретации морских законов во время войны, очень вероятно, что Америка несколько отступит от своего требования об абсолютном морском равенстве с Великобританией, и оба государства смогут согласиться на некоторые меры по разоружению.

В апреле 1928 г. полковник Хауз, личный советник покойного президента Вильсона, в «Contemporary Review» высказал мнение, что конференция трех держав по морскому разоружению в Женеве провалилась, главным образом, потому, что не была подтверждена доктрина свободы морей. Полковник указал, что англо-американская война 1812 г. возникла из-за вопроса о

свободе морей и что во время американской гражданской войны Великобритания и Соединенные штаты чуть не Дошли до войны из-за того же вопроса. Вспомнив, как недавно, еще в то время как Соединенные штаты были нейтральными в мировой войне, происходил обмен резкими заявлениями с Великобританией и Францией по этому поводу, полковник пришел к заключению, что если мировые державы согласятся признать свободу морей, успех конференций по разоружению будет обеспечен. Полковник Хауз с самого начала войны верил в доктрину свободы морей. Во время своего визита в Германию в 1915 г. он говорил германскому канцлеру Бетманн-Гольвегу, что если воюющие и главные нейтральные державы придут к соглашению 1) об уничтожении военной контрабанды и 2) о неприкосновенности частной собственности на море как в военное, так и в мирное время, это имело бы громадное значение и помешало бы распространению войны. Благодаря промаху канцлера, выдвинувшего это как предложение Германии, идея Хауза, к сожалению, не встретила должного к себе отношения. По сообщению толковника, пункт о свободе морей был одним из четырнадцати пунктов, которые президент Вильсон хотел выдвинуть сначала на Версальской конференции, но обсуждение его встретило сопротивление Великобритании на том основании, что вопрос является гораздо более сложным, чем кажется по названию, и вместе с тем благодаря расплывчатости не поддается определению и толкованию, чтобы его можно было разрешить в короткий отрезок времени, которым располагает конференция. Веря в то, что война исчезнет с лица земли, если будет образована Лига наций, а если даже разразится война, то не будет больше нейтралитета, Вильсон решил, что будет правильнее ускорить появление Лиги, чем заставлять Великобританию заниматься этим вопросом.

Однако случилось нечто противоположное расчетам Вильсона. Лига появилась, но Соединенные штаты оказались вне ее. Таким образом, благодаря капризу судьбы Америка попала не в лучшее положение, чем раньше, и должна продолжать свою борьбу за свободу морей.

Занимая место первого государства в мире, Соединенные штаты в своей защите свободы морей полны решимости не подчиняться более британскому деспотизму в открытом море. Находясь вне Лиги, Америка занимает положение, при котором она может защищать свои права нейтрального государства даже в том случае, если Лига предпримет против нее карательную войну. Поэтому потребность Америки иметь морское равенство с Великобританией и ее настойчивость в этом отношении вполне понятны. Требование Великобритании, ввиду ее особого

положения, иметь большое количество крейсеров, вызывает в Америке беспокойство, так как во время войны эти крейсеры будут останавливать, обыскивать и захватывать нейтральные американские суда и их груз или будут наносить удары американской торговле путем блокады как нейтральных, так и вражеских портов. По мнению полковника Хауза, в случае войны между Англией и другим государством, например Францией, Англия может, как она это сделала во время мировой войны, пренебречь правами нейтральных государств и распространить свою блокаду даже на порты Испании, Португалии, Бельгии и Италии, при каковых условиях будет трудно избежать англо-американского конфликта. Полковник Хауз говорил, что единственно возможной причиной войны между Великобританией и Америкой является спор по вопросу о нейтралитете. Па первый взгляд может показаться, что между вопросом о кодификации правил морской войны и разоружением нет связи, но если внимательно присмотреться, то будет видно, что между обоими вопросами существует чрезвычайно тесная связь.

Статья XVI устава Лиги наций предусматривает:

> «Если какой-либо член Лиги наций в нарушение статей XII, XIII или ХУ прибегнет к войне, тем самым он совершит акт войны против всех других членов Лиги, которые вследствие этого немедленно прекращают с ним все торговые и финансовые отношения, запрещают всякое общение между своими гражданами и гражданами государства, нарушившего устав, и объявляют о прекращении всех финансовых, торговых или личных отношений между гражданами государства, нарушившего устав, и гражданами всякого другого государства, независимо от того, является ли оно членом Лиги или нет.
>
> Совет в этом случае обязан сделать предложение нескольким заинтересованным правительствам относительно действительных военных морских и воздушных сил, с помощью которых члены Лиги будут содействовать вооруженным силам, применяемым для защиты устава Лиги».

Эта статья коренным образом меняет существующие правила морской воины и затрагивает не только государства, принадлежащие к Лиге наций, но и государства, которые не являются членами Лиги. Она упраздняет права нейтральных государств. Она прекращает финансовые, коммерческие и

частные отношения с государствами, нарушившими устав, как со стороны государств членов Лиги, так и со стороны государств, не являющихся ее членами. Таким образом, предусматривается полная — со стороны суши, моря и воздуха — изоляция государства, виновного в нарушении устава Лиги. Следовательно, не делается различия между военной контрабандой и неконтрабандой и запрещаются всякие грузы, как исходящие от государства, нарушившего устав, так и идущие в это государство, как бы эти грузы безвредны ни были, в том числе и почта. Общие правила, регулировавшие так называемую «действительную блокаду», оказались устаревшими, так как статья XVI предусматривает полную блокаду против виновного государства. Суда, предназначенные для государства-нарушителя (как и всякое непрямое сообщение с этим государством), будут приостанавливаться, где бы они ни были найдены, без соблюдения формальности относительно осмотра и обыска. Если все государства, не являющиеся членами Лиги, примут это революционное правило новейшего международного права, его осуществление будет простым делом, но если некоторые из них отвергнут его и будут настаивать на уважении их прав нейтральных государств на основании до сих пор признававшегося международного права, тогда его осуществление будет связано с осложнениями.

Предположим, например, что карательная война ведется в Европе против государства, нарушившего устав, и британские и французские военно-морские силы, патрулируя по мандату Совета Лиги моря, остановят американское судно, нагруженное неконтрабандным грузом, и не позволят ему следовать в порт государства, нарушившего устав Лиги. Подчинится ли спокойно такому обращению со своими гражданами правительство Соединенных штатов? Вероятнее всего, оно предъявит решительный протест Лиге, и она в этом случае будет находиться в трудном положении. Если Лига будет продолжать карательную войну против государства, нарушившего устав, готова ли будет она идти на риск новой и более опасной войны? И не постараются ли британские и французские военно-морские силы уклониться от обязательства исполнять полицейские обязанности на море, если оно сопряжено с такими опасностями? И если их морские силы уклонятся от своих обязательств, не будет ли ясно, что карательная война на основании статьи XVI устава на практике неосуществима? С другой стороны, возможно, что Соединенные штаты из сочувствия высоким целям карательной войны любезно окажут непрямую поддержку мерам Лиги и запретят своим гражданам торговлю и общение с государством, нарушившим

устав. Если даже так будет, можно ли ожидать такого же сочувствия со стороны Советской России, Мексики, Турции, Эквадора и других государств, не состоящих членами Лиги? Чем больше мы рассматриваем этот вопрос, тем более сложным он представляется и заставляет нас прийти к заключению, что в интересах беспрепятственного применения устава Лиги необходима кодификация морских правил во время войны.

Из всех правил и обычаев международного права самыми неопределенными были всегда морские правила и обычаи во время войны. Не только в XVIII веке, но даже до середины XIX века не было морского права во время войны. Полагаясь на свое превосходство, британский флот в те дни обращался с правами нейтральных государств, как хотел, а нейтральные государства пользовались для самозащиты военными судами, конвоировавшими их торговое судоходство. Морское судоходство во время войны являлось, таким образом, делом весьма рискованным и опасным. Основания морского права во время войны были положены декларацией Парижского конгресса 1856 г., а до этого времени установление таких правил являлось во всех отношениях исключительной привилегией судей британских призовых судов. В этой декларации в первый раз были приняты четыре основных правила, а именно: 1) запрещается навсегда деятельность частных лиц, направленная на борьбу с контрабандой; 2) товары неконтрабандного характера, принадлежащие врагу и находящиеся на нейтральных судах, не могут быть захвачены; 3) товары неконтрабандного характера, принадлежащие гражданам нейтральных стран и находящиеся на вражеских судах, не могут быть захвачены; 4) блокада, не полностью осуществленная («бумажная»), не считается действующей. Морские законы во время войны начинают принимать конкретные формы после Парижской декларации, но, так как Соединенные штаты и Испания: не присоединились к этой декларации, нельзя сказать, что четыре основных правила этой декларации окончательно включены в международное право. Вследствие этого на второй Гаагской конференции и на Лондонской конференции был сделан дальнейший шаг в деле урегулирования морской войны, но так как достигнутые на этих конференциях соглашения не всеми были ратифицированы, четыре основных пункта Парижской декларации все же могут рассматриваться как основные правила по этому вопросу. Но и эти правила во время мировой войны без всяких колебаний игнорировались морскими силами различных воюющих держав, и одно время было неизвестно, существуют ли они, что заставило юристов-международников мрачно заявлять, что крайняя темнота

господствует на морях.

19 мая 1927 г. британское и американское правительства путем обмена нот разрешили суммарно вопросы, возникшие между ними относительно компенсации за убытки, вызванные мировой войной. Но это решение все же не изменило взглядов обоих правительств в отношении прав на море во время войны. Как трудно для двух государств примирить их противоположные взгляды на вопрос, можно судить по тому факту, что в их соглашении имеется статья, сохраняющая за обоими правительствами право в будущем придерживаться собственного взгляда. Задолго до Парижской декларации Соединенные штаты настаивали на неприкосновенности частных грузов, независимо от того, является ли их собственник принадлежащим к враждебной или нейтральной стране, и отказывались участвовать в Парижской декларации, так как они считали неразумным, чтобы европейские государства договаривались об уничтожении активности частных лиц в отношении вражеских судов и вместе с тем чтобы они отказывались признать неприкосновенность частной собственности. Позиция Соединенных штатов в этом вопросе остается неизменной до наших дней. Два пункта полковника Хауза — уничтожение военной контрабанды и обеспечение неприкосновенности частной собственности — являются по своему характеру компромиссом между британской и американской позициями на второй Гаагской конференции (1907 г.). Тем не менее остается неясным, признает ли их Англия или нет. Возможность кодификации правил морской войны не дает оснований для оптимизма.

Когда государства идут та войну, они ставят на карту свое существование, чтобы отстоять в некоторых случаях требования, которые они считают справедливыми и жизненно важными для себя. Война является национальным бедствием для каждой из воюющих стран, и нейтральные государства должны относиться с сочувствием к воюющим и сделать все, что в их власти, для того чтобы привести эти бедствия к скорому концу. В глазах воюющих государств всякая активность, которая извлекает прибыль из страданий и затягивает войну, является по своему характеру ловлей рыбы в мутной воде и грабежом во время пожара. Нейтральное судоходство поэтому не может считаться затронутым слишком сильно. Главная цель правил морской войны — ускорить конец войны, и разве не является лучшим способом окончания войны расширение прав воюющих держав? Таковы аргументы воюющего государства, особенно такого, которое имеет могущественный флот. На эти аргументы нейтральные страны отвечают, что война является результатом

политических претензий, что международные разногласия могут быть разрешены мирными средствами, что государства, которые игнорируют эти средства, являются воинственными и предпочитают закон джунглей. По их мнению, законная торговля нейтральных государств, которые уважают международный мир, не может страдать от того, что другие государства применяют насилие, что несчастья воюющих государств созданы ими самими, и непонятно, почему в их несчастьях должны принимать участие неповинные нейтральные страны. Наконец, правила морской войны должны сократить права воюющих держав до самого необходимого уровня и защищать интерес нейтральных государств, иначе, если права воюющих держав будут расширены, государство, имеющее сильный флот, использует войну для того, чтобы выгадать на жертвах нейтральных государств, что может еще более разжечь войну.

Имеется логика в аргументах как нейтральных, так и воюющих держав. Однако бывают случаи, когда нельзя, основываясь на фактах, сказать, что воюющему государству нравится война. Там, где оба воюющих государства являются агрессивными и война является результатом агрессивной политики, ведущейся обеими сторонами, там защита прав нейтральных государств вполне оправдана. Но если состояние войны возникло как законная защита государства, сопротивляющегося агрессии со стороны другого, было бы несправедливо позволить нейтральному государству обогащаться за счет сокращения прав воюющего государства, борющегося для самозащиты. Но на практике нелегко провести различие между агрессивным государством и государством, борющимся для самозащиты, или ограничить права одного и дать свободу рук другому. Именно эта трудность мешает определению прав нейтральных и воюющих сторон.

В начале мировой войны Соединенные штаты решительно протестовали против незаконных действий германских подводных лодок, но вместе с тем протестовали против нарушений британскими и французскими морскими силами прав нейтральных государств, нарушений, выразившихся в их способе осуществления блокады и в методах осмотра и обыска судов. После того как Соединенные штаты вступили в войну на стороне союзников, американский флот последовал примеру английских и французских морских сил и заботился, главным образом, о правах воюющих держав. Во время войны государство находится в состоянии возбуждения и особенно в тех случаях, когда оно борется за свое существование. Одно из препятствий для соблюдения кодифицированных прав морской войны

представляет собой возбужденное состояние умов в воюющих государствах.

Чтобы обрисовать историю морских правил во время войны, необходимо рассмотреть еще два вопроса, а именно:

1. Устав Лиги предусматривает шесть положений, при которых война разрешается. В пяти случаях из них вопрос о правах нейтральных стран возникает одновременно с началом войны, как это было и до появления Лиги. В случае карательной войны против нарушителя устава Лиги права нейтральных стран не признаются согласно статье XVI устава, и, следовательно, спор об этих правах может возникнуть между членами Лиги и государствами, не являющимися таковыми.

2. Как уже было указано, статья XVI устава революционизировала до тех пор общепринятые правила морской войны; в силу этого стало невозможно примирить новые правила устава с правилами, существовавшими раньше. Таким образом, решение вопроса находится в руках государств, не являющихся членами Лиги, и от них зависит, согласятся ли они открыто или скрыто, из уважения к высоким идеалам Лиги, отказаться от прав нейтральных государств, предусмотренных старыми правилами.

Как бы ни были благородны цели устава, государства, не принадлежащие к Лиге, с большой неохотой откажутся от традиционных прав нейтральных стран, санкционированных веками международной практики.

С другой стороны, напрасно было бы ожидать, что статья XVI устава, который с согласия более чем 50 государств является основой нового порядка в мире, будет радикальным образом изменена. Несмотря на то что старые разногласия между Англией и Соединенными штатами относительно свободы морей, к счастью, урегулированы, вопрос все же далек от того, чтобы считаться разрешенным.

21 февраля 1928 г. Бора, председатель сенатской комиссии Соединенных штатов по иностранным сношениям, внес в эту комиссию следующую резолюцию:

> «Принимая во внимание, что правила морского права во время войны, как они изложены на второй Гаагской конференции и в Лондонской декларации, во время последней войны не соблюдались, и что очень важно в качестве условия для ограничения вооружений и добропорядочного поведения в международных отношениях, чтобы правила войны, созданные в течение столетий, не оставались под сомнением и неопределенностью, и

что при настоящем хаотическом состоянии морского права, оставляющем моря вне действия определенных правил, торговля не имеет соответствующей защиты, за исключением военно-морских сил, такое положение является побуждением для роста морских вооружений, поэтому

Сенат Соединенных штатов постановляет, что:

Во-первых, необходимо снова изложить и кодифицировать правила войны, управляющие поведением воюющих и нейтральных стран во время войны на море.

Во-вторых, что руководящие морские державы мира в интересах сокращения вооружений и в интересах мира должны снова изложить и кодифицировать морское право.

В-третьих, что такое изложение и кодификация должны быть сделаны, насколько это практически возможно, до заседаний конференции по ограничению вооружений в 1930 г.».

Резолюция Бора не была принята, два других важных вопроса заняли внимание сената. Одним из них был вопрос о ратификации мирного пакта Келлога и другим — разрешение на постройку дополнительных крейсеров. Первый вопрос был разрешен сенатом благодаря энергичной борьбе за него сенатора Бора. Что касается программы морских вооружений, Бора ей противился, но согласился воздержаться от активной оппозиции, если противники мирного пакта в свою очередь будут голосовать за его ратификацию. Когда законопроект о морских вооружениях обсуждался, Бора предложил, и его предложение было принято, чтобы его предыдущая резолюция о кодификации правил морской войны была включена в законопроект о морских вооружениях. Таким образом, резолюция Бора была извлечена из материалов комиссии и сделалась актом сената. Вероятно, под давлением сената американское правительство в один прекрасный день предложит созвать международную конференцию с целью снова изложить и кодифицировать морские правила во время войны. Будет ли такая конференция успешной, конечно, можно весьма сомневаться.

В случае, если такая конференция по кодификации морских правил во время войны будет созвана, Соединенные штаты, по всей вероятности, будут добиваться признания своих традиционных взглядов, именно: 1) неприкосновенность частной собственности в открытом море, 2) подлинную действительность

блокады как условия ее признания, 3) если возможно, полное уничтожение системы военной контрабанды. Возможно, что по вопросу о контрабанде будет найден компромисс, но можно сомневаться, будут ли сделаны какие-либо уступки относительно двух других пунктов. Таким образом, если другие государства, участвующие на конференции, не будут готовы пойти навстречу желаниям Соединенных штатов, конференция, по всем данным, кончится провалом. В свете практики Гаагской и Лондонской конференций полковник Хауз склонен смотреть оптимистически на возможность присоединения британского правительства к американской точке зрения. Но, если судить по ходу дел во время мировой войны, предсказания относительно британской позиции ненадежны. Во время войны было успешно доказано, что почти каждый товар может быть использован для ведения войны, поэтому появилась тенденция расширить список контрабандных товаров, увеличить размер блокады и дать более широкое толкование доктрине «непрерывного путешествия»[98]. В ноябре 1927 г. адмирал Уэмисс, бывший морской министр Великобритании, внес в палату лордов предложение о том, чтобы Парижская декларация 1856 г. была отвергнута и чтобы были восстановлены правила морской войны, которые действовали во время наполеоновских войн. По поводу этого предложения морские власти ответили, что они не имеют намерения уничтожать Парижскую декларацию. Как бы то ни было, тот факт, что подобное предложение было внесено в британский парламент не кем иным, как бывшим морским министром, указывает, в каком направлении дует ветер. Во всяком случае, вопрос должен быть рассмотрев серьезно. Существует не только большое расхождение между английскими и американскими позициями, но, как уже было объяснено, существует трудная проблема примирения принципа свободы морей с положениями устава Лиги наций о карательной войне. Приходится признать, что пересмотр и кодификация морских правил во время войны, как это было предложено сенатором Бора, будут делом чрезвычайно сложным, если это будет связано с ограничением вооружений.

Естественно было бы предложить международной конференции сначала рассмотреть законы морской войны, затем, если возможно, кодифицировать такие законы, потом предоставить гарантии взаимной безопасности и, наконец, приняться за разоружение. Однако о кодификации правил морской войны легче говорить, чем ее осуществить. Кодификация потребует много времени и усилий, а налогоплательщики всех стран будут сгибаться под тяжестью громадных военных налогов. Поэтому гораздо проще и скорее достигнуть окончательной цели

разоружения, воспользовавшись антивоенным пактом, и уменьшить вооружения, насколько условия времени это позволяют. Лондонская конференция является не чем иным, как попыткой это осуществить. По всей вероятности, будущая активность по разоружению будет носить тот же самый характер.

Глава девятая
Международный арбитраж

1. Святая троица международного мира

Во время V сессии Ассамблеи Лиги наций, в сентябре 1924 г., тогдашний премьер и одновременно министр иностранных дел Франции г. Эррио сделал заявление следующего характера:

> «Укрепление международного мира и облегчение налогоплательщикам большой тяжести войны крайне необходимо.
>
> Если международный мир должен держаться на твердом основании, военные организации всех государств должны быть ограничены.
>
> Если военные организации должны быть ограничены, гарантии безопасности должны быть предоставлены всем народам.
>
> Гарантии безопасности не могут быть предоставлены народам, если не будет принята система разрешения международных споров мирным путем посредством арбитража и грубый метод разрешения их путем войны не будет уничтожен.
>
> Соответственным образом, если разоружение, международный арбитраж и гарантии безопасности не будут введены одновременно, невозможно будет осуществить международный мир. Эти три меры составляют святую троицу международного мира».

Слова Эррио, действительно, были логичны и соответствовали положению дел.

Пакт против войны, о котором первоначально шли переговоры между Францией и Соединенными штатами, очень скоро сделался многосторонним договором между большим числом малых и больших государств. Существование такого рода договора, бесспорно, является гарантией безопасности, но, несмотря на это, споры между народами будут возникать так же, как и в прошлом, и разрешение их останется, как всегда, трудной проблемой. Конечно, если войну больше не будут признавать, не останется другого способа разрешения споров, кроме мирного, т. е. путем международного арбитража или подчинения Постоянному международному суду. Иначе говоря, поскольку пакт против войны опирается на существование договоров о мирном разрешении международных разногласий, он охватывается широкой идеей Эррио об арбитраже. Другое средство мирного разрешения споров между государствами —

Постоянный международный суд — тоже является видом арбитража, хотя споры, которыми он занимается, являются, главным образом, правовым в отличие от споров политического характера, разрешаемых путем арбитража. Таким образом, Постоянный международный суд соответствует идее арбитража г. Эррио. Замечания, имеющиеся в настоящей главе, не делают различия между решениями Постоянного суда и арбитражем.

Мирный метод разрешения споров между государствами путем арбитража имеет свою длинную историю, и в настоящее время в нем нет ничего нового. Еще в 1870 г. Япония прибегла к этому методу для разрешения спора с Перу. Однако со времени мировой войны арбитраж принял новый вид. Рассматриваемый как важный фактор международного мира, он оказался связанным с другими вопросами и стал изучаться с более возвышенной точки зрения. Можно сказать, что в настоящее время арбитраж занял место войны, которая стала рассматриваться как преступление. В этом свете международный арбитраж имеет свою благородную сторону и широкую сферу применения, являясь, таким образом, особенно интересным предметом изучения.

Так как процедура международного арбитража очень проста, составление договора об арбитраже дело легкое. Обычно трудно доверить спор с другим государством арбитражу третьей стороны. До сих пор наставляли народы, что в споре с другой страной, затрагивающем благополучие их собственной любимой родины или. национальные права, унаследованные ими от их предков, имеется один лишь открытый для всех путь, а именно: принять крайнее решение и поручить мечу защиту их национального благополучия. Поэтому, когда их призывают не обращаться к оружию, а доверить дело третьей стороне, совершенно не заинтересованной в этом деле, не приходится удивляться, что они проявляют осторожность и подозрительность. Эту неуверенность и колебания можно найти как среди малых, так и среди больших стран. Маленькие государства будут всегда бояться, что арбитры могут находиться под влиянием силы больших держав или могут быть соблазнены их богатством. В то же время большие державы всегда будут подозревать арбитров в пристрастии в пользу слабой стороны, так как для человека естественно сочувствовать слабым. Таким образом, поскольку господствуют такие страхи и недоверие, малые и большие государства с неохотой будут связывать свое благополучие с арбитражем. Идея о том, что права и интересы государств, приобретенные ценой человеческих жизней, могут быть защищаемы только кровью и железом, крепче держится в умах людей, чем идея незаконности войны, которая за последние годы заняла видное место в международном

общественном мнении. В силу этого до сих пор было невозможно ограничить вооружения и облегчить народам тяжесть налогов. Таковы были, во всяком случае, условия до появления пакта против войны.

Для Японии было характерным отрицательное отношение к арбитражу. По крайней мере такое настроение было в ней до последнего времени. Происхождение его нетрудно проследить. Между японским правительством и несколькими иностранными правительствами, граждане которых в течение продолжительного времени владели домами на территориях иностранных кварталов в японских портах, происходили споры относительно платежа налогов на домовладения, и так как этим спорам не было видно конца, они были переданы арбитражному суду. Истцом была Япония, а ответчиками — Франция, Великобритания и Германия. Япония всячески защищала свою позицию, но решение целиком было против нее. Благодаря этому опыту у японцев укрепилась уверенность, что, передавая внутренние или внешние дела на рассмотрение иностранного арбитража, они не могут ожидать справедливого приговора. Правильно или неправильно, но народ и власти Японии пришли к убеждению, что в делах против иностранцев решение арбитров других рас и культур будет неблагоприятным для Японии. В соответствии с этим дипломатия Японии не была склонна поощрять арбитраж. Несмотря на только что указанное дипломатическое поражение, Япония, в соответствии с установившейся модой, заключила арбитражный договор с Соединенными штатами[99] и сделала это не потому, что у нее исчезло отрицательное отношение к арбитражу, по просто потому, что такой договор должен был способствовать дружеским отношениям с этой страной. При этом не было мысли о передаче арбитражу всех возможных споров между двумя государствами. Этот договор также не ослабил убеждения в том, что разрешение споров дипломатическими средствами стоит выше разрешения их путем арбитража.

Как бы ни рассматривался вопрос 30 лет тому назад, антипатия Японии к арбитражу в новых условиях после мировой войны должна считаться устарелой. Можно надеяться, что в наш век японцы поднимутся выше расовых предрассудков и явятся даже большими сторонниками арбитража, чем европейцы и американцы. Автор не говорит, что западные народы свободны от расовых предрассудков. Он также не думает, что судьи арбитражных судов никогда не вынесут пристрастных решений. Но мир ежедневно идет вперед и делается лучше. Можно определенно утверждать, что в этом новом мире судьи Постоянного международного суда и специально созданных

арбитражных трибуналов являются обычно людьми большей эрудиции и ума, чем судьи судов внутри государства. Не приходится уже удивляться, что в спорах, в которых затронуты соответствующие страны, находятся судьи Постоянного международного суда, одобряющие и даже защищающие решения против своей собственной страны. Разве не говорилось о покойном виконте Финлей (Наирн), что в течение восьми лет его пребывания в качестве судьи Постоянного суда он выступал чаще против, чем за свою собственную страну? Патриотизм теперь является патриотизмом более высокого порядка, и чувство международной справедливости острее, чем когда бы то ни было раньше, и если судьи Постоянного суда надлежащим образом избраны, нет оснований опасаться, что расовые предрассудки или пристрастие могут иметь место в этом суде.

2. Споры, подлежащие арбитражу

а. Правовые вопросы и политические вопросы

Имеются два рода международных споров: правовые, или споры, в которых государства расходятся относительно их прав, и политические споры, или споры относительно политических вопросов, которые затрагивают национальное общественное мнение и политику. Державы обычно берут на себя обязательства передавать на арбитраж или на юридическое разрешение правовые споры, что является доказательством того, что мир несколько подвинулся вперед по пути прогресса. Что касается, однако, политических споров, все государства все еще осторожны и нерешительны относительно передачи их судебному разрешению. Такое нежелание, конечно, не относится ко всем политическим спорам. В общем имеется уверенность, что большинство из них может быть разрешено без обращения к оружию, т. е. путем передач их на арбитраж. Тем не менее имеются некоторые вопросы, которые каждая страна считает жизненно важными для себя. Трудности встречаются именно в отношении так называемых жизненных вопросов. В договорах об арбитраже, заключенных до мировой войны, вопросы, которые затрагивали национальную честь и жизненные интересы, были исключены из числа вопросов, подлежащих арбитражу. Таким образом, выделялись вопросы, которые считались для соответствующих народов жизненно важными. Так как в те дни идея государственного суверенитета держалась очень крепко и не было серьезного намерения отказаться от применения силы, то исключения из арбитража были весьма многочисленны, и вопросы национальной чести были включены в список вопросов, затрагивающих жизненные интересы нации и не подлежащие арбитражу. Слова «затрагивающий честь государства» допускали самое широкое толкование и не могли быть точно определены, поэтому на практике было возможно не подвергать арбитражу почти всякий политический вопрос, и таким образом договоры об арбитраже были таковыми больше по названию, чем по существу, и заключались для того, чтобы сохранить приличие перед общественным мнением. Вообще говоря, мир не подвинулся еще достаточно далеко, чтобы искренне принять систему арбитража.

В прошлом генерал, который завоевал чужую провинцию или область, считался человеком, который оказал самую выдающуюся услугу государству, во теперь честолюбивый и склонный к риску

солдат презирается, и нобелевская премия дается людям, подобным Буржуа, вдохновителю Лиги наций, и Остину Чемберлену, г. Бриану и г. Штреземану, которые оказали содействие заключению Локарнского пакта. Кто стоит выше: Наполеон, который потрясал Европу, или Дженнер, который открыл прививки против бактерий? Нельсон, герой Трафальгара[100] или Джемс Уатт, изобретатель паровой машины? Чье дело важнее: Вашингтона, который создал государство, или Эдисона с его достижениями в области электричества? Ответы на подобные вопросы меняются в зависимости от лица, которое дает ответы, и эпохи, в которую они даются. Понятие патриотизма и представление о заслугах, положении и благородстве медленно изменяются с ходом цивилизации и без соответствующего изменения оказываются в противоречии с духом времени. Го же самое относится к идеям о национальной чести и жизненных интересах, упомянутых выше. До недавнего времени во Франции и Германии было достаточным поводом для дуэли, если человеку было сказано, что он не джентльмен, и честь сохранялась только в том случае, если оскорбленный делал вызов обидчику и обидчик принимал этот вызов. Но с течением времени обычай дуэли стал рассматриваться как остаток варварства. История балканских государств показывает, что их так называемые вопросы жизненной важности, подлежащие решению мечом, часто представляли собой вопрос о владении какими-либо бесплодными холмами или о местоположении какого-либо храма. В настоящее время национальное возбуждение по поводу такого пустякового дела кажется верхом абсурда. Таким образом, с прогрессом человечества можно наблюдать перемену к лучшему в отношении основных понятий в таких делах, как национальная честь, престиж и жизненный интерес. И именно этот непрерывный прогресс человеческих идей заставляет оптимистически смотреть на возможность мирного разрешения международных споров. Расовые предрассудки, страх и недоверие к судьям в арбитражном процессе, о которых упоминалось раньше, с течением времени, с прогрессом мысли и растущим влиянием мирового общественного мнения, исчезнут из памяти человека, как ушедший в прошлое сон. Можно верить, что общее признание обязательности разрешения политических споров с другими государствами путем арбитража является вопросом времени, и это время не так далеко. В настоящее время, однако, мы сталкиваемся с вопросом о том, что делать до тех пор, пока настанет день, когда все международные споры, политические и правовые, будут разрешаться арбитражем. Локарнский договор представляет собой наибольшее достижение народов по пути к

миру, намеченному Женевой. В третьем пункте этого договора, о взаимных гарантиях между Великобританией, Францией, Италией, Германией и Бельгией относительно всех вопросов, возникающих между Францией, Германией и Бельгией, которые не могут быть разрешены обычными дипломатическими переговорами, устанавливается, что:

> «Всякий вопрос, по которому договаривающиеся стороны несогласны между собой в отношении соответствующих прав, должен быть передан на судебное решение, и стороны обязуются подчиниться такому решению.
>
> Все другие вопросы передаются примирительной комиссии. Если предложения этой комиссии не принимаются обеими сторонами, вопрос переносится в Совет Лиги наций, который должен действовать в соответствии со статьей XV устава Лиги.
>
> Подробные соглашения относительно мирного разрешения споров являются предметом специальных договоров, подписанных сегодня».

Согласно статье XV устава Лиги наций Совет Лиги должен заниматься разрешением переданных ему на рассмотрение споров, возникающих между членами Лиги и могущих привести к разрыву между ними. Решение Совета не является приговором или постановлением, но простым предложением. Локарнский договор предусматривает разрешение спорных вопросов, касающихся прав, т. е. правовых опоров между Германией и Францией, Германией и Бельгией, а в отношении политических споров положение остается тем же, каким оно было до Локарнского договора. Это происходит потому, что обязательство передавать такие споры на рассмотрение Совета Лиги уже существует в силу устава Лиги и существовало бы и в том случае, если бы Локарнский договор не был заключен. Договоры об арбитраже между Германией и Польшей, между Германией и Чехословакией содержат те же положения, какие имеются в договорах Германии и Фракции, Германии и Бельгии. Суммируя все это, надо отметить, что в Локарнском договоре, который Великобритания, Франция, Италия, Германия, Бельгия, Польша и Чехословакия с небывалой серьезностью и решимостью заключили в дополнение к уставу Лиги, обязательство применять арбитраж ограничено правовыми спорами. Таким образом, ясно, что наиболее осторожные народы решились идти на принудительный арбитраж только в правовых спорах.

б. Доклад специальной комиссии по арбитражу и безопасности

Как и следовало ожидать, первый доклад подкомиссии по выработке резолюции для подготовительной комиссии по сокращению вооружений (называвшейся комиссией по арбитражу и безопасности), созданной Советом Лиги, считал, что, как бы ни было желательно передавать на арбитраж международные споры всех видов, но при существующих условиях имеется много трудностей, мешающих большинству государств так поступать, поэтому рекомендуется пока отказаться от этой мысли и подыскать наилучшую для нее замену. Этот вывод был очень благоразумен и достоин людей, сознающих свою ответственность.

Превосходно выглядящий план, который обгоняет современные взгляды на вопрос, обречен на провал. Если идеальная и полная система не может быть претворена в жизнь, ничего не остается другого, как только временно ее отложить и удовлетвориться наилучшей ее заменой. Комиссия по арбитражу и безопасности, очевидно, исходила из положения, что так как Женевский протокол был задержан вследствие оппозиции только что созданного в Великобритании консервативного кабинета и так как возражения против протокола уже были высказаны Великобританией и другими руководящими членами Лиги, то было бы бесполезно пока защищать этот протокол. Поддержка Женевского протокола была бы равнозначна поддержке принудительного арбитража во всех спорах. С другой стороны, если бы был предложен план, исключающий из споров, подлежащих арбитражу, разногласия, затрагивающие национальную честь и жизненные интересы, это означало бы отступить на 20 лет назад, ко времени второй Гаагской конференции (1907), чего Лига наций не допустила бы. Соответственно этому комиссия предложила компромиссный план. Этот план поддерживал тот принцип, что арбитраж должен быть принудительным для всех споров, кроме некоторого, возможно небольшого, количества оговорок и исключений, которые должны быть признаны. Как было уже упомянуто раньше, политические вопросы исключительно большого значения, которые заинтересованное государство не решится доверить арбитражу, крайне невелики по числу. Однако, если бы было дозволено государствам без ограничения использовать для достижения их целей такие расплывчатые определения, как национальная честь и жизненные интересы, то может появиться стремление расширить круг вопросов, не подлежащих арбитражу, поэтому необходимо было воспрепятствовать развитию этого стремления. Чтобы этого достигнуть, с одной стороны,

поддерживался принцип принудительного арбитража, а с другой стороны, допускаются специальные оговорки и исключения, когда это представляется неизбежным. При такой постановке вопроса предполагалось, что правительства будут считать неудобным перед лицом других правительств требовать слишком большого количества исключений из арбитража и что с течением времени, с усилением влияния мирового общественного мнения, чувство такой неловкости возрастет до такой степени, что ни одно государство не посмеет делать оговорки и требовать какого-либо исключения. В плане комиссии заметны черты гибкости и вместе с тем оптимизма в отношении будущего.

Комиссия по арбитражу и безопасности, считаясь с настроениями различных народов, находящихся в особых условиях, предложила в качестве образца три формулы, сущность которых заключается в следующем:

> «1. Формула А.
>
> Передача международных споров правового характера для судебного решения или арбитража должна быть принудительной. Однако по взаимному согласию такие споры предварительно могут быть переданы примирительной комиссии.
>
> Передача других, не носящих правового характера споров между государствами примирительной комиссии должна быть обязательной. Если примирительные предложения такой комиссии неприемлемы для одной или для обеих сторон, спор должен быть передан Совету Лиги наций, который будет его рассматривать в соответствии с уставом Лиги.
>
> При заключении арбитражного договора или присоединении к нему оговорка относительно свободы от обязательств, возлагаемых таким договором, может быть сделана в отношении следующих случаев:
>
> а) споры, являющиеся результатом событий, происшедших до подписания такого договора или присоединения к нему;
>
> б) споры, относящиеся к вопросам, обычно подлежащим, согласно международному праву, исключительно внутренней юрисдикции;
>
> в) споры, относящиеся к вопросам, затрагивающим основные принципы данного государства (принципы конституции);
>
> г) споры относительно специальных вопросов, которые точно установлены, например, вопросы

территории.

2. Формула Б.

а) споры правового характера, если не имеется конвенции о передаче их арбитражу, должны передаваться Постоянному международному суду;

б) международные споры, не имеющие правового характера, должны просто передаваться примирительной комиссии. Если такая комиссия не достигнет примирения, споры должны быть переданы Совету Лиги наций в соответствии со статьей XV устава Лиги.

3. Формула В.

Предполагая, что могут найтись государства, для которых будет трудно принять формулы А и Б, для того чтобы привлечь правительства этих государств в Лигу наций, формула В устанавливает, что государства обязаны передавать на арбитраж все их споры с другими государствами».

В каждой из трех формул предусматривается система примирительных комиссий, создаваемых по образцу Локарнского договора. Локарнский договор является первым договором, в котором эта система детально разработана. Коротко говоря, on предусматривает создание комиссии, составленной из одного представителя от каждого спорящего государства и трех представителей различных национальностей, приемлемых для всех спорящих, причем один из этих представителей избирается председателем. Хотя эта система не является оригинальной, она обещает быть наиболее эффективной для мирного разрешения международных разногласий. Идея точно перечислить в последнем: параграфе (об оговорках) формулы А вопросы, которые должны быть исключены из действия договора, очень практична и гораздо лучше, чем такие туманные фразы, как «национальная честь» или «жизненный интерес».

в. Значение предложений Совета Лиги наций

После того как кратко отмечена степень прогресса, достигнутого комиссией по арбитражу и безопасности, следует обсудить перспективы мирного решения международных споров. По-видимому, ещё очень далек день, когда все споры будут разрешаться мирным способом. Однако необходимо подчеркнуть следующий момент. В соответствии с уставом Лиги несколько

государств, принадлежащих к Лиге, весьма сильно связали себя обязательствами мирного разрешения их споров с другими государствами. На основании положений статей XII, XIII и XV устава, государства, являющиеся членами Лиги, во-первых, обязуются передавать на арбитраж или на решение суда всякий спор, признанный подлежащим арбитражу или судебному решению, и в таких случаях обязуются добросовестно выполнять постановление или решение суда и воздержаться от применения оружия против стороны, подчиняющейся такому постановлению или решению. Во-вторых, они обязуются, в случае, если возникший между ними спор может привести к разрыву и он не передан на арбитраж и судебное решение в соответствии со статьей XIII, передать такой спор на рассмотрение Совета Лиги. Если выводы Совета приняты единогласно всеми его членами, за исключением спорящих между собой, последние обязуются не прибегать к войне со страной, принимающей предложение Совета. Если три обсуждаемые статьи устава рассмотреть вместе, то из них видно, что члены Лиги приняли на себя обязательство передавать все споры, как политические, так и правовые, на арбитраж или на рассмотрение Совета Лиги. Так как Совет только пытается разрешить спор или, в случае неудачи этой попытки, готовит доклад, содержащий изложение фактов и предложений для решения, и так как предложения Совета не содержат наказаний, нельзя сказать, что решение Совета является мирным разрешением спора. Все же рассмотрение вопроса Советом и его доклад должны со всех точек зрения явиться превосходным выходом из создавшихся трудностей, поскольку они имеют громадный авторитет.

Совет, состоящий из представителей пяти руководящих держав и из представителей девяти других держав, избранных собранием Лиги, является верховным и весьма влиятельным органом. мира, Он имеет поддержку общественного мнения благодаря праву и справедливости, которые он представляет. Его престиж рос из года в год и является силой, которой невозможно сопротивляться. Какая нация осмелится противиться единодушной воле органа мира с таким авторитетом? За Советом стоит Лига наций, а за Ассамблеей стоит более чем 50 государств мира, представляющих 1550 миллионов людей. Государство, которое будет сопротивляться этой громадной силе, отрежет себя от цивилизованного общества и таким образом совершит самоубийство. Соответствующий случай произошел в 1923 г., когда Италия осмелилась бомбардировать Корфу и Греция немедленно обратилась к Лиге. Хотя этим спором занимался Совет, но Ассамблея была сильно возмущена действиями

правительства Муссолини и выразила свое неудовольствие тем, что в течение двух лет не предлагала итальянским представителям председательства хотя бы в одной из 22 комиссий, а также не выбирала их председателями или вице-председателями собраний. Результатом этого было то, что в течение этого периода Италия оставалась на заднем плане работ Ассамблеи. Такое действие, конечно, было формой морального наказания. Но Италия не отказалась последовать единодушному предложению Совета. Если Ассамблея действовала так потому, что Корфу подвергся бомбардировке, и вопрос не стоял об игнорировании предложений Совета, можно себе легко представить, какие строгие меры были бы приняты, если бы дело перешло к ней в установленном порядке, т. е если бы Совет после расследования дела единодушно (за исключением представителей спорящих сторон) предложил решение, которое Италия отказалась бы принять. Автору пришлось председательствовать на заседании Совета, когда последний занимался инцидентом с Корфу, и на него наиболее сильное впечатление в этом деле произвела сила мирового общественного мнения. Мировое общественное мнение передало свое негодование представителям 50 государств, составляющих Ассамблею, и негодование этих представителей в свою очередь воздействовало на заседания Совета. Единодушный вывод Совета, опиравшийся на мировое общественное мнение, независимо от того, как этот вывод назывался — «докладом» или «предложением», фактически явился определенным и окончательным приговором, имеющим больший вес, чем обыкновенный приговор суда. По этой причине считалось, что государства, являющиеся членами Лиги наций, в силу устава и применения этого устава обязались более крепко, чем воображают, мирным путем разрешать свои споры с другими государствами. Движение за мирное разрешение международных споров поэтому сделало больший прогресс, чем это обычно предполагают.

г. Введение всеобщего принудительного арбитража еще преждевременно

Если несколько членов Лиги наций сделали большой шаг вперед в деле применения мирных методов для разрешения споров между государствами, почему, спрашивается, они не подвинулись еще на шаг и не обязались передавать на арбитраж

все свои споры? На этот вопрос автор дает следующий ответ.

Что бы ни говорилось и на чем бы ни настаивали, является фактом, что настоящее состояние международных отношений еще не стабилизовалось. С одной стороны, беспокойство вызывается мечтающими об агрессии группами больших и малых государств, которые наблюдают за ходом политических событий, для того чтобы воспользоваться случаем для осуществления своих мечтаний. С другой стороны, имеется скрытое беспокойство среди народов, которые, следуя идеалам президента Вильсона, верят в самоопределение рас и, основываясь на содержащемся в статье XIX устава Лиги положении о пересмотре неприменимых договоров, ведут агитацию за прекращение или пересмотр договоров, для них невыгодных. Короче говоря, мир сейчас находится в переходном состоянии, в котором еще чувствуются потрясения мировой войны. Если в такое неустановившееся время государства возьмут на себя обязательства без всяких условий передавать все свои споры с другими государствами на арбитраж, они не смогут сказать, когда и с какими трудными вопросами им придется при этом неожиданно столкнуться.

Поэтому большинство государств мира считает некоторые вопросы не являющимися предметом расследований со стороны. Иначе говоря, страна А, считая некоторые вопросы разрешенными на все времена и не являющимися более предметами спора, опасается, что в случае принудительного арбитража страна Б может неразумно возбудить такие вопросы и принудит государство А защищать свою позицию. Например, в XIX веке Англия захватила Гибралтар у Испании и заставила Италию уступить ей остров Мальту. Превратив эти места в составную часть системы своей национальной обороны, обеспечивающей ее положение в Средиземном море и сообщение с ее дальневосточными владениями, Англия, понятно, не позволит поднять этот вопрос заново. То же самое может быть сказано о Соединенных штатах в отношении Техаса, Калифорнии, Гавайских островов, о Франции в отношении Туниса, Алжира, Индокитая или о Японии в отношении Кореи и арендованных ею предприятий и железнодорожных концессий Манчжурии. Настоящее положение этих территорий рассматривается государствами, владеющими ими, как постоянное владение, не подлежащее пересмотру ни при каких обстоятельствах. Примеров этому можно привести множество. Каждая страна до известной степени этим затрагивается, хотя в этом, главным образом, заинтересованы большие колониальные государства. Если другие государства, требуя самоопределения рас и нового порядка в меняющемся мире, предложат пересмотр соответствующих

договоров, настоящие владельцы затрагиваемых этим территорий решительно откажутся поддержать такое предложение. Конечно, они отвергнут всякое предложение передать вопросы такого рода на арбитраж. Только тогда, когда мир дойдет до того, что различные народы будут удовлетворены существующей обстановкой и государства разграничат между собой сферы своих интересов на приемлемой основе, можно будет с доверием согласиться на передачу всех споров на арбитраж.

Комиссия по арбитражу и безопасности, созданная Литой наций, была достаточно дальновидна и понимала существующее положение. Зная, что напрасно было бы ожидать поддержки государств, даже если бы можно было их заставить подписаться под обязательством о принудительном арбитраже всех их споров с другими государствами, она решила предложить членам Лиги заключить арбитражные договоры с оговорками в отношении вопросов, жизненно важных для них. Работа комиссии была хорошо продумана и обнаружила понимание действительного положения вещей в настоящее время. Довольно легко составить вполне идеальные договоры, но если они не поддерживаются современными государствами, они являются только воздушными замками. Только предложения, имеющие такую поддержку и принимающие во внимание крайние пределы, до которых современные государства в данное время в состоянии идти, могут способствовать осуществлению мира. С этой точки зрения проекты договоров, предложенные комиссией по арбитражу и безопасности, приветствуются автором.

3. Кодификация международного права

а. Американская лига признания войны незаконной[101]

Вообще говоря, имеются две системы мирного разрешения международных споров. Одна из них, наиболее распространенная и удобная, это арбитражная система, которая включает также судебное разбирательство. Если спор касается вопросов права, он передается на судебное решение, если же он имеет политический характер, то он, по взаимному соглашению, передается на арбитраж. Настоящая глава имеет дело с этой системой, которая была в прошлом обычной.

Американская лига признания войны незаконной несколько лет тому назад организованная в Соединенных штатах, предлагает отказаться от международного арбитража и судебного решения вопросов и вместо этого привести в порядок международное право, чтобы международные споры могли на основе заново кодифицированного международного права рассматриваться во вновь учрежденном Международном суде, подобно тому как частные иски рассматриваются соответственно писанному законодательству в местных судах. Так как указанная организация приобрела значительное влияние в Соединенных штатах и предлагает радикальное отступление от настоящей системы арбитража, ее схема заслуживает известного внимания. Автор рассматривает схему Американской лиги как одну из двух систем для разрешения международных споров.

Несмотря на очевидный факт, что система, предложенная Американской лигой признания войны незаконной, не может быть осуществлена до тех пор, пока международное право не будет кодифицировано и государства мира не примут этот свод законов, все же Лига настойчиво добивалась принятия договора против войны и, воздействуя на американское правительство, добилась заключения такого договора. Естественным результатом отказа от (настоящей системы мирного разрешения международных споров путем арбитража или судебного рассмотрения на основании договоров о незаконности войны явится то, что, пока международное право не будет кодифицировано, на деле наступит период неопределенности в отношениях между государствами. Допустим, что идеи Американской лиги будут иметь успех, настоящий кодекс международного права будет когда-нибудь выработан и Международный суд будет создан. Но пока что споры между

государствами, которые не могут быть разрешены дипломатическими средствами, сойдут с пути, ведущего к примирению, и не будут в состоянии найти его снова.

Автор не может понять, почему Американская лига признания войны незаконной перед лицом такого риска отбрасывает существующую систему арбитража и судебного разбирательства. Ведь Соединенные штаты вначале с энтузиазмом пропагандировали систему арбитража. Американцы доверяли арбитражу вопросы такой жизненной важности для них, как дела «Алабамы»[102] и рыболовства в Беринговом море[103]. Они гордились тем, что подали остальному миру пример, как мирно разрешать споры между государствами. Действительно, нельзя понять их недавно и неожиданно проявившееся отрицательное отношение к испытанной системе арбитража.

Конечно, Американская лига не представляет мнения всех американцев. Во времена Гардинга и Кулиджа американское правительство решило присоединиться к Постоянному международному суду, созданному Лигой наций, и вело с этой целью переговоры с Лигой. Эти переговоры однажды были прерваны; все же настойчивые усилия бывшего государственного секретаря Рута привели к тому, что Соединенные штаты в 1929 г. присоединились. к этому суду[104]. Хотя американское правительство ясно заявило, что присоединение к Суду не означает присоединения к Лиге наций, однако его шаг нельзя иначе рассматривать, как выражение сотрудничества и сближения американского народа и правительства с Лигой наций и присоединения Соединенных штатов к величайшему органу мира. Группа, возглавляемая президентом Колумбийского университета Батлером, была недовольна отказом Америки присоединиться к Лиге в качестве действительного члена и тем со своей стороны способствовать международному миру. Руководящие фигуры в этом движении за сотрудничество с Лигой, профессора Шотуэл и Чемберлен, тоже из Колумбийского университета, опубликовали свои собственные проекты договоров о постоянном мире и против войны и в них предлагали, чтобы споры между государствами передавались на арбитраж или судебное рассмотрение, чтобы рассмотрение таких споров примирительными комиссиями сделано было принудительным и чтобы возможности Лиги были использованы для арбитража и судебных решений («Международная информация» — 1 февраля 1928 г.). Несмотря на их активность, различные организации, стоящие за сотрудничество с Лигой наций в интересах международного мира, по тем или иным причинам начали терять влияние среди американского народа, в то время как Лига признания войны

незаконной приобретает популярность.

Американцы — миролюбивый народ и горды этим качеством. Чтобы не углубляться далеко в историю, можно отметить, что идея настоящей Лиги наций была разработана в Америке, и когда Лига была организована, она получила одобрение большого количества американцев. К несчастью, Лига наций в дальнейшем стала в Соединенных штатах вопросом внутренней политики и подверглась серьезной атаке со стороны оппозиционной партии, как идущая вразрез с духом дорогих американцам основ национальной политики вроде доктрины Монро и предостережения Вашингтона[105] относительно союзов с другими странами. В конце концов, несмотря на мужественную борьбу Вильсона, сенат отказался утвердить Версальский договор, в который был включен устав Лиги наций. С тех пор управление национальными делами Соединенных штатов находится в руках республиканской партии, которая разбила попытку Вильсона

присоединить Соединенные штаты к Лиге. Вопрос о присоединении к Лиге перестал быть злобой дня в Соединенных штатах, и интерес к нему ограничивается некоторыми кругами интеллигенции. Об этом безразличии к Лиге приходится сильно сожалеть как с точки зрения Соединенных штатов, так и с точки зрения международного мира. Вместе с тем американский народ, который сначала противился присоединению к Лиге из-за межпартийных соображений, нашел другие причины для своей оппозиции. Теперь он утверждает, что Лига не является настоящим органом мира, что она не только не предупреждает войну, но, напротив, возлагает обязанность военных действий на своих членов, и что на нее нельзя полагаться в деле укрепления международного мира. Это мнение относительно Лиги настолько укрепилось, что кет надежды на его изменение. Как бы печально ни было это заключение, но следует отбросить надежду на скорое вступление Америки в Лигу. Американцы не только остаются вне Лиги, но они не хотят даже действовать в согласии с нею, что указывает на ослабление движения за вступление в Лигу Соединенных штатов и на растущее влияние групп, яростно проповедующих отдаление от Лиги и независимое осуществление договоров о незаконности войны.

б. Кодификация международного права мирного времени

Сенатор Бора, председатель комиссии внешних сношений американского сената, является лидером движения, стремящегося

сделать действительными договоры о незаконности войны. В феврале 1923 г. он внес в сенат резолюции, предлагавшие: 1) отвергнуть войну, 2) кодифицировать международное право мирного времени и 3) создать международный суд, который явился бы органом для разрешения международных споров мирным путем.

Прежде чем сенат занялся разбором этой резолюции, деятельность Американской лиги признания войны незаконной принесла свои плоды среди американского народа, и первая часть резолюции относительно пакта о незаконности войны стала совершившимся фактом. При этом положении нельзя считать невероятным, что могут скоро последовать приглашения на международную конференцию для осуществления второй цели резолюции — кодификации международного права — и что через некоторое время работа по кодификации может быть закончена. Однако эти надежды могут не оправдаться.

Если война будет действительно изгнана с лица земли, правила войны, являющиеся главной частью и целью международного права, будут бесполезны. Поэтому главы международного права, которые говорят о правах воюющих и нейтральных сторон, должны быть исключены, вследствие чего для кодификации останется меньше половины старого международного права. Даже если будет так, все же кодификация оставшегося международного права будет делом весьма не простым. В течение нескольких прошедших лет Лига наций занималась кодификацией только трех вопросов, а именно: 1) национальности, 2) территориальных вод и 3) ответственности государства за потерю жизни и собственности иностранных граждан на его территории. Несмотря на то, что эта работа была предпринята комиссией, составленной из юристов, собранных со всех концов мира, шли годы, а эти вопросы не только оказались не кодифицированными, но даже не прошли периода академической дискуссии. В свете этого опыта можно предполагать, что, если конференция неожиданно будет приглашена заняться всей областью международного публичного права мирного времени, она едва ли будет знать, как начать. Очевидно, единственным способом добиться каких-либо результатов будет поручение экспертам каждой страны организовать предварительное совещание между ними и, после того как они приготовят доклады, основанные на мнении большинства, созвать международную конференцию для работы на основании этих докладов. Однако такие предварительные конференции будут похожи на заседания кодификационной комиссии Лиги, и, по всей вероятности, на них будет происходить

столько же споров, и их попытки создать кодекс, охватывающий всю совокупность международного права мирного времени, будут так же безрезультатны. Но допустим, что по прошествии значительного времени проекты кодекса будут на основании мнения большинства приготовлены, еще потребуется бесконечное количество времени для обсуждения всех проектов на международной конференции. Если этой конференции удастся написать кодекс международного права, представляющий взгляды большинства, такой кодекс должен быть передан правительству каждого государства для одобрения. Законодательные органы или органы, ратифицирующие договоры, должны быть в каждом государстве привлечены к изучению проекта кодекса, что вызовет дальнейшие опоры. В конце концов некоторые государства примут проект в его первоначальном виде, другие, несомненно, выдвинут возражения или сделают те или иные оговорки.

Предполагаемый ход событий, описанный в предыдущем абзаце, исходит из оптимистических предпосылок, что работы по кодификации международного права будут идти гладко и что в серии конференций не будет разрыва. Принятие этих предпосылок как правильных еще ничего не говорит, сколько лет пройдет, прежде чем каждое государство формально примет кодекс и он станет действовать. Нельзя отрицать, что эта гигантская работа потребует многих лет утомительной дискуссии.

Таким образом, кодификация международного права, может быть, будет закончена, а может быть, не будет, но даже в случае окончания она потребует нескольких десятков лет значительных усилий. Исходя из этого, автор не понимает, почему Американская лига признания войны незаконной добивается осуществления такой трудно осуществимой работы, как кодификация международного права, и отбрасывает такие почтенные и всеми уважаемые учреждения, как арбитраж и суд. Может быть, причина лежит в убеждении, что при отсутствии обязательного кодекса законов решения и приговоры основываются на капризе двух или трех арбитров или судей и что важные государственные дела не могут быть без опасений переданы таким ненадежным организациям. Но недоверие к арбитражу при отсутствии кодифицированного международного права не согласуется с той гордостью, с какой американцы относятся к случаям арбитража в таких важных государственных вопросах, как вопрос об «Алабаме» или о рыболовстве в Беринговом море. В наше время передовой цивилизации и высоко развитых средств сообщения среди всех народов выработался определенный стандарт для естественной оценки каждого дела и

правильности или неправильности поступка. Разве до настоящего времени арбитры и судьи не решали споров между государствами без серьезных неудобств на основании морального стандарта и неписанного международного права? Собственный семилетний опыт автора в разрешении в качестве члена Совета Лиги больших и малых международных споров привел его к заключению, что трудность решения опора заключается в установлении фактов. Если факты в споре ясны, то нетрудно принять быстрое решение. В опыте автора не было ни одного случая, когда отсутствие писанного международного права явилось бы препятствием для решения Совета.

Разве так называемое обычное право Англии, так же как многих государств Американского союза, не является формой неписанного права? И разве англосаксы Не хвастаются, что они применяют неписанное право более успешно, чем другие нации писанное право? Если считается, что при отсутствии писанного международного права решения международного арбитража и международных трибуналов основываются на произволе арбитров и судей, то по той же самой логике можно утверждать, что приговоры, опирающиеся на обычное право в Англии и Соединенных штатах, основываются на фантазии судей этих стран. Чем более интересуешься приверженностью американцев к неписанному праву, тем меньше понимаешь их недоверие к международным арбитрам и судьям, действующим без контроля кодифицированного права.

В книгах и лекциях некоторых лидеров Американской лиги признания войны незаконной утверждается, что Лига наций является органом государственных деятелей и дипломатов, что среди государственных людей большую роль играет честолюбие, а среди дипломатов — интрига, что честолюбие и интрига неотделимы от милитаризма, и что поэтому Лига наций неизбежно должна сделаться орудием милитаристов. Нет никакого сомнения, что эта уверенность лежит в основе неприязни Американской лиги к Лиге наций и ее решимости добиваться международного мира новым путем, независимым от Лиги наций и ее органов. Если это так, то об американских мыслителях этой школы можно сказать, что они совершенно не понимают истинного характера Лиги наций. Многократно было заявлено, что Лига является врагом честолюбивой дипломатии, представляет собой учреждение, самостоятельно борющееся против тайной дипломатии, и воплощает международную справедливость.

Подводя итоги сказанному, можно утверждать, что, в то время как мир неуклонно движется вперед к такому состоянию,

при котором война будет совершенно устранена, можно наблюдать, с одной стороны, постоянно растущий престиж высшего органа мира, Лиги наций, а с другой стороны, усиление движения, которое, по всей видимости, враждебно этому органу. Это движение имеет одинаковые цели с Лигой наций и все же противится сотрудничеству с нею, предпочитая идти другим путем. Имея широкий взгляд на вопрос, Американская лига признания войны незаконной разделяет благородный идеал Лиги наций и занимается той же самой большой работой создания международного мира на солидной основе. Так как Лига наций и Американская лига признания войны незаконной обе желают, чтобы луна светила с самой высокой горной вершины[106], было бы правильно, если бы они координировали свои усилия. Если они будут выступать одна против другой, они оттянут выполнение общих целей и даже создадут опасность для всеобщего мира. Не только Американская лига признания войны незаконной, но все группы, заинтересованные в международном мире, должны объединить свои силы с Лигой наций для достижения великой цели.

4. Обязательность обращения к Постоянному международному суду

Государства, присоединившиеся к Лиге наций, взяли на себя в силу статьи XIII устава Лиги обязательство передавать на арбитраж или судебное разрешение возникшие между ними споры, признаваемые подходящими для арбитража или судебного решения, т. е. споры по толкованию договоров, по вопросам международного права и по установлению фактов, которые в случае признания их являются нарушениями международных обязательств, а также вопросы о размере и характере вознаграждения за это нарушение. Таким образом, международные споры могут быть классифицированы следующим образом: 1) те, которые подходят для арбитража или судебного решения, и 2) те, которые не подходят для этого. Члены Лиги в принципе обязаны передавать все споры первой категории арбитражным комиссиям или Международному суду.

Когда проект положения о Постоянном международном суде обсуждался на первой сессии Ассамблеи Лиги, в ноябре 1920 г., были высказаны два противоположных мнения относительно статьи 36 предложенного проекта. Большинство членов Лиги считало, что все государства, входящие в Лигу, уже взяли на себя обязательство передавать на арбитраж или судебное рассмотрение все споры, возникшие между ними и признанные подходящими для такого рассмотрения, а потому было бы логично, чтобы они согласились взять на себя обязательство передавать такие споры этому суду. Соответственным образом большинство желало, чтобы такое обязательство было включено в текст статьи 36. Однако меньшинство, которое включало всех влиятельных членов Лиги, воздерживалось от принятия на себя этого обязательства в отношении еще не организованного Международного суда, утверждая, что статья XIII устава Лиги не говорит о каком-либо определенном органе арбитража и суда и что преждевременно брать на себя обязательство по отношению к какому-либо определенному трибуналу. В этой аргументации, однако, чувствовалась софистика, так как большинство не намеревалось сделать Международный суд единственным органом для разрешения споров, подлежащих передаче арбитражу или суду на основании статьи XIII устава, и в этом вопросе было много места для компромисса между спорящими сторонами. Истинной причиной для колебаний меньшинства было ощущение, что было бы поспешно взять на себя

обязательство в отношении предполагаемого суда, ничего не зная относительно выбора судей, порядка их деятельности и других особенностей суда. Во всяком случае, так как большинство считалось с действительным положением, спор дальше не продолжался, и все согласились, что каждый член Лиги возьмет на себя обязательство в отношении нового суда на тех условиях и с теми оговорками, которые в данное время ему представляются необходимыми. Таким образом, каждому государству было предоставлено право решать вопрос для себя, когда принимать новое обязательство и какие оговорки или условия при этом выдвигать. Таким образом, между всеми членами Лиги был достигнут компромисс, выраженный в так называемом условном параграфе статьи 36 положения об организации Международного суда.

Теперь прошло десять лет со времени образования Постоянного международного суда, и достижения этого суда уже превзошли ожидания мира. Число юридических и политических споров, которые, благодаря беспристрастным и тщательно продуманным) решениям, были удовлетворительно разрешены, уже достигло двадцати. В результате престижа, который приобрел суд благодаря своей хорошей славе, члены Лиги, сначала питавшие понятное недоверие к характеру подлежащих избранию судей и деятельности суда, теперь не находят оправдания для своей прежней сдержанности и колебаний в отношении обязательств передавать дела этому суду. Как можно было ожидать, лейбористское правительство Англии во время сессии Ассамблеи Лиги в сентябре 1929 г. сделало первый шаг, объявив о своей готовности взять на себя обязательство передачи дел Международному суду, и призывало других членов последовать его примеру. До настоящего времени из государств, которые приняли на себя обязательство передавать Международному суду споры, подходящие для арбитража и судебного решения, согласно условному параграфу положения об организации суда, двадцать, включая Германию, закончили формальности и в отношении подписи и в отношении ратификации своих обязательств, в то время как шесть еще не ратифицировали заявленных обязательств. Следом за Великобританией еще тринадцать государств, включая Францию и Италию, взяли на себя обязательство в отношении суда с порядком, предусмотренным условным параграфом. Таким образом, всего сорок государств членов Лиги, включая Великобританию, взяли на себя обязательства по отношению к Международному суду, и между ними четыре постоянных члена Совета: Великобритания, Франция, Италия и Германия. Только десять членов Лиги

проявили робость в отношении принятия на себя этих обязательств, и между ними только одна великая держава и постоянный член Совета, именно — Япония.

Японское правительство и народ в течение прошедших десяти лет не отставали от других в добросовестном сотрудничестве с Лигой наций и в полной мере содействовали обеспечению международного мира. Действуя таким образом, они только исполняли императорский приказ трудиться «для осуществления Лигой дела мира». Они охотно участвовали в ней и посылали делегатов на каждую конференцию по разоружению. Когда они получили предложение присоединиться к договору против войны, они быстро его приняли и единодушно действовали для придания ему силы, как бы опасаясь, что они могут отстать от других. Когда прошедшей осенью Япония столкнулась с вопросом о юрисдикции Международного суда, она не взяла на себя обязательств передавать дела суду, что охотно сделало большинство государств Лиги, включая других постоянных членов Совета. Автор весьма сожалеет, что его страна, являющаяся постоянным членом Совета, представляет собой такое заметное исключение.

Если Япония не хочет стоять во главе других государств в их движении к разрешению споров между государствами мирными средствами, во всяком случае можно было надеяться, что она избежит унижения оказаться вне их общества. Как постоянный член Совета Япония должна считать своим долгом напрячь все усилия для укрепления столь важной для Лиги системы мирного разрешения международных споров. В то же время как представительница восточной цивилизации она вправе ожидать, чтобы один из ее выдающихся сынов всегда избирался судьей Международного суда. Правильно ли, однако, чтобы Япония, с одной стороны, получила представительство в суде и, с другой — за недостатком доверия отказывалась принимать юрисдикцию суда? По имеющимся сведениям, некоторые страны Европы говорят, что член Лиги, отказавшийся принять юрисдикцию Международного суда, должен быть лишен привилегии назначения своего кандидата в судьи. До настоящего времени колебания Японии рассматривались другими нациями только как упущение, во, если она будет тянуть с этим и дальше, вероятно, она будет считаться саботажником дела укрепления системы мирного разрешения международных споров.

Глава десятая
Договор против войны

1. Предложение американского правительства

Отказ от войны, который в 1927 г. являлся предметом только академической дискуссии через океан между французским и американским народами, в течение одного года принял форму официального предложения американского правительства, обращенного к Японии, Великобритании, Франции, Германии и Италии о заключении многостороннего договора против войны. Таким образом, предмет частного обсуждения внезапно, как бы в одну ночь, сделался предметом конкретных переговоров между великими державами. Так как американское предложение было одобрено правительствами нескольких государств, их уполномоченные без малейшего изменения подписали его и приложили к нему печати. Насколько известно, договор против войны, подписанный в Париже 27 августа 1928 г., является первым важным многосторонним договором, который был заключен в том виде, в каком был предложен соответствующей стороной без предварительной конференции между подписавшими. Текст договора следующий:

> **«Договор об отказе от войны как средства национальной политики**
>
> Президент Германского государства… его величество император Японии…
>
> Глубоко сознавая лежащий на них торжественный долг развития благополучия человечества;
>
> Убежденные, что наступил момент приступить к открытому отказу от войны как средства национальной политики, дабы мирные и дружественные отношения, существующие ныне между их народами, могли сделаться постоянными;
>
> Уверенные, что всякие изменения в их взаимоотношениях должны совершаться только мирными средствами и осуществляться мирным и закономерным путем и что всякая подписавшаяся держава, которая впредь стала бы пытаться защищать свои национальные интересы, прибегая к войне, должна быть лишена преимуществ, вытекающих из настоящего договора;
>
> Надеясь, что, воодушевленные их примером, все другие нации мира присоединятся к этим гуманитарным

усилиям и, присоединившись к настоящему договору, как только он вступит в силу, дадут своим народам возможность воспользоваться его благодетельными постановлениями, объединяя таким образом цивилизованные нации мира в общем отказе от войны как средства их национальной политики, —

Решили заключить договор и с этой целью назначили соответствующих уполномоченных…

которые после обмена своими полномочиями, признанными в доброй и надлежащей форме, согласились о нижеследующих статьях:

Статья I

Высокие договаривающиеся стороны торжественно заявляют от имени своих народов, что они осуждают обращение к войне для урегулирования международных споров и отказываются от таковой в своих взаимных отношениях в качестве средства национальной политики.

Статья II

Высокие договаривающиеся стороны признают, что урегулирование или разрешение всех могущих возникнуть между ними споров или конфликтов, какого бы характера или какого бы происхождения они ни были, должно всегда производиться только мирными средствами.

Статья III

Настоящий договор будет ратифицирован высокими договаривающимися сторонами, указанными во вступительной части, в соответствии с требованиями их конституций по принадлежности, и он войдет в силу между ними, как только все ратификационные грамоты будут сданы на хранение в Вашингтон.

Настоящий договор, как только он будет введен в действие, как то предусмотрено в предыдущем разделе, останется открытым так долго, как это потребуется, для присоединения к нему всех других держав мира. Каждая грамота о присоединении державы будет сдана на хранение в Вашингтон, и договор немедленно после этой сдачи на хранение вступит в силу между державой, объявившей таким образом о своем присоединении, и другими договаривающимися державами.

Обязанностью правительства Соединенных штатов является снабдить каждое правительство, указанное во вступительной части, и всякое правительство, которое присоединится впоследствии к настоящему договору, заверенной копией названного договора и каждой грамоты о ратификации или о присоединении. Равным образом обязанностью правительства Соединенных штатов является телеграфно нотифицировать упомянутые правительства немедленно по представлении ему каждой грамоты о ратификации или о присоединении.

В удостоверение чего подлежащие уполномоченные подписали настоящий договор, составленный на французском и английском языках, причем оба текста имеют равную силу, и приложили к нему свои печати.

Учинено в Париже, 27 августа 1928 г.».

2. Критика договора против войны

а. Договор против войны приветствовался так же, как хороший урожай

Текст договора против войны так краток, что вряд ли он мог избежать неясности в толковании. Однако лица, которые принимают близко к сердцу дело международного мира, отдадут все свои симпатии принципу договора, по которому необходимо отказаться от войны, и целям договора о разрешении мирными средствами всех видов международных споров. С точки зрения цели и принципа каждый отнесется с уважением к предложению американского правительства. Вообще говоря, движение за международный мир так же желательно, как желателен хороший урожай, и в этом смысле автор приветствовал договор против войны и надеялся, что он приобретет силу в возможно короткий срок.

Можно было надеяться, что одно название договора против войны будет иметь результатом ослабление воинственности и будет способствовать распространению любви к миру и оздоровлению международной атмосферы. Во всяком случае, заключение всеми большими государствами мира договора против войны само по себе является достижением, не имеющим параллели в прошлом, и может рассматриваться как важный показатель прогресса человечества. Однако если надежда на укрепление международного мира зиждется на положениях этого договора против войны, то разочарование более чем вероятно. Говоря правду, автор не может возлагать больших надежд на договор. Если даже на него смотреть с тем чувством, с которым смотрят на благоприятный урожай, к нему нельзя относиться, как относятся к дождевым тучам томимые жаждой мира народы.

б. Бесплодность договоров против войны без договоров об арбитраже

Война не разражается в один день. Всегда имеется дорога, ведущая к ней. Однако войны не всегда можно избегнуть, даже если на словах от нее отказываются. Органы для арбитража и судебного разрешения споров представляют собой необходимые преграды на дороге, ведущей к войне. Если между государствами

заключен надлежащий договор об арбитраже, т. е. договор, делающий принудительной передачу всех международных споров на арбитраж, война не может между ними разразиться, если даже она представляется для них желательной. Поэтому надлежащий договор об арбитраже сам является договором против войны, и, более того, полноценным договором. С другой стороны, если договор против войны не дополняется договором об арбитраже или о судебном разрешении споров, он может иметь некоторое успокаивающее военную лихорадку действие, но бессилен предупредить войну. Иначе говоря, слова «договор против войны» должны означать надлежащий договор об арбитраже и отнюдь не что-либо находящееся в стороне от договоров об арбитраже. Если договор с этим привлекательным названием должен появиться в свет, он должен сопровождаться договором об арбитраже, и эти договоры должны быть связаны между собой, как два близнеца. В своем собственном проекте договора о постоянном мире профессор Шотуэл из Колумбийского университета предусматривает в первой его части отказ от войны и во второй части — комиссии для арбитража и примирения, что представляет собой наиболее подходящую и естественную схему.

Когда автор впервые узнал о переговорах по поводу многостороннего договора против войны, он предполагал, что наверняка одновременно рассматривается договор об арбитраже, и ожидал появления нового типа договора об арбитраже, совершенно отличного от старых договоров с их безграничными оговорками относительно национальной чести и жизненных интересов и похожего, например, на формулу А договоров об арбитраже, выработанных комиссией по арбитражу и безопасности Лиги наций. Прошло больше года с тех пор, как договор против войны был ратифицирован главнейшими государствами мира, но ничего не слышно о том, что должно появиться его дополнение — договор об арбитраже. Правда, с тех пор был заключен франко-американский договор об арбитраже, но он в действительности был только возобновлением, с одной или двумя новыми статьями договора, срок которого истек и который не может рассматриваться как арбитражный договор будущего, дополняющий договор против войны. Что особенно странно в отношении нового франко-американского договора об арбитраже — это то, что он содержит оговорку, отсутствовавшую у предшествовавшего, именно, что вопросы, затрагивающие доктрину Монро, должны находиться вне пределов арбитража. Вряд ли найдется хотя бы одно лицо, которое могло бы дать точное определение доктрины Монро. Ее определение варьируется в зависимости от лица и времени. Некоторые

полагают, что все важные проблемы, касающиеся американского континента или Западного полушария, подходят под действие доктрины Монро. Если это так, то все важные проблемы, относящиеся к Западному полушарию, исключаются из действия нового франко-американского арбитражного договора, и только споры, затрагивающие Восточное полушарие, должны передаваться на арбитраж, что делает новый договор совершенно односторонним. Хотя возможно, что новый договор не был заключен с таким его толкованием, все же увеличение, а не уменьшение оговорок в арбитражном договоре разочаровало тех, кто многого ожидал от договора против войны. В предварительных переговорах о договоре против войны между Францией и Америкой государственный секретарь Келлог в своей ноте от 28 декабря 1927 г., отвечая на французское предложение, заявил:

> «Правительство Соединенных штатов приветствует каждую возможность сотрудничества с другими правительствами для достижения соглашений об отказе от воины и об арбитраже. Мое правительство твердо убеждено что всякая международная поддержка арбитража и каждый договор, осуждающий применение силы для решения споров, которые могут быть разрешены судебным порядком, серьезным образом двигают вперед дело мира»

Нота Келлога выдвигала положение, которое представлялось разумным для авторов и защитников договора против войны. В то время как договор против войны продвигался, ничего, однако, не было слышно об арбитраже. Был ли вопрос о нем отброшен или забыт и какие были для того или другого причины? Настоящий, так называемый, договор против войны не имел следствием договор об арбитраже, который если не составляет часть его, то во всяком случае дополняет его и представляет нечто особое. И если договор против войны является вполне самостоятельным, каковы должны быть будущие отношения между государствами? Если война должна считаться преступлением и подлежит уничтожению, то любая сторона, которая до настоящего времени была уступчива в переговорах из страха перед оппонентом, с устранением опасности войны неожиданно проявит непреклонность, а это приведет к тому, что будет невозможно разрешить проблемы, которые при других условиях могли бы быть разрешены. Если, с другой стороны, вступит в силу договор об арбитраже, стороны, склонные выдвигать большие требования, будут сдерживать себя и будут сговорчивыми, так как ясно, что

нерезонные требования будут отброшены в процессе арбитража. Если благодаря отсутствию договоров об арбитраже не будет страха перед арбитражным судом, не окажется ли вероятным, что обе спорящие стороны сделаются упрямыми и думающими только о себе и что спор, который мог бы легко быть разрешен путем уступок, будет продолжен бесконечно, приводя к замешательству в отношениях между спорящими сторонами? И не может ли такое нетерпимое положение дел привести оба спорящих государства неожиданно к трагическому исходу?

В конце концов, статья вторая договора против воины, гласящая: «Высокие договаривающиеся стороны признают, что урегулирование или разрешение всех могущих возникнуть между ними споров или конфликтов, какого бы характера или какого бы происхождения они ни были, должно всегда производиться только мирными средствами», не указывает, каковы должны быть эти средства, не признает, что главным из этих средств является подчинение арбитражу или судебному приговору. Она даже не намечает заключение договоров об арбитраже. Все это приводит только к увеличению неопределенности и беспокойства. Об этих недостатках с точки зрения успеха дела международного мира приходится сожалеть.

в. Наказание государств, нарушающих договор

В договоре против войны поражает отсутствие сдерживающих моментов в отношении государств, нарушающих его положения. Краткий намек на возможность этого сделан во вступлении, что не представляет собой определенной меры, но может быть полезно при толковании договора. Пропуск таких статей в тексте договора должен рассматриваться как недостаток. Почему американское правительство опускает эту важнейшую статью из своего предложения и упорно отказывается пойти навстречу настойчивым желаниям французского правительства включить в договор сдерживающую статью и соглашается только на простое упоминание этой стороны дела? Как будет показано дальше, в Америке имеется группа, которая решительно сопротивляется включению положения о наказании в договор против войны на том основании, что это будет самоубийством для договора. В настоящее время в Соединенных штатах имеется могущественная школа мысли, подобным же образом противящаяся смертной казни, исходя из того принципа, что убийство есть преступление; следовательно, закон приходит к собственному уничтожению,

если, для того чтобы наказать убийство, убивает преступника. Возможно, что эта идея лежит в основе возражения американского правительства в отношении статей о наказании. Может быть, идеал уничтожения смертной казни хорош. Может быть, отсутствие наказания за нарушение договора против войны тоже неплохая вещь. Но идеалы сами по себе не действуют в этом мире успешно. Необходимо, чтобы они соответствовали существующей степени цивилизации. Если убийства увеличиваются вследствие уничтожения смертной казни и если государства, вследствие отсутствия сдерживающих положении в договоре против войны, все более увеличивают количество совершенных ими преступлений, то теряется основание для закона и для договора. Когда было установлено, что главным источником авторитета Совета Лиги и его успеха в разрешении международных споров является статья XVI устава Лиги с ее статьями о наказании, необходимо признать, что при настоящем состоянии мира идеалы являются весьма недействительной силой. Если при рассмотрении вопроса о борьбе с войной слишком подчеркиваются идеалы, то она приобретает религиозный характер. Даже теперь аргументы различных групп в Америке проникнуты духом религиозности. Во всяком случае, если международный мир должен быть прочно укреплен, при настоящих условиях договор против войны должен быть снабжен статьями об определенных наказаниях.

3. «От имени своих народов»

a. Конфликт с конституцией

Когда известие о договори против войны впервые дошло до Японии, весь народ приветствовал его и выражал ему одобрение. Ни от одного японца автор не слышал критики духа и цели договора. Это указывало, что дух и цель договора встретили всеобщее сочувствие в этой стране. Можно гордиться, что японский народ на этом примере так убедительно показал, что он не является сторонником войны и не является агрессивным народом, каким считают его иностранцы.

Когда, однако, был получен текст договора против войны, то ясно стало, что он содержит фразу, не имеющую отношения к вопросу о прекращении войн, но затрагивающую государственное устройство страны. Тогда поднялся шум, какого еще не было в последние годы. Эта фраза содержится в статье первой и говорит, что договаривающиеся стороны «торжественно заявляют от имени своих народов», что они осуждают применение войны и т. д. Эта статья находилась в противоречии с государственной системой Японии, которая наделяет императора верховной властью заключать договоры, объявлять войну и устанавливать мир и не соответствует статье XIII конституции[107].

Признавая, что указанная статья была неподходящей, дипломатические представители Японии вступили в переговоры с американским правительством об ее исключении или исправлении, и так как объяснения американского правительства показались им удовлетворительными, они предложили японским уполномоченным подписать договор в его первоначальном виде. Когда это стало известно в Японии, поднялся общий спор относительно того, является ли это нарушением конституции. Автор с самого начала находил указанную фразу неподходящей, но так как вопрос обсуждался дипломатическим путем с американским правительством, он считал само собой разумеющимся, что надлежащий документ был вручен японскому правительству. Когда, однако, он прочитал в газетах объяснения министерства иностранных дел, указывавшие, что «от имени» должно рассматриваться не как на ни ойте (от имени), но как но таме ни (по поручению), и что «народы» не означает дзинмин (народ) или кокумин (нация), но кокка (государство), — только тогда он обратил внимание на удивительный характер японо-американских переговоров. В ответ на вопросы некоторых

представителей прессы он откровенно заявил, что указанный текст означает «от имени своих народов» и не может быть истолковав в каком-либо ином смысле. Объяснение министерства иностранных дел было очень поверхностным, и к несчастью, вместо того чтобы удовлетворить публику, увеличило ее беспокойство. Как можно было ожидать, вся страна заинтересовалась дискуссией. В парламенте сделаны были запросы и представлены меморандумы, мнения ученых и политических деятелей заполнили страницы газет и журналов или появились в брошюрах, поддерживая или отвергая указанный пункт, и так без конца. Вообще говоря, одни считали, что это просто пустая фраза, употребленная для того, чтобы придать силу декларации против войны, и так как она была написана без намерения нарушить конституцию, поэтому нет повода для того, чтобы поднимать шум и крик относительно неконституционности фразы и тем самым подвергать опасности самый договор, хотя фраза могла быть неприемлемой. Другие держались того взгляда, что договор в принятом виде ее должен быть ратифицирован, поскольку обычный смысл вызвавших возражения слов не соответствовал государственной системе Японии и нарушал ясно выраженные положения конституции. Как автор раньше заявлял, он считал, что «от имени своих народов» честно должно пониматься как дзинмин на ни ойте (от имени своих народов), и что нет оснований утверждать, что статья первая означает кокка но таме ни (по поручению государства). Более того, зная закулисную сторону дела, он имел основание считать, что страна, предложившая договор, придавала очень большое значение этой фразе, и чувствовал, что от вопроса нельзя легко отделаться. Он полагал, что вызвавшие возражения слова не соответствуют национальной структуре и противоречат статье XIII конституции и что договор против войны не должен быть ратифицирован без оговорок в отношении этих слов. Много было сказано относительно этого пункта, но во всяком случае ясно, что эти слова находятся в противоречии с конституцией в отношении: 1) права заключать договоры и 2) права объявлять войну, поскольку соответствующая власть по конституции принадлежит императору. Если, с одной стороны, очевидно, что большое значение придается словам «от имени своих народов», то с другой стороны, совершенно ясно, что эти слова нарушают конституцию в отношении власти императора заключать договоры. Возражение автора по поводу этой фразы более всего касается ограничения прерогативы императора объявлять войну, и он приведет основания для этого в дальнейшем.

Ружья и мечи — опасные предметы, но если их употребляют

для охоты или для танцев, они безвредны. Точно так же, если бы обсуждаемое выражение было пустой фразой или было приведено для большей выразительности, автор не возражал бы против него и оно не вызвало бы у него тревогу. Поскольку, однако, как он убежден и сейчас покажет, что эта фраза имеет глубокое значение, он не может не остановиться на этом вопросе.

б. Американская лига признания войны незаконной[108]

Как было сказано, в Соединенных штатах семь или восемь лет тому назад появилась организация, назвавшая себя Лигой признания войны незаконной. Главными действующими лицами в этой организации были Левинсон — адвокат, Дюи — профессор университета, Моррисон — журналист. Их лидером был Бора, председатель комиссии иностранных сношений сената. В течение нескольких дет эта организация сделалась столь, влиятельной, что стала руководить общественным мнением и выдвинула требование, предъявленное правительству Кулиджа, предложить иностранным правительствам договор против войны. Таким образом, группа, состоящая из Бора, Левинсона, Моррисона и др., в действительности предложила народам мира договор против войны. Среди многих доктрин этих джентльменов две являются совершенно новыми. Одна из них требует, чтобы никакого наказания не применялось в отношении государств, нарушивших договор против войны, поскольку наказания, если будут осуществлены, явятся одним из видов войны. Разве, рассуждали они, не будет противоречия, что стороны, которые решили изгнать войну, потому что она является преступлением, применяют наказания, которые являются не чем иным, как мерой насилия? Не будут ли эти наказания разрушать самый договор? Другая новая доктрина заключена в словах «от имени их народов». Коротко говоря, под этими словами скрывается идея, что в прошлом вопросы мира или войны решались небольшой кучкой монархов, министров, политических деятелей и дипломатов и что судьба бесчисленных миллионов народа зависела от любви, ненависти, причуд, перемены настроений небольшого круга людей. В соответствии с этим, если в XX веке для мира должно быть возведено солидное основание, жизненные вопросы мира и войны должны быть изъяты из ведения группки государственных деятелей и переданы самим народам. В теории все вопросы, включая вопросы о заключении договоров против войны, должны решаться референдумом или плебисцитом, т. е.

прямым голосованием народа. Но так как на практике это сделать трудно, то народ должен быть удовлетворен мероприятиями его правительства, действующего по его поручению. Благодаря, однако, особому характеру договора, который является соглашением между народами, должна быть проявлена особая бдительность, чтобы власти благодаря личному честолюбию не допустили бы разрыва или нарушения договора.

Коротко говоря, основным положением. Американской лиги признания войны незаконной является то, что договор против войны представляет собой соглашение между народами и что договаривающимися сторонами должны быть народы, и так как это неосуществимо, главы государств должны быть их доверенными. По мнению этих людей, слова «государство» или «нация» неудовлетворительны, и если будет употреблено слово «народ», то существо дела изменится, а потому они упорно настаивали, что «народы» должны контролировать договор против войны. Основанием для их возражений против слова «государство» и настойчивости в отношении слова «народ» является идея, что на выборах президента или членов конгресса появляется народ и голосует как государство, и поэтому избранные президент и члены конгресса представляют государство. По своей природе, считают они, договор против войны не является тем вопросом, который может быть доверен представителям государства. Такие государственные вопросы должны решаться прямым голосованием каждого человека соответственно его взглядам посредством референдума или плебисцита, а не через представителей. Другими словами, так как договор против войны является важнейшим вопросом человечества, он должен решаться посредством прямого управления народом, а не через его представителей. В слово «народы» поэтому вложена мысль, что договор против войны является таким договором, который сам народ должен решать путем референдума.

Договор против войны был предложен министром иностранных дел Франции Брианом. Зная взгляды Американской лиги признания войны незаконной, Бриан приманил метод, до сих пор не применявшийся в международных отношениях. Для того чтобы договор против войны между Францией и Соединенными штатами мог осуществиться, он отступил от обычного официального пути и обратился прямо к американскому народу, направив послание к нему через сотрудника «Associated Press». Когда предложение Бриана стало известно американскому народу, Лига признания войны незаконной воздействовала на общественное мнение и через г.

Бора оказала давление на президента и государственного секретаря и в конце концов вызвала официальные переговоры, начавшиеся между американским и французским правительствами. Таким образом, американское правительство под давлением общественного мнения и как орудие Лиги предложило иностранным правительствам договор против войны в точной формулировке Лиги. Но, как и надо было ожидать, некоторые иностранные правительства возражали против двух важных особенностей новой философии Лиги, в то время как другие довольно спокойно добивались изменения этих особенностей. Французское правительство выдвинуло возражения в отношении наказаний. В противовес взгляду Лиги, что положение о наказаниях для нарушителей договора будет самоубийством для самого договора, французское правительство утверждало, что договор против войны без статей о наказаниях сделает договор ничего не значащей бумагой. Чтобы пойти навстречу возражениям французского правительства, государственный секретарь Келлог придумал компромиссный план, по которому главная часть договора оставалась без изменения, но в него включалась вводная статья, указывающая, что государства, нарушающие договор, «не могут пользоваться преимуществами, предоставляемыми договором». Таким образом, вопрос был, наконец, разрешен.

Имелись сведения, что японское правительство желало сделать некоторые изменения. Вряд ли нужно говорить, что эти изменения касались слов «от имени своих народов», заимствованных из второго догмата символа веры Лиги признания войны незаконной. Судя по факту, что договор был подписан в Париже 27 августа 1928 г. в своем первоначальном виде, переговоры императорского правительства велись не очень настойчиво, и нет никакого сомнения, что американское правительство в очень любезной форме отказалось принять японское требование, чтобы слова, вызывающие возражение, были изменены или исключены. Конечно, японское правительство должно было указать, что основанием для желаемого изменения слов является несоответствие этих слов конституции Японии. Так как американское правительство, предлагая японскому правительству договор против войны, должно было выразить готовность принять такие поправки, которые сделали бы договор приемлемым для Японии, то естественно предположить, что американское правительство не противилось предложениям японского правительства в отношении несущественных изменений. Но, очевидно, существовали важные обстоятельства, которые заставляли американское правительство определенно

отклонить пожелания японского правительства об изменениях. Этим обстоятельством, бесспорно, является обсуждавшаяся раньше позиция Лиги признания войны незаконной. Как было уже сказано, некоторые японцы объясняют употребление фразы, которая не понравилась их соотечественникам, тем, что она была применена или в качестве литературного украшения, или для большей выразительности, и поэтому, останется ли она в договоре или не останется, не является существенным делом. Такое объяснение, однако, является результатом незнакомства с закулисной стороной договора против войны. Если бы фраза не имела значения и не была существенна, то у американского правительства не было бы основания не удовлетворить пожелания японского правительства и держаться своей прежней позиции.

в. Референдум

Теперь необходимо сделать отступление и кратко остановиться на системах референдума, инициативы и плебисцита, которые являются системами прямого народного управления, известными как демократия. Процедура, согласно которой принятие или непринятие правительственного или парламентского закона решается голосованием народа, известна под именем референдума. Там, где правительство или парламент, вместо того чтобы вносить закон, получает предложения от определенного количества людей и ставит его перед нацией для принятия или непринятия общим голосованием, такая система называется методом инициативы. Различие между двумя системами заключается в методе возникновения законодательства, — либо оно исходит от правительства и главы государства, либо от народа, но они имеют то общее, что законодательство определяется прямо народом. Плебисцит может быть рассматриваем как самоопределение народа и представляет собой процесс, посредством которого народ имеет власть общим голосованием принять или не принять то или другое мероприятие, предложенное главой государства или правительством. Плебисцит, таким образом, является референдумом под другим названием.

Во время второй республики во Франции Наполеон III предложил народу общим голосованием решить, хочет ли Франция иметь императорскую или республиканскую форму правления. Опять-таки, когда было тайным образом решено уступить Франции две итальянские провинции, Ниццу и Савойю,

Наполеон III, из уважения к воле жителей этих провинций, предложил им общим голосованием решить, хотят ли они сделаться новыми подданными Франции или остаться итальянцами. Наполеон называл оба эти голосования плебисцитом. На первый взгляд казалось, что имелось действительное уважение к воле народа и что эгоистические мотивы отсутствовали. На самом деле, однако, принуждение и запугивание были характерны для этих голосований, которые являлись пародией на свободное народное волеизъявление. Плебисцит приобрел известность как хитрая выдумка честолюбивых государственных деятелей, применяемая ими для того, чтобы ввести в заблуждение народ, и не является системой, обеспечивающей права народа. Для того чтобы разрешить вопрос о государственной принадлежности Верхней Силезии и Шлезвиг-Гольштейна[109], возникший на Версальской конференции после мировой войны, был применен плебисцит, и казалось, что эта система становится снова модной.

Референдум и инициатива в течение столетий применялись для решения общегосударственных и кантональных дел в Швейцарии. Они применялись также в связи с некоторыми вопросами, относящимися к новой конституции Германии, и в последние годы применялись в некоторых штатах Американского союза. Однако, помимо Соединенных штатов, Швейцарии и Германии, прямое народное управление этим способом не происходит. 15 или 16 лет тому назад в Париже швейцарский коллега автора рассказал ему следующий анекдот. Когда он был еще советником швейцарской миссии в Лондоне, покойный маркиз Солсбери задал ему однажды вопрос относительно истории и практического осуществления референдума в Швейцарии. Когда рассказчик описал подробно систему, маркиз задумался на секунду и потом заметил, что удивительно, как эта система не причинила серьезного вреда и так удовлетворительно действовала в Швейцарии, и что абсолютно невероятно принятие ее в Англии. Замечания, исходящие от премьер-министра государства, которое создало правительство, основанное на представительстве, относительно вреда общего голосования, заслуживают внимания. Если при обыкновенных выборах при представительной форме правления не могут избежать многочисленных злоупотреблений, то легко себе представить, как эти злоупотребления множатся, когда эта система расширяется до общего голосования. Так как злоупотребления, связанные с общим голосованием, даже в Швейцарии, где правление посредством прямого голосования действует гладко, превосходят злоупотребления на обыкновенных выборах, мы не можем не

поставить знак вопроса в отношении ценности общего голосования.

Автор всесторонне изучал референдум и после тщательного размышления пришел к заключению, что государственные вопросы, такие, как выбор между миром и войной, не подходят для всенародного голосования и для прямого решения народом. Только ясная, дальновидная и глубокая мудрость государственных деятелей и гениальных дипломатов может предвидеть результаты и многосторонние влияния борьбы. По этой причине автор убежден, что даже в демократической стране невыгодно и опасно доверять прямому решению народа в форме референдума важнейший вопрос о мире и войне.

В Японии император, всегда думающий об интересах и счастье своего народа, крепко держит верховную власть объявлять войну и устанавливать мир. Какова бы ни была императорская воля, народ охотно ей повинуется, не боясь, в случае если война будет решена, идти в огонь и в воду, и, если будет решен мир, он вложит меч в ножны и займется мирными делами. Эта система господствует не только потому, что она прочно включена в национальную конституцию Японии, но также потому, что она соответствует истинным интересам и благополучию народа. Разве Япония не сталкивается с бесконечными злоупотреблениями ее парламентской системой? Нет ни малейшего сомнения, что если бы референдум или подобная система были введены в Японии в настоящее время, создалось бы ужасное положение дел. Автор убежден, что референдум не представляет истинной воли народа не только по большим вопросам, подобным вопросу о мире и войне, но даже по сравнительно маловажным вопросам.

г. История дает естественное толкование

Автор полагает, что он ясно показал в двух предшествующих частях главы, что вызвавшая возражения фраза в договоре против войны возникла из принципов Американской лиги признания войны незаконной, считающих, что настоящими договаривающимися сторонами в этом договоре являются народы, что смысл этой фразы в том, что правителям разрешается действовать вместо народов, и соответственным образом слова «от имени» применены для того, чтобы показать ясно, что речь идет именно о замене, так же как слово «народы» выбрано для того, чтобы показать, что имеется в виду не государство и не нация, а именно народ. Было также объяснено, почему автор не

может признать референдума, который является образцом прямого народного правления, точным инструментом для измерения действительной воли народа. К какому же заключению мы придем, имея в виду указанные положения, если теперь рассмотрим беспристрастно статью первую договора? Мы найдем объяснение, что слово «народы» означает государства и что «от имени» не означает замены, противоречащей действительным намерениям инициаторов, которые будут считать это неправильным толкованием. Далее, если мы примем слова в их истинном смысле и найдем, что они точно совпадают с основными принципами инициаторов, мы должны прийти к заключению, что меч используется не для танцев и ружья не для охоты, а что эти предметы весьма опасны и способны повредить конституции и национальной структуре Японии. Конечно, американское правительство и группы, стоящие за ним в этом деле, не имели намерения повредить конституции и национальной системе Японии. Ни у одного иностранного правительства не было такого намерения. Вопрос заключается в том, совместим ли истинный дух предложения, исходящего от иностранного правительства, с конституцией и системой Японии. Автор противился употреблению спорных слов, потому что с точки зрения инициаторов они не служили для выразительности или для риторического украшения и потому что их истинное значение, которое было в мыслях инициаторов, определенно сталкивается с конституцией Японии.

4. Ратификация договора против войны

Если договор против войны имеет черты, не совместимые с конституцией Японии, и эти черты серьезно отражаются на национальной структуре, государство должно принять все меры для исправления этого положения.

Имеются два пути для этого исправления: посредством отказа ратифицировать договор и посредством ратификации его с оговоркой в отношении пунктов, которые не совпадают с конституцией. Так как первый шаг, отказ от ратификации, приведет к провалу всего договора, это все равно, что убить быка для того, чтобы выпрямить его рога. Международный мир не только является общей потребностью нашей эпохи, но он с незапамятных времен составлял благое желание японских императоров. Во всяком случае, Япония должна быть осторожной, чтобы не предпринять шага, который сорвет такое важное для международного мира дело, как договор против войны, несмотря на имеющиеся в нем недостатки. Но недостатки являются недостатками и должны быть без колебания уничтожены, хотя сам договор должен быть во что бы то ни стало сохранен. Поэтому правильным будет другой выход — ратифицировать договор с оговоркой.

Следующим вопросом является влияние, которое окажет на договор оговорка при ратификации. Этот вопрос окончательно международным правом еще не разрешен, хотя имеется много прецедентов относительно таких оговорок, и они были даны как раз Соединенными штатами. Для правительства Соединенных штатов не представлялось необычным делом выполнять решение сената о ратификации договоров с поправками, изменениями, дополнениями и исключениями.

В случае, если одно из договаривающихся государств ратифицирует договор с оговорками, то другие стороны могут, конечно, сделать соответствующие представления, если они не принимают этих оговорок. Если происшедший из этого спор относительно соответствующих пунктов не может быть разрешен, обе стороны могут, разумеется, отказаться от договора. Если же возражений против оговорок нет, последние становятся частью договора или с открытого, или с молчаливого согласия. Предположим теперь, что оговорка в отношении вызвавших возражения слов будет присоединена к ратификации Японией договора против войны; какова будет по отношению к этому позиция подписавших договор держав? Эти слова имеют большое значение для Японии, но для других подписавших государств, за

исключением. Соединенных штатов, они не имеют существенного значения. Автор с уверенностью полагает, что оговорка Японии была бы принята без возражений всеми подписавшими государствами, включая Соединенные штаты. Если по какому-либо случаю поднялся бы в отношении этой оговорки спор, который не мог бы быть разрешен, Япония Имела бы основание, конечно с сожалением, отказаться от договора против войны. Как бы ни был для международного мира желателен договор, он не оправдывает жертвы важными частями национальной структуры.

Заявление о том, что американское правительство и группы, поддерживающие его в отношении договора против войны, согласятся, по крайней мере молчаливо, на оговорки Японии по поводу вызвавшей возражения фразы, может показаться несовместимым с высказанным' раньше утверждением, что они придают большое значение этой фразе. Конечно, американское правительство и особенно группы, борющиеся против войны, будут глубоко сожалеть по поводу японской оговорки. Однако автор уверен, что у них нет другого выхода, как только пройти мимо этой оговорки. Какое бы значение ни придавалось вызвавшим возражения словам, разве только они существенны для договора? Когда речь идет о жизни и смерти договора, можно пожертвовать важными словами для того, чтобы сохранить самый договор. Когда договор против войны обсуждался в сенате и Бора понял, что судьба договора висит на волоске, он, являющийся действительным отцом договора, смягчил свою кампанию за разоружение, которой он дорожил почти так же, как договором против войны, и снял свои возражения по поводу стоявшего на очереди закона о расширении морских вооружений, чтобы его оппоненты взамен этого сняли свои возражения против антивоенного договора. Этой уступкой он добился прохождения договора. Этот пример показывает, как легко американские государственные деятели приспособляются к обстановке.

Существует убеждение, что фраза «от имени своих народов», включенная в договор против войны, может сделаться общеупотребительной для дипломатических документов и договоров. Если Япония упустит настоящий случай прямо выразить свое отношение к этой терминологии, для нее будет трудно в будущем вести переговоры об изменении этой фразы[110].

Глава одиннадцатая
Конституция и внешняя политика японского государства

1. Конституция

Надо признать, что японская конституция является единственной в мире. Какая другая страна на земле находится под управлением монарха, принадлежащего к императорскому дому, который царствует в стране с незапамятных времен? В какой другой стране сам монарх проявлял инициативу для создания парламента, который должен решать государственные дела в согласии е желаниями народа? Где монарх содействовал распространению знаний среди народа, потребовал составления основного закона страны и поощрял народ к участию в управлении государством? Японский народ считает особую структуру своего государства во всех отношениях совершенной и будет защищать ее ценой своей жизни.

Намерение Иугэ-но-Докё, буддийского монаха, занять императорский трон[111] является единственным примером этого рода в длинной истории Японии. Тогда форма правления в Японии подверглась серьезной угрозе, но, чтобы ее защитить, поднялся Ваке-но-Кийомаро. Он пришел в храм Хатиман[112] в Юзе и просил бога дать ему небесное послание для руководства его поведением. Его молитва была услышана, и оракул произнес следующее: «Со времени основания страны были твердо установлены отношения между императором и народом. Императорский трон будет всегда занимать сын императора». Широко огласив это предсказание, Ваке-но-Кийомаро был в состоянии помешать заговору вероломного монаха. Разглашенное послание бога Хатимана предотвратило национальную опасность. За исключением этого случая, не было сделано ни одной попытки изменить постоянную форму правления Японии.

Первой обязанностью японской дипломатии является одновременно защита национальных интересов и благосостояния народа в отношении внешнего мира и в то же время сохранение особой национальной структуры и развитие ее основных принципов. Император Страны восходящего солнца никогда не имел агрессивных намерений в отношении других стран и не допускал агрессии с их стороны. Когда в древние времена племена сику-син помогли айну нападать на японский народ, императорские силы отбили нападения и огнем и мечом разрушили центр нападавших, и когда три корейских королевства и дикие племена Северо-Восточной Азии поддерживали восставшее племя кумасо в юго-западной части Японии, императорская армия двинулась против них, разбила их и оставила гарнизон и военные учреждения (Мимана-фу) в Корее.

Эти мероприятия, однако, не выходили за пределы законной самозащиты. В дальнейшем, во время нахождения у власти военных, случилась непоправимая трагедия, когда Йосимицу, один из военных властителей из дома Асикага, позорно принял от царствующего императора из династии Мин в Китае титул короля Японии и признал суверенитет китайского императора. Однако надо заметить, что при возвышении Иоеимицу до положения платящего дань короля, по-видимому, не было намерения изменять национальную структуру Японии. Китайский монарх, очевидно, думал, что управление страной принадлежало семье Асикага, и действовал в данном случае с обычным китайским тщеславием. Но непростительно было для Иосимицу злоупотреблять своей властью и благодушно принять титул короля от иностранного правительства. Снова, в более позднее время, когда разразился конфликт между Японией и Китаем во время экспедиции Хидейоси в Корею и китайский двор, помня о прецеденте с Иосимицу и полагая, что он может удовлетворить японского военного таким же способом, написал Хидейоси следующее: «Мы назначаем вас королем Японии». В этом случае также у китайского императора не было намерения оскорбить Японию. Скорее это была попытка доставить удовольствие Хидейоси и улучшить отношения между Японией и Китаем. Во всяком случае, когда китайский посол передал Хидейоси его назначение, последний сердито спросил: «Если я стану королем Японии, каково будет положение императора?» Китайский посол тогда впервые понял, что в Японии верховная власть находится у императора в Киото, а не у солдата в Момояма[113]. Ответственность за неправильное представление китайцев о политическом порядке Японии должна быть возложена на сёгуна Асикага, который столь низко пал, что признал себя подданным китайского императора. Результаты такого обращения с национальной структурой Японии были ужасны. К счастью для Японии, до Асикага (Иосимицу) был Ходзё Токимунэ[114], а после Асикага, к великому огорчению Китая, был герой Тойотоми Хидейоси, но была нужна еще японо-китайская война 1894–1895 гг., чтобы заставить китайцев раз навсегда расстаться с мыслью об управлении Японией.

Для Японии важно теперь, так же как было важно в древние времена, чтобы ее дипломаты зорко смотрели за национальной конституцией. В действительности теперь требуется еще большая, чем раньше, бдительность благодаря волнениям и изменению взглядов людей.

К концу мировой воины президент Вильсон отказался обсуждать условия мира с императорами двух центральных

европейских держав и открыто заявил, что он будет иметь дело только с действительными представителями вражеских народов. Германский император никогда не имел намерения отказаться от трона, но перед лицом непреклонности Вильсона в конце концов он был принужден удалиться в малоизвестную деревню в Голландии. Другими словами, дипломатия американского президента в военное время вызвала перемену основных форм правления Германии и заставила Германию сделаться республикой.

Во время Версальской мирной конференции, когда президент Вильсон не мог прийти к соглашению с итальянскими представителями, премьером Орландо и министром иностранных дел Соннино, по вопросу о владении Фиуме, он обратился с посланием непосредственно к итальянскому народу, через голову итальянского короля и итальянского правительства. Мотивы Вильсона были хороши, но его метод был совершенно неправильный. Он имел дело прямо с народом и игнорировал короля и законное правительство на том основании, что высшая власть принадлежит народу, и таким образом сводил к нулю конституцию Италии.

Совсем недавно в фразе «от имени своих народов», появившейся в предложенном Соединенными штатами договоре об отказе от войны, была заложена мысль, что верховная власть принадлежит народу, и для страны, подобной Японии, возник первостепенной важности вопрос, так как Япония имеет определенную национальную конституцию, не допускающую вмешательства со стороны[115]. Те, которым надлежало этим ведать, не хотели своевременно принять соответствующие меры предосторожности, потому что договор имел целью ~ уничтожение войны и укрепление международного мира, не проявили достаточного понимания важности защиты национального порядка Японии в сношениях с другими государствами.

Принятие Асикага Иосимицу из рук китайского императора титула короля Японии является самым возмутительным явлением в японской истории и представляет собой величайший позор для военного режима. Отказ Вильсона иметь дело с кайзером был отступлением от установленного порядка, но это была дипломатия военного времени. Его обращение непосредственно к итальянскому народу, через голову дружественного итальянского государя и правительства, нельзя оправдывать. И это тем более, что Америка, исходя из суверенитета своего государства, никогда не допускала малейшей мысли об иностранном вмешательстве в ее внутренние дела и безжалостно требовала отзыва иностранных

послов, которые хотя бы косвенным образом критиковали ее политику. То, что президент той же страны не считался с внутренним строем, не говоря уже об основной структуре, дружеской нации и пытался вести переговоры непосредственно с народом, было совершенно недопустимо. Как плохо он понимал настроения в Италии, можно было судить по тому факту, что итальянский народ в это время еще чувствительнее относился к вопросу о Фиуме, чем премьер Орландо и министр иностранных дел Соннино. Что касается фразы «от имени своих народов» в договоре против войны, — не дело американского правительства, которое предложило этот договор, беспокоиться по поводу возможного влияния этих слов та национальную конституцию Японии. Это дело японского правительства, и поэтому с американского правительства должно быть снято обвинение в неподходящем выступлении в этом отношении. Больше всего приходится удивляться тому, что японское правительство было удовлетворено и приняло данные объяснения, несмотря на прежние неприятности в отношении применения этой фразы к Японии. Однако вопрос был удовлетворительно разрешен оговоркой, приложенной к японской ратификации договора. Оговорка эта одновременно служил для осведомления всего мира об органической структуре японского государства.

Был еще один случай, когда конституция Японии подверглась внешнему воздействию. Во время переговоров в 1889 г. о пересмотре японских договоров было предложено, чтобы некоторое количество иностранных судей было привлечено для рассмотрения смешанных дел (между европейцами и японцами), но общественное мнение в Японии пришло до такой степени в ярость по поводу этого предложения, что эта идея была отброшена. Настроение японского народа в то время, может быть, было чересчур возбужденным; тем не менее оно помогло сохранить целостность национальной структуры. Вопрос об иностранных судьях и вопрос о суверенности императора представляют собой два примера, в которых государственный строй Японии подвергся испытанию. К счастью, в обоих этих случаях не было принесено никакого вреда.

2. Внешняя политика Японии

В настоящей книге автор изложил дипломатическую историю Японии и остановился сравнительно подробно на ее важнейших чертах. Было показано, как в течение пятидесяти лет со времени восстановления императорской власти великий император Мейдзи улучшил управление государственными делами, укрепил хорошее правительство в стране и добился высокого престижа для Японии во всем мире. Было рассказано, как благодаря борьбе с Китаем, а потом с Россией и присоединению Кореи две традиционные угрозы Японии были уничтожены и необходимая безопасность для нации в конце концов обеспечена и как император Тайсё продолжал великое дело своего императорского предшественника и мудрой политикой во время мировой войны добился места для своей империи на словах и на деле среди пяти руководящих держав мира. Но что будет в будущем с империей, которая за полвека достигла такого необычайного прогресса?

Премудрый император, который теперь царствует в Японии, по восшествии на трон милостиво объявил своим подданным, что он будет проводить национальную политику, начатую императорами Мейдзи и Тайсё. Во время управления множеством государственных дел его отец-император (Тайсё) соблаговолил выразить следующий принцип внешней политики в связи с ратификацией Версальского договора: «Я искренно радуюсь, что создана новая организация для постоянного мира и что закончена схема Лиги наций». В то же самое время император Тайсё отдал распоряжение своему народу «придерживаться общего образца для государств и исполнять великие мировые законы, для того чтобы дело мира, поддерживаемое Лигой наций, могло быть выполнено».

Принципы, которые должны руководить внешней политикой Японии в новую эпоху, ясно указаны в только что цитированном императорском рескрипте и должны, как маяки, направлять государство вперед без уклонения от курса. В международных делах со времени мировой войны японское правительство последовательно исполняло императорское распоряжение и по мере сил сотрудничало с другими государствами в интересах международного мира. Его ответ на приглашение принять участие в конференциях по разоружению, его быстрое согласие на предложение присоединиться к договору об отказе от войны и его поддержка подобных мирных мероприятий являлись только исполнением указаний покойного императора.

Как было сказано в предыдущих главах, народное требование

в первые годы царствования Мейдзи послать экспедицию в Корею, подавить феодальные кланы и присоединить к ближайшей провинции острова Рюкю, а также направить военную экспедицию на остров Формозу — все это заставило иностранные государства думать, что Япония любит войну ради войны. То же мнение было высказано, когда Япония пошла на войну сначала с Китаем, а потом с Россией. Но ошибочные мнения недолго держались, и ложные обвинения рано или поздно были взяты обратно. Осложнения с соседними государствами в первые годы эры Мейдзи в действительности имели внутреннее значение, связанное с восстановлением императорской власти, в то время как войны против Китая и России были неизбежными войнами самозащиты перед лицом вызова, брошенного империи. Державы в конце концов начали усваивать эти истины. Но недавно японские переговоры с Китаем во время мировой войны стали предметом весьма распространенной критики. Таким образом, в третий раз Япония попала под подозрение у других государств, и потребовалось много времени и усилий, чтобы восстановить ее доброе имя. Однако по истечении десяти лет эти недоразумения в основном рассеялись, и неуставные заботы империи об укреплении международного мира теперь нашли общее признание.

Так же как частное предприятие, чтобы процветать, должно иметь доверие публики, так же и государство в международных делах, для того чтобы занимать прочную позицию, должно иметь доверие других государств. Однако международное доверие может быть достигнуто только строгим соблюдением справедливости — этого золотого правила международных отношений. Во всех странах имеются страдающие манией величия мечтатели, которые не хотят отказаться от своих устарелых желаний. Если случается, что эти неуравновешенные люди приходят к власти, доверие к государству временно падает. Если в такие времена народ не поднимает своего голоса для того, чтобы власти освободились от своих неуместных грёз и вернулись к здравому смыслу, то их страна, изолированная и подвергнутая остракизму, будет презираться международным общественным мнением. Чтобы избежать этого презрения, отсталая политика агрессии и тщеславной дипломатии должна быть прекращена. Так как в основе агрессивной политики лежит влияние милитаристов, оно должно быть вовремя приостановлено. Вместо агрессивной политики надо иметь уважение к правам и законным интересам других государств. Такое уважение дает государству, применяющему его, право ожидать от других государств уважения его собственных прав и законных интересов. Если

найдется государство, которое не уважает нрава и интересы другого государства, то последнее должно быть готово иметь решимость принудить к этому уважению, так как без такой готовности и решимости государство, думающее только о правах и интересах других государств, будет, без сомнения, из-за своего глупого добродушия в конце концов предметом насмешки всего остального мира. Истинный и прочный международный мир может существовать только тогда, когда государство открыто заявляет о своих собственных правах, готово защищать их и, с другой стороны, имеет подлинное и честное желание строго уважать права других государств. Народ должен остерегаться того, чтобы стать на агрессивный путь, и в то же время должен быть готов сопротивляться иностранной агрессии и защищать страну своих предков, т. е. придерживаться среднего пути между милитаризмом и мягкостью штатских людей. Штатские люди должны уважать военных и должны быть в отношении их щедрыми, в то время как военные, со своей стороны, должны проявлять сдержанность и не выходить за пределы необходимой защиты нации. Короче говоря, государство, взяв на себя заботу об укреплении международного мира, должно быть готово на случай крайностей. Таким образом, военные и штатские зависят друг от друга. Весь мир стремится к тому, чтобы найти необходимое равновесие между этими двумя элементами.

В настоящее время весь свет непрестанно и неуклонно призывает к миру, и нет другого выбора, как только следовать этому призыву. Если японцы будут прислушиваться к этому призыву и отдадут свои усилия делу укрепления международного мира, они исполнят желание покойного императора. В то же самое время они выполнят благородный долг, который взяла на себя империя в качестве члена Лиги наций. Как первый шаг к установлению международного мира должна быть применена система разрешения споров между народами мирными средствами. Способы для такого разрешения споров представлены арбитражными организациями и беспристрастными судами. Эти учреждения должны поощряться, и должны делаться попытки заключать договоры об арбитраже, возможно широкие, насколько современные международные условия это позволяют. Раз начнут действовать достаточно широкие договоры об арбитраже, современные государства почувствуют большую степень безопасности и вместе с этим начнут разоружаться. Если разоружение будет хотя бы частично осуществлено, это охладит военный пыл и существенным образом облегчит налоговое бремя внутри государств, и таким образом человечество впервые будет в состоянии наслаждаться действительным миром. Японское

правительство не должно жалеть усилий, чтобы добиться ограничения и уменьшения вооружений. Наше время требует, чтобы Япония поддержала договоры об арбитраже и движение за разоружение.

Проблемы населения и расы в будущем будут самыми трудными и самыми важными вопросами в международных отношениях. Эти проблемы не могли быть разрешены старыми методами агрессии и дипломатических интриг, и человечество ожидает нового типа дипломатии для их разрешения. Новая дипломатия изменившегося мира должна заняться этими проблемами с исключительным хладнокровием и терпением. Вопрос об отношениях между передовыми и отсталыми государствами мира тоже требует объективного и бесстрастного подхода. Передовые государства должны быть достаточно великодушны, чтобы понять пробуждающиеся отсталые нации и принимать меры для удовлетворения их пожеланий, в то время как отсталые расы со своей стороны должны остерегаться поспешности и резких шагов, понимать обязательность сдержанности и двигаться к своим целям, соблюдая порядок. Предсказания о конфликте между Японией и Соединенными штатами по вопросам расы и иммиграции основываются или на недостаточном знакомстве с фактами, или на недоразумениях, происходящих от злонамеренной пропаганды. Япония может обсуждать в духе дружбы и сотрудничества, а также беспристрастия и сдержанности с Соединенными штатами и другими заинтересованными государствами вопросы расы и иммиграции. Надо помнить, что эти проблемы касаются не только Японии и Соединенных штатов, но интересуют большинство стран мира. Япония и. Соединенные штаты как защитники и представители своих рас не могут сами разрешить эти вопросы и не склонны это делать. Удовлетворительное разрешение этих сложных проблем находится на ответственности дипломатии XX века. Дипломатия XX века в настоящее время обнаруживает тенденцию сообразоваться с новым типом дипломатии, введенной Лигой наций. Эта дипломатия может быть названа очищенной народной дипломатией, и Японии и японскому народу следует приготовиться к ней. Проблемы населения и расы имеют длинную историю, охватывающую много столетий, и, естественно, не могут быть разрешены в один день. Поспешность в отношении их приведет к провалу. Международное общественное мнение должно прежде всего достигнуть необходимой степени просвещения. Такой процесс, может быть, скучен, но движение вперед должно быть медленным. Идея разрешения споров между государствами

мирными способами глубоко вкоренилась в умы людей; в то же время идея разоружения постоянно прогрессирует. Более того, на войну начинают смотреть, как на преступление, и пакты об отказе от войны заключены и уже действуют. Автор твердо убежден, что если дипломатия Японской империи последует без сопротивления духу времени, будет стоять за справедливость в отношениях между государствами и стремиться к международному миру, как это было предписано великим императором Мейдзи и покойным и настоящим императорами, блестящее будущее ожидает империю.

notes

Примечания

1

Родился в 1866 г. в семье японского чиновника.

2

Перевод сделан с английского сокращенного издания, проверен по японскому тексту (Токио, 1931).

3

Ленин, Соч., т. XVIII.

4

Комацу Мидори, Тайная дипломатия (Гайко хива), Токио, над. газеты «Цюгай Сёгё» на японском языке.

5

Мимана-фу — японская колония в Мимана (Корея, близ Фузана), основанная в первые годы нашей эры легендарным японским императором Судзин.

6

Суи — китайская династия с 589 по 618 г.

7

Тан — китайская династия с 618 по 907 г.

8

Суйко — имя императрицы, а не императора.

9

Асикага — династия сёгунов с 1335 по 1572 г.

10

Мин — китайская династия с 1368 по 1644 г.

11

Ходзё — японская династия военачальников, управлявшая страной от имени сёгуна в XIII веке.

12

Урага — порт около города Токио.

13

Айну — племя, населявшее когда-то японские острова, куда пришло в доисторические времена, по-видимому, из Сибири. Айну были частично уничтожены малайскими и корейско-монгольскими племенами, частично с ними ассимилировались. В настоящее время на острове Хоккайдо и в японской части Сахалина имеется около 15 тысяч айну, ведущих первобытный образ жизни.

14

Сучен — племя, жившее в теперешнем Приморье.

15

Гиляки — племя, живущее в разных частях Восточной Сибири.

16

Тунгусы — племя, населяющее северные районы Сибири.

17

Портсмутский договор был подписан на Портсмутской конференции в Портсмуте (США) 5 сентября 1905 г. между русскими и японскими представителями. По договору царское правительство передавало Японии Ляодунский полуостров с Южно-манчжурской железной дорогой, южную часть Сахалина и предоставляло право рыболовства японским рыбопромышленникам в дальневосточных водах. По Портсмутскому договору, обе стороны могли держать в Манчжурии лишь ограниченное количество войск, необходимых для охраны железных дорог.

18

Кумасо — одно из племен малайского происхождения, с которым японцы вели борьбу на острове Кюсю.

19

Тао-и (нушен) — одно из корейских племен.

20

Ики — остров между Японией и Кореей.

21

Цусима — остров в Цусимском проливе.

22

Тикудзен — район в Японии на берегу Японского моря.

23

Дайдзай-фу — военное наместничество на острове Кюсю, в котором сосредоточено было управление западными провинциями Японии.

24

Киото — местопребывание японских императоров с 794 по 1869 г.

25

Камакура — столица Японии при сёгуне Иоритомо Минамото.

26

Бусидо и Яматодамаси, — кодексы морали японского военного дворянства — самураев.

27

Керулен — река, протекающая по Монголии. Начинается в горном хребте Кентей и впадает в озеро Далай-нор, затем через реку Аргунь питает своими водами Амур.

28

Сун — китайская династия (960—1280).

29

Юань — монгольская династия, правившая Китаем с 1206 по 1368 г. и основанная Чингисханом.

30

Хаката — город на острове Кюсю.

31

Таканосима — остров между Кореей и Японией.

32

Кидань — тунгусское племя, устраивавшее набеги на Китай при династии Сун.

33

Манчжу — тунгусское племя, захватившее власть в Китае и основавшее там Манчжурскую династию (1644).

34

Симоносеки — город на юге Японии, в котором был подписан договор после окончания японо-китайской войны в 1895 г.

35

Договор, подписанный 17 апреля 1895 г., по которому Китай отказался от своих прав на Корею и уступил Японии полуостров Ляодун в Манчжурии, остров Формозу и Пескадорские острова, а кроме того, был обязан заплатить 200 миллионов купинских таэлей.

36

Китайско-Восточная железная дорога. В 1896 г. царское правительство получило от китайского правительства право на постройку этой дороги от станции Манчжурия до станции Пограничная и затем от станции Харбин до Дайрена и Порт-Артура. После Октябрьской революции положение дороги было урегулировано соглашением между советским и китайским правительствами в 1924 г. В 1935 г. дорога была продана правительству Манчжоу-го под гарантию японского правительства. 31 декабря 1939 г. вопрос о платежах за КВЖД был окончательно урегулирован соглашением т. Молотова с японским послом в Москве.

37

Хэйлунцзян — одна из трех провинций Манчжурии.

38

Гирин — одна из трех провинций Манчжурии.

39

Киао-Чао или Цзяочжоу — китайский порт в Шаньдуне, захваченный в 1897 г. Германией под видом компенсации за совместное («тройственное») с Россией и Францией вмешательство в условия Симоносекского мира, когда было предъявлено требование к Японии возвратить Китаю Ляодунский полуостров.

40

Дайрен (по-китайски «Далянь») — по-русски Дальний — порт на Ляодунском полуострове; был по Симоносекскому договору 1895 г. передан Китаем Японии, но после «тройственного вмешательства» (России, Германии и Франции) возвращен Китаю, а затем, в 1898 г., передан вместе с Порт-Артуром в составе Ляодунского полуострова России. После русско-японской войны по Портсмутскому договору 1905 г. снова, как часть Ляодунского полуострова, перешел к Японии.

41

Порт-Артур — морская крепость на Ляодунском полуострове, построенная в 80-х годах XIX века и названная по имени строившего ее французского инженера. Подвергся той же участи, что и весь Ляодунский полуостров (см. предыдущее примечание). В начале русско-японской войны в 1904 г. подвергся нападению японских морских сил, затем — семимесячном осаде армией генерала Ноги. В декабре 1904 г., когда крепость еще могла держаться, был сдан генералом Стесселем японцам Тем самым освободилась армия генерала Ноги, которая затем нанесла решающий удар русской армии под Мукденом.

42

Инкоу (Нючжуан) — порт в Ляодунском заливе.

43

Острова Рюкю — севернее Формозы.

44

Тёсю — один из самых крупных феодальных кланов на юге Японии. Принимал активнейшее участие в свержении правительства с гуната. Выходцы из клана Т сю занимали многие важнейшие посты в японской армии. Влияние их в армии дает себя знать до настоящего времени.

45

Сага — провинция на острове Кюсю.

46

Дзинпурен — религиозная секта в Японии.

47

Кумамото — провинция на острове Кюсю.

48

Хаги — город в бывшей провинции Гагато, которая больше не существует. Хаги теперь входит в провинцию Ямагути.

49

Сейнанская война — японское название происшедшего в 1877 г. реакционного мятежа феодального клана Сацума под руководством Сайго. Этот мятеж ставил своей целью прекращение буржуазных реформ в Японии и получил название Сейнанского, или юго-западного, потому что базой для него послужил юго-западный клан Сацума.

50

Договор о мире, торговле и судоходстве между Японией и Соединенными штатами был подписан в Канагава 31 марта 1854 г. Коммодор Мэттью Калбрайт Перри подписал его от имени Соединенных штатов.

51

В Урага коммодор Перри впервые встретился с японскими представителями; в Симода жил первый американский посол.

Симода — город недалеко от Токио, где жили первые американские дипломаты.

52

Касумигасеки — часть Токио, в которой находится здание министерства иностранных дел Японии (Гаймусё).

53

Чжили — провинция Северного Китая, где находилась столица Манчжурской империи Пекин (Бэйпин).

54

Сан-Стефано — город недалеко от Стамбула (Константинополь), где был подписан Сан-Стефанский договор о мире после окончания русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Этот договор затем был пересмотрен на Берлинском конгрессе 1878 г.

55

Соглашение об азиатском континенте от 10 июня 1907 г. Одновременно оба правительства опубликовали декларацию относительно права наибольшего благоприятствования между Японией и Индо-Китаем.

56

Гуанчжоу — город в Южном Китае.

57

Вэйхайвэй — китайский порт в Шаньдуне, оккупированный Англией после японо-китайской войны и пересмотра Симоносекского договора под давлением России, Германии и Франции.

58

Коулун — китайский порт, расположенный против Гонконга и занятый Англией по Пекинскому договору 1860 г.

59

Боксерское восстание 1900 г. — народное восстание в Китае против империалистов, начавших в 1896–1898 гг. раздел Китая. Восстание руководилось обществом «Большого кулака». Название этого общества было неточно переведено на иностранные языки презрительным именем «боксеры». Восстание началось в провинции Шаньдун и вскоре; распространилось на весь Северный Китай, приняв особенно широкий размах в столичной провинции Чжили. Восстание было жестоко подавлено войсками Англии, Франции, Германии, России, Японии, Италии, Австро-Венгрии и Соединенных штатов

60

Таку (Дагу) — морской порт в провинции Чжили, служащий портом для Пекина.

61

Сиань — столица провинции Шэньси, куда была перенесена столица Китая во время занятия Пекина иностранными войсками.

62

Версальский договор — подписан в 1919 г. после окончания первой мировой империалистической войны.

63

Баодин — столица китайской провинции Чжили.

64

Посольский квартал — до последнего времени существующий в Бэйпине и пользующийся особыми правами, имеет самоуправление и специальную иностранную охрану.

65

Цинь — манчжурская династия, правившая Китаем с 1644 по 1912 г.

В то время — «старший политический деятель», живший в уединении в своем имении в Хаяма, недалеко от Токио. Тогда маркиз Иноуэ также был одним из «старших политических деятелей».

67

Хаяма — город близ Токио. Местонахождение одного из дворцов императора и летняя резиденция многих государственных деятелей Японии.

68

Договор Ямагата — Лобанов — договор, заключенный 9 июня 1896 г., о сотрудничестве в Корее между Японией и Россией. Был подписан русским министром иностранных дел Лобановым и японским генералом Ямагата во время его поездки в Россию во главе делегации на коронацию Николая II.

69

Соглашение Ниси — Розен — соглашение, заключенное 14 мая 1898 г., между Японией и Россией о признании независимости Кореи. Подписано японским министром иностранных дел Ниси и русским послом в Японии Розеном.

70

Соглашение Комура — Павлов — соглашение, заключенное 25 апреля 1896 г., между Японией и Россией, но не Комура — Павлов, а Комура — Вебер, когда оба они были дипломатическими представителями в Корее.

71

Русско-японское соглашение 1907 г. о признании независимости Китая и взаимных прав в Китае, прикрывавшее дележ Китая.

72

Русско-японское соглашение 1910 г. союзного характера о совместной защите приобретенных обоими государствами прав в Китае.

73

Соглашение Рут — Такахира — соглашение 1908 г. о признании Соединенными штатами и Японией независимости и целостности Китая и принципа открытых дверей и равных возможностей п Китае. Подписано министром иностранных дел США Рут и японским послом в США Такахира.

74

Договор между США., Британской империей, Францией и Японией, касающийся их островных владений и островных доминионов в Тихом океане, подписанный 13 декабря 1921 г., статья IV; «Этот договор будет ратифицирован как можно скорее, в соответствии с конституционными порядками высоких договаривающихся сторон и вступит в силу после обмена ратификационными грамотами, который будет иметь место в Вашингтоне, после чего соглашение между Великобританией и Японией, заключенное в Лондоне 13 июля 1911 г., будет аннулировано…»

75

Ялу — река в северо-западной части Кореи, в районе которой царское правительство получило лесную концессию. Последняя должна была служить базой для дальнейшего проникновения в Корею.

76

Дайдо — река в Корее, приблизительно в восьмидесяти милях южнее корейско-манчжурской границы.

77

Масанпо — порт на южном побережье Кореи.

Исии здесь допускает фактическую ошибку. Во время Крымской войны Владивосток не существовал (он был основан в 1860 г.). Английские корабли во время Крымской войны появились в Петропавловске-на-Камчатке.

79

Татарский пролив.

80

По статье XI японо-американского договора 1854 г., представителю Соединенных штатов было позволено проживать в Симода, небольшом порту на полуострове Изу, у входа в Токийский залив. По последующим договорам определенные районы (иностранные сетлменты, или «концессии») были открыты для постоянного жительства американских граждан (и других иностранцев): в Симода и Хакодате 4 июля 1858 г., в Канагава (Иокогама) и Нагасаки—4 июля 1859 г., в Ниигата—1 января I860 г., в Хего (Кобэ) — 1 января 1863 г.

81

Сараево — город в Боснии, где в июне 1914 г. сербским подданным был убит наследник австрийского престола Франц-Фердииад. Это убийство Германия использовала как повод для развязывания мировой империалистической войны.

82

21 требование — в январе 1915 г. были предъявлены лично Юань Шикаю кабинетом Окума, в котором министром иностранных дел был Като. Представляли собой программу установления японского протектората над Китаем.

83

Фуцзянь — китайская провинция, отделена от острова Тайван (Формоза), переданного Китаем Японии по. Симоносекскому договору, проливом шириной от ста до двухсот миль

Даты истечения сроков были следующие: аренда Дайрена и Порт-Артура — 27 марта 1923 г., Южно-манчжурской дороги, с правом Китая выкупить ее, — около 1938 г., с правом получить ее бесплатно — около 1982 г., и Андунь-Мукденской дороги — 1923 Г,

85

Нельзя не сказать, что с историческими фактами Исии обращается иногда довольно свободно. Например, он не смущаясь заявляет, что сепаратный мир, заключенный немецким агентом на русском престоле императором Петром III в 1762 году с прусским, королем Фридрихом II, явился результатом ослабления силы русских войск и потери ими способности воевать. На самом деле, русские войска в результате Семилетней войны (1756–1762) разбили наголову армию Фридриха II и занимали даже Берлин. Мир Петром III был заключен против желания русской армии и, несмотря на ее победу над пруссаками.

Дословно — «выгода», «прибыль», конкретный «интерес».

87

Пакт Локарно был заключен 16 октября 1925 г. в Локарно (Швейцария) между Францией, Бельгией, Англией, Италией и Германией. По этому пакту Франция, Бельгия и Германия обязались не нападать друг на друга. Германия вынуждена была подтвердить постановление Версальского договора, запрещающего ей иметь армию и возводить военные укрепления в Рейнской зоне (левый берег Рейна и 50-километровая полоса вдоль правого берега). Англия и Италия обязались выступить против любой из трех договорившихся стран в случае нарушения ею пакта Локарно. Франция и Германия, а также и Бельгия обязались разрешать все спорные (Вопросы путем арбитража: через третейский суд или Совет Лиги Наций. Фашистская Германия 7 марта 1936 г. нарушила пакт Локарно, оккупировала Рейнскую зону и заявила о том, что более не считает себя связанной этим пактом. Остальные участники пакта не выступили в защиту его.

88

Женевский протокол — решение, принятое Ассамблеей Лиги наций 2 октября 1924 г. под влиянием премьер-министра Великобритании Макдональда и премьер-министра Франции Эррио. Это решение представляло Франции гарантии против нападения на нее со стороны какой-либо державы, взамен чего Франция соглашалась на участие в конференции по разоружению. После падения правительства Макдональда в Великобритании и прихода к власти консервативного правительства Болдуина, последнее аннулировало согласие Англии на соглашение, выраженное в «Женевском протоколе».

89

План Дауэса принят в августе 1924 г. на Лондонской конференции относительно германских платежей по репарациям и урегулирования финансов Германии. Дауэс был председателем Комитета экспертов, разработавшего этот план.

90

В Верхней Силезии, согласно ст. 88 Версальского договора, должен был быть произведен плебисцит для выяснения желания населения входить в состав Германии или Польши. Совет послов не мог (самостоятельно разрешить вопрос о судьбе Верхней Силезии. Верхняя Силезия была занята польскими войсками под командой Корфанти; ввиду этого туда были посланы английские и французские войска. Лига наций разделила Верхнюю Силезию между Германией и Польшей и установила в ней временный режим. Решение Лиги наций, объявленное 20 октября 1921 г., было подтверждено польско-германским соглашением 15 мая 1922 г.

91

Вступление Германии в Лигу наций — па сессии Ассамблеи Лиги наций в марте 1926 г. обсуждался вопрос о вступлении Германии в Лигу. Германские делегаты во главе с рейхсканцлером Лютером и министром иностранных дел Штреземаном прибыли в Женеву для участия в Ассамблее и в Совете Лиги. В Совет Германия должна была быть принята в качестве постоянного члена Совета. Из-за претензий Испании, Бразилии, Полыни и Бельгии на постоянное место в Совете вопрос о вступлении Германии в Лигу наций в марте 1926 г. не был решен. Пени допускает явную ошибку, утверждая, что Германия вступила в Лигу наций в марте 1926 г. В действительности Германия вступила в Лигу в сентябре 1926 г.

92

Имеются в виду республики Караибского моря: Порто-Рико, Гаити, Куба, и Ямайка.

В этой резолюции сказано, что избиратели должны «иметь в виду, что судьи должны представлять несколько форм цивилизации и главнейшие юридические системы мира».

94

Гаагский суд — постоянная палата третейского суда, учрежденная в Гааге в 1899 г. для разбора спорных между государствами вопросов.

95

Лондонская конференция 1930 г.

96

Этот раздел включен в настоящую главу по желанию Исии, хотя в его книге он помещен в приложении, так как был написан после того как вся книга была им закончена. (Примечание редакции английского издания.)

97

Для члена генро, старейшего государственного деятеля, князя Сайондзи.

Доктрина «непрерывного путешествия», или «непрерывного транспорта», определяет вопрос о том, является ли груз контрабандным не по характеру самого груза, а по стране назначения. При этом перерывы в движении грузов (заход в 'порты других стран) не принимаются во внимание.

99

5 мая 1908 г. Продолжен соглашениями, подписанными 28 июня 1913 г. и 28 августа 1918 г.

100

Трафальгар — мыс вблизи Гибралтара, у которого английская эскадра под командованием Нельсона разбила в 1805 г. французскую эскадру.

101

Американский комитет признания войны незаконной, председатель Соломон-Оливер Левинсон.

102

«Алабама» — название военного корабля, построенного англичанами во время гражданской войны в США в 1861–1865 гг. по заказу Конфедерации южных штатов США. После передачи корабля южным штатам США правительство США заявило протест английскому правительству. По окончании гражданской войны дело рассматривалось третейским судом, признавшим действия английского правительства неправильными и обязавшим его уплатить убытки США.

103

Вопрос о рыболовстве в Беринговом море. Когда Аляска принадлежала России, царское правительство в 1821 г. издало указ, запрещавший иностранцам ловлю рыбы и котиков в пределах стомильной полосы вдоль берегов Аляски. Соединенные штаты и Великобритания протестовали против этого указа и добились соглашения с Россией, по которому их граждане были исключены из действия упомянутого указа. Но после покупки Аляски в 1867 г. правительство США со своей стороны издало распоряжение, подобное русскому указу 1821 г. Великобритания протестовала. По обоюдному согласию в 1892 г. вопрос был передан на арбитраж, который в 1893 г. решил дело целиком в пользу Великобритании.

Автор, по-видимому, имеет в виду одобрение исполнительной властью Соединенных штатов подписания протокола устава Постоянного международного суда 16 декабря 1920 г., протокола о пересмотре устава Постоянного международного суда 14 сентября 1929 г. и протокола о присоединении Соединенных штатов к протоколу об уставе Постоянного международного суда 14 сентября 1929 г., которые были 10 декабря 1930 г. и снова 16 января 1935 г. представлены сенату, но которые остались без ратификации.

105

Предостережение Вашингтона о принятии США обязательств в отношении европейских стран было сделано им перед его уходом с поста президента в 1796 г. Это предостережение указывало на нежелательность заключения договоров союзного характера с европейскими державами и допускало их лишь при особо важных обстоятельствах.

106

В Японии 15-й день 8-го месяца лунного года является популярным праздником, и народ наблюдает полнолуние с соблюдением известных обрядов. Обычай наблюдения луны потерял в значительной степени свое прежнее религиозное значение, и теперь он является, поводом для восхищения красотой лунного света.

107

Статья XIII японской конституции гласит: «Император объявляет войну, устанавливает мир и заключает договоры». Утверждение Исии, что формулировка, данная в пакте Келлога — Бриана, о том, что договор, заключающий слова «от имени народа», противоречит японской конституции, в такой же мере правильно, как утверждение, что эта формулировка противоречит французской, английской и другим конституциям буржуазных стран. По французской конституции, президент тоже объявляет войну, устанавливает мир и заключает договоры. Правда, он делает это по предложению своего правительства и в некоторых случаях с согласия парламента, но это вопрос внутреннего характера. Какие предварительные действия предпринимаются до решения президентом подписать тот или иной договор, с вопросом внешних отношений не связано.

Американская лига признания войны незаконной играла известную роль в деле выработки проекта, договора. Но Исии преувеличивает ее роль. На самом деле этот договор соответствовал планам внешней политики американского правительства, поскольку оно хотело иметь особое соглашение подобного характера с Францией (инициатива переговоров о таком договоре принадлежала Бриану), а кроме того американское правительство хотело затруднить осуществление агрессивных планов Японии, которая как раз в то время осуществляла занятие Шаньдуна в Китае и активизировала свою политику в Манчжурии.

109

Шлезвиг-Гольштейн — датская провинция, из-за которой в 1864 г. велась война между Германией и Австрией, с одной стороны, и Данией, с другой, кончившаяся присоединением Шлезвиг-Гольштейна к Германии. После мировой войны по Версальскому договору большая часть этой провинции была возвращена Дании.

Японское правительство сделало декларацию в отношении фразы «от имени своих народов», которая была приложена к документу о ратификации. Эта декларация (1) и документ о ратификации (2) гласят:

1. «Императорское правительство заявляет, — что фраза «от имени своих народов», появившаяся в статье первой договора об отказе от войны, подписанном в Париже 27 августа 1928 г., рассматриваемая в свете положений императорской конституции, считается неприменимой в отношении Японии.

(Имя его величества)

2. По милости неба, император Японии, восседающий на троне, занимаемом той же династией без перемен вечные времена.

Всем, кто может это получить, привет.

Рассмотрев договор об отказе от войны, подписанный в Париже японским уполномоченным вместе с уполномоченными других держав 27 августа 1928 г., в отношении которого японское правительство двадцать шестого дня шестого месяца четвертого года Сёва (1929) обнародовало декларацию относительно фразы, содержащейся в первой статье этого договора, мы, подтверждая названную декларацию, одобряем, принимаем и ратифицируем этот договор.

Для уверенности в этом мы подписываем этот документ и предлагаем, чтобы к нему была приложена большая печать империи. Токио, двадцать шестого дня шестого месяца четвертого года Сева (1929), т. е. две тысячи пятьсот восемьдесят девятый год со времени коронации императора Дзимму.

(Печать империи).
(Собственноручная подпись императора).
Подтвердил: Министр иностранных дел».

111

Во время царствования императора Кокена (749–758 н. э.).

112

Бог войны.

113

Главная квартира Хидейоси в Японии.

114

Военный правитель, который отбил нашествие монголов.

115

«Надо ясно понять, что его величество император является воплощением суверенитета в нашей стране… Однако благодаря приравниванию заграничных условий и иностранных академических теорий к формам нашего государства у нас появился взгляд на императора, как на учреждение. Этот взгляд предполагает, что суверенитет воплощается в народе, а не в императоре, и что император является одним из учреждений государства. Все это совершенно не согласуется с основным смыслом нашей священной формы государства…» Это заявление было сделано японским правительством после чрезвычайного заседания кабинета 15 октября 1935 г, для того, чтобы разрешить спор, поднявшийся благодаря книге профессора Минобэ, дающей толкование конституции Японии.